

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Forum für osteuropäische
Ideen- und Zeitgeschichte

№№ 1-2, 2019

Distributed by
ibidem Press

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№№ 1-2, 2019

Редакция:
Леонид *Люкс* (главный редактор)
Николаус *Лобковиц*
Алексей *Рыбаков* (Алексей *Макушинский*)

Андреас *Умланд*
Антонина *Зыкова*
Антон *Шеховцов*
Марина *Цой*

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№№ 1-2, 2019

Редакция:

Леонид *Люкс* (главный редактор)

Николаус *Лобковиц*

Алексей *Рыбаков* (Алексей Макушинский)

Андреас *Умланд*

Антонина *Зыкова*

Антон *Шеховцов*

Марина *Цой*

Адрес редакции:

Zentralinstitut für Mittel- und
Osteuropastudien Katholische Universität
Eichstätt-Ingolstadt Marktplatz 7

D-85072 Eichstätt

E-Mail: zimos@ku.de

На обложке: Фотография С. Л. Франка

http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/frank_sl.php

Графическая обработка:

Марина Цой

Содержание

I. Русские европейцы (8)

Леонид Люкс

«Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы» -
деятельность Федора Степуна в эмиграции на примере его статей
в журналах *Хохланд* и *Новый Град* (1924-1940 гг.) 5

Оксана Назарова

О методологии исследования «камерных» образцов философского
творчества: на примере публикаций Семена Франка о Максиме Горьком 30

Семен Франк

Максим Горький 42

Семен Франк

Максим Горький и марксизм. На смерть писателя 18 июня 1936 года 47

II. История идей

Шохей Сайто

Николай Трубецкой и его этнографическое видение национальных
меньшинств в Российской империи и за ее пределами (1905-1913 гг.) 51

III. История культуры

Людмила Дымерская-Цигельман

Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве 69

IV. Политология

Михаил Минаков

Выбор 1991 года: как украинцы оценивают выбор в пользу
национального государства, демократии и капитализма 123

V. Страницы новейшей истории

Игорь Баринов

«Создать новый дух белорусской нации»:
жизнь и смерть Фабиана Акинчица 141

Борис Хавкин

Еврейское Сопротивление в нацистской Германии 1933-1945 гг. 162

Илья Кремер

Дело *Дипломатического словаря* и «пятый пункт»
в эпоху позднего сталинизма 189

VI. Эссе

Андреас Умланд

Четыре геополитических измерения децентрализации Украины:
как украинская реформа местного самоуправления повлияет
на развитие постсоветских стран 209

VII. Воспоминания

Мы строим московскую «линию Мажино»: воспоминания Ильи Кремера 223

Коротко об авторах 231

I. Русские европейцы (8)

Леонид Люкс

«Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы»¹
– деятельность Федора Степуна в эмиграции на примере его статей в журналах *Хохланд* и *Новый Град* (1924-1940 гг.)²

Федор Степун, рожденный в 1884 г. в Москве в семье предпринимателя немецкого происхождения, был одним из важнейших за последние сто лет посредников между немецкой и русской культурами. В 1910 г. Степун завершил изучение философии в Гейдельберге, где защитил диссертацию у профессора Вильгельма Виндельбанда по творчеству Владимира Соловьева. Степун считал немецкую философию самой глубокой формой современного ему философского мышления и пытался, несмотря на широко распространенный в России в начале XX в. скепсис в отношении Германии, всячески популяризировать немецкую философию на своей родине. В то же время Степун был русским патриотом. В Первой мировой войне он как офицер русской армии воевал против Центральных держав. В 1915 г. он был тяжело ранен на фронте в Галиции. После свержения царя во время Февральской революции 1917 г. Степун полностью поддержал новую русскую демократию и служил ей на некоторых ответственных постах, в частности в военном министерстве Временного правительства.

¹ Цитата из Höntzsch F. Fedor Stepun – ein Mittler zwischen Rußland und Europa // *Hochland*. № 34. Vol. 2. April–September 1937. P. 189-200, цит. p. 190; см. также: Кантор В.К. Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 3-33; его же. Федор Степун: хранитель высших смыслов или сквозь катастрофу XX века // Федор Августович Степун / Изд. Владимира Кантора. М., 2012. С. 5-33; его же. Вступление. Письма Федора Степуна // Федор Степун. Письма / Изд. Владимира Кантора. М., 2013; его же: Fedor Stepun über Deutschland // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2010. Vol. 14. Heft 1. P. 125-138; Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884-1945. Berlin, 2001; idem. Russe als Beruf // *Fedor Stepun: Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924-1936* / Ed. Christian Hufen. Berlin, 2004, P. 269-288; Hufen. Ch. Три мечты – одна безумная надежда // Федор Августович Степун. С. 34-54; Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990; Философ Федор Степун и его вклад в русско-немецкий диалог. Интервью Евгении Штейнберг с Леонидом Люксом // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2015. № 1. С. 16-24.

² Расширенная немецкая версия этой статьи была опубликована в сборнике *Carl Muth und das Hochland (1903-1941)* / Ed. Thomas Pittrof. Freiburg i.Br., Berlin, Wien, 2018, сокращенная русская версия в журнале *Социологическое обозрение*. 2018. № 2.

Степун никоим образом не разделял разочарование демократической системой, охватившее образованную часть русского общества уже через несколько месяцев после свержения царя. Степун считал демократию общественным устройством, как на Западе, так и на Востоке, наилучшим образом гарантирующим человеческое достоинство и идеалы справедливости, истоки которых философ видел в христианстве. Этому убеждению он был верен всю свою жизнь. В сентябре 1922 г. Степун в одном ряду с известными русскими интеллектуалами (Николаем Бердяевым, Семеном Франком, Питиримом Сорокиным и другими) был выслан из России. Газета *Правда* комментировала высылку ученых следующим образом: «Среди высланных нет крупных научных имен. В большинстве – это политикантствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами»³. Но и на Западе эмигрантским мыслителям редко уделяли должное внимание. Западную общественность прежде всего интересовали победители внутрироссийской борьбы – большевики, а не проигравшие эмигранты, которые должны были вдали от родины бороться не только за духовное, но и за материальное выживание. Однако на Западе были и люди, пытавшиеся плыть против течения: они были готовы слушать русских мыслителей-эмигрантов. К их кругу принадлежали и издатели католического журнала *Хохланд*, который в 1920-1930-е годы был своего рода форумом русских авторов в эмиграции. Особенно часто на его страницах выступал Федор Степун.

Рассмотрим его статьи в журнале *Хохланд* на тему русской революции и европейского кризиса XX в.

Русская революция с точки зрения современника

Первая статья Степуна в журнале *Хохланд* появилась уже через полтора года после его высылки из России. Это были начальные очерки цикла «Мысли о России», которые параллельно публиковались в Париже в эмигрантском журнале *Современные записки* (до начала 1930-х годов Степун руководил литературной частью этого журнала).

Русский оригинал первой части этого цикла был опубликован в 1923 г., когда международные отношения в Европе и социально-экономическое положение Германии (Степун тогда жил в Берлине) чрезвычайно обострились вследствие Рурского кризиса, т.е. оккупации одного из самых высоко развитых промышленных центров Германии французскими и бельгийскими войсками. Несмотря на это, тогдашний Запад, по сравнению с большевистской Россией и начавшимся в

³ См. Кантор. Федор Степун: хранитель высших смыслов. С. 13-14; Срав. также Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. М., 2005; Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.

1917-1918 гг. «русским апокалипсисом» (определение Василия Розанова), олицетворял для Степуна «нормальность» как таковую: «Вся европейская жизнь, при всем ее расстройстве, по-прежнему определяется нормами разума. Последние пять лет русской жизни, однако, соединили в душе в неразрывное целое ощущение безумия и реальности. [...] Они превратили [...] безумие [...] в сущность [...] бытия»⁴.

Как же это могло случиться? Как могла одна из самых больших империй на Земле столь быстро разрушиться? Русские демократы, по мнению Степуна, несут значительную долю ответственности за это. Как восторженно приветствовали они стремительное разрушение всех структур русского государства, которое они отождествляли с ненавидимой ими монархией! Как услужливо мирились они со вспышками ненависти простых солдат против всего офицерского корпуса! Слишком наивными были их ожидания, что на следующее утро после краха старого режима в России наступят славные времена невиданной ранее социальной справедливости и свободы⁵.

Нельзя забывать о том, что эти горькие слова исходили из уст убежденного демократа, который, однако, не отрицал ответственности своей и своих единомышленников за начавшуюся в 1917 г. катастрофу. Тем не менее Степун до конца всеми доступными средствами пытался защитить строй, установленный в России после Февральской революции. Но когда «первая» русская демократия в октябре 1917 г., через 8 месяцев своего существования, была уничтожена большевиками, Степун не был готов вслед за многими своими боевыми товарищами присоединиться к антибольшевистской Добровольческой армии: «Вооруженная борьба против них [большевиков] всегда казалась бессмысленной – и бесцельной, ибо дело все время не в них, но в той стихии русского безудержа. [...] Историческая задача России [...] в годы 1918–1921 заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с разнузданностью нашего безудержа. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулеметами, ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки»⁶. Также думали и некоторые другие русские мыслители-эмигранты, в частности Семен Франк⁷.

Степун рассматривал большевизм как неотвратимое зло, что вызывало возмущение многих его товарищей по изгнанию, для которых каждый компромисс с советским режимом был предательством антибольшевистских идеалов. При этом критики Степуна не замечали, что принятие Степуном новой российской реальности было лишь внешним. Признание большевизма из внутреннего убеждения

⁴ Stepun F. Das bolschewistische Rußland. Gedanken und Bilder // Hochland. № 21. Vol. 2. April–September 1924. P. 243-262, 412-425, 522-539, цит. p. 244.

⁵ Там же. P. 414-418; см. также: Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967; Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924; Федотов Г. Лицо России. Сборник статей. (1917-1931). Париж, 1931.

⁶ Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. 1923. № 14. С. 397.

⁷ Франк С. Биография П.Б. Струве. Париж, 1956. С. 126.

было для него неприемлемо. Степун считал, что в настоящее время с политической точки зрения было бы легитимно принять, хотя бы временно, большевистское государство, так как политика – это «искусство возможного». Однако с этической точки зрения, это принятие реальности совершенно неприемлемо, потому что в области нравственности нужно стремиться к невозможному⁸.

Степун четко отделял себя от возникшего в 1921 г. в русской эмиграции движения «Смена вех» и остро критиковал его в своих статьях, так как эти бывшие радикальные противники большевизма теперь были готовы признать большевиков как победителей в гражданской войне не только внешне, но и «внутренне», из «благодарности» за восстановление территории большей части Российской империи. Тем самым, как полагали ведущие идеологи «сменовеховства», победили, по крайней мере, окольными путями, «белые идеи». Большевики начали свой политический путь как воинствующие противники Российской империи, сторонники ее тотальной дезинтеграции. В итоге же они стали ее восстановителями и спасителями, считали сменовеховцы. Хотя большевистское государство внешне «красное» – интернационалистское и революционное, внутри оно «белое» – патриотическое и национальное, добавляли они. Николай Устрялов, видный представитель «сменовеховского» движения, писал в феврале 1920 г.: «Как это, быть может, не парадоксально, но объединение России идет под знаком большевизма [...] Первое и главное – соби́рание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится. И если приходится с грустью констатировать крушение политических путей, по которым мы до сих пор шли, то великое утешение наше в том, что заветная наша цель – объединение, возрождение родины, ее мощь в области международной – все-таки осуществляется и фатально осуществится»⁹.

Аргументы такого рода Степун не принимал, хотя и сожалел по поводу частичного распада Российской империи после 1917 г.¹⁰ Несмотря на это, он никоим образом не был готов «внутренне» признать советский режим вследствие его «имперских достижений». Тот факт, что большевики были жестокими разрушителями свободного общества, возникшего в России после свержения царизма, значил для него слишком много. Но Степун не принимал большевиков не только потому, что они разрушили русскую демократию, но и потому, что в его глазах они являлись олицетворением «предельного упрощения». В этой связи Степун цитирует основоположника русской социал-демократии Георгия Плеханова, который в 1917 г. сказал, что Ленин «может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения»¹¹. Это определение Плеханова, скорее всего, вытекает из определения знаменитого швейцарского историка Якова Буркхардта.

⁸ Stepun. Das bolschewistische Rußland. P. 525.

⁹ Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 5-6.

¹⁰ См. Stepun. Das bolschewistische Rußland. P. 413-414.

¹¹ Ibid. P. 538.

Степуну было ясно, что большевистской системе, как и любому тоталитарному режиму, никоим образом не было достаточно лишь внешней лояльности поданных. Целью большевиков была полная идентификация всех слоев подвластного им населения с идеологическими постулатами режима, т.е. внутреннее принятие существующего состояния. Высылка в 1922 г. ведущих российских мыслителей из своей страны подчеркнула тот факт, что большевистское правительство считало идеологическое перевоспитание этих своевольных личностей не имеющим шансов на успех¹².

Следующие очерки цикла «Мысли о России»¹³, опубликованные в журнале *Хохланд* под заглавием «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России»¹⁴ между 1924 и 1926 гг., были посвящены радикальной критике демократических идей, столь распространенной среди образованного класса как в России, так и в эмиграции после 1917 г. Степун не считал молодую и непрочную русскую демократию, которая была не в состоянии защититься от натиска ее врагов-большевиков, важнейшей, чуть ли не единственной причиной русской катастрофы октября 1917 г.

При этом Степун подчеркивал, что среди наиболее непримиримых критиков демократического эксперимента в стране были те, кто в свое время полностью одобрял новый строй, установленный в феврале 1917 г., кто никоим образом не был готов поддержать прогнившее здание российской монархии: «в те дни все, от социалистов до черносотенцев, были революционерами и демократами», – писал он¹⁵.

Теперь же многие из них отвернулись от прежних идеалов, устыдились своей прежней якобы наивности: «Багровый гнев, которым пылают их щеки, когда они говорят о пресловутом "феврале", чаще всего ни что иное, как краска стыда воспоминаний о своем непростительном революционном восторге, сентиментальные, глупые надежды на то, что все помирятся и будут счастливы. [...] Они ожидали, что революция сделает людей свободными и поэтому не могут ей простить, что она как дикий зверь набросилась на своих освободителей»¹⁶.

Описанная Степуном «переоценка ценностей» в лагере бывших российских демократов и либералов на самом деле представляла собой широко распространенное явление. Показательна в этом плане позиция влиятельного публициста и политика Петра Струве. В опубликованной в 1922 г. в эмиграции статье он не нашел никаких качественных различий между демократической фазой русской революции (февраль-октябрь 1917 г.) и ее тоталитарной фазой, начавшейся после большевистского переворота: «Духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый

¹² Ibid. P. 527.

¹³ Hochland. № 22. Vol. 1. Oktober 1924 – März 1925. P. 389-403, 557-571.

¹⁴ Hochland. № 23. Vol. 1. Oktober 1925 – März 1926. P. 412-434.

¹⁵ Stepun. Die Mission der Demokratie in Russland. P. 417.

¹⁶ Stepun. Das Problem der Demokratie in Rußland. P. 390, 393.

процесс [...]. Реально, вся революция как народное движение рождалась и родилась из духа большевизма. Большевизм выражает русскую революцию»¹⁷.

Отождествление демократического и тоталитарного этапов русского переворота 1917 г. размывало все различия между ними. Февральская революция стала кульминацией начавшейся, главным образом, в 1825 г. (движение декабристов) борьбы русского общества против государственного гнета. Она завершила шедший с 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое, основанное на разделении властей и признании основных прав человека общество. Она уничтожила все сословные привилегии, гарантировала полную свободу религии и свободу слова, отменила неравноправие полов и ввела раньше, чем многие западные страны, избирательное право для женщин. Тот факт, что это торжество свободы было насильственно прервано в октябре 1917 г., был следствием многих ошибок и неиспользованных возможностей неопытной российской демократии, а также проявлением коварства ее врагов-большевиков и близорукости военного командования Германии, которое, поддерживая своих «классовых врагов» большевиков, стремилось положить конец войне на два фронта. Однако этот конец «первой» русской демократии не был предопределен заранее. Были и иные возможности разрешения существовавшего кризиса. Но это уже другой вопрос. Гораздо важнее в этой связи отметить, что большевистский этап русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывался на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный общественный строй в российской истории, просуществовавший столь недолго, был вытеснен самым несвободным¹⁸.

Но вернемся к данному Степуном анализу поражения «первой» русской демократии. Как было сказано, Степун был готов признать значительную долю ответственности российских демократов за начавшуюся в октябре 1917 г. русскую трагедию: «Те русские демократы, которые [...] не несут свой позор и свою вину в сердце, естественно, не имеют никакого морального права защищать правое дело демократии в России. [...] Необходимо признать, что всему достигнутому и созданному революционной демократией при Временном правительстве почему-то не хватало подлинности и вескости, осознания ответственности, чувства значительности и важности происходящего»¹⁹. Однако Степун категорически отвергал распространенный тезис о демократах как «единственных, кто виноват во

¹⁷ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее // его же. Избранные сочинения. М., 1999. С. 319-330, цит. с. 320-323.

¹⁸ Преувеличенная критика Февральской революции со стороны Струве была явно вызвана полученной и так и непреодоленной им травмой: поражением этой революции. С.Л. Франк, близкий друг Струве, сообщает в написанной им биографии Струве, сколь высоки были в начале ожидания Струве, связанные с Февральской революцией: «Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами» (Франк. Биография П.В. Струве. С. 111-112). Можно предположить, что несправедливое и излишне строгое суждение Струве о характере Февральской революции явилось следствием завышенных надежд, которые он в свое время с ней связывал.

¹⁹ Stepun. Das Problem der Demokratie in Russland. P. 399; idem. Die Mission der Demokratie in Russland. P. 418.

всех ужасах современного состояния России». Тех, кто так рассуждал, он спрашивал, «а где они были, когда демократия совершала свои исторические ошибки»²⁰?

Несмотря на свою готовность тщательно исследовать поведение русских демократов, Степун в очерке «Миссия демократии в России» высказывал несколько сомнительный тезис, касающийся поведения символической фигуры «первой» русской демократии Александра Керенского во время «контрреволюционного» мятежа Верховного главнокомандующего русской армии генерала Корнилова в августе 1917 г. Керенский тогда призвал большевиков создать единый фронт против «контрреволюционной опасности». Степун считал это обращение к большевикам «неизбежным»²¹.

На самом же деле речь шла о капитальной ошибке русских демократов. Большевики после провалившейся попытки путча 3-5 июля 1917 г. находились в плачевном состоянии. Правительство распустило их вооруженные формирования и частично запретило их прессу. Скрываясь от суда по обвинению в государственной измене (сотрудничество с Германией), Ленин бежал из Петрограда и жил в укрытии на финской территории. Однако почти все ограничения правительства по отношению к большевикам были отменены во время Корниловского мятежа.

Действительно ли борьба против Корнилова требовала мобилизации всех левых сил России, включая таких воинственных антидемократов, как большевики? Провал путча показал, что армия больше не подходит для борьбы против собственного народа. Так что русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно противостоять опасности справа. Тем не менее, страх демократов перед контрреволюцией был настолько велик, что они существенно недооценили свои силы. Не в последнюю очередь поэтому они вновь дали оружие в руки большевиков, разоруженных в июле 1917 г. Это было, явно, самым катастрофическим последствием мятежа Корнилова.

В последней части своего очерка «Миссия демократии в России» Степун рассматривает широко распространенные как на Востоке, так и на Западе стереотипные представления о недостатках демократического общественного порядка как такового. Вот некоторые из его аргументов: «Все утверждения, что демократия по своей сути чужда народу и безбожна, являются совершенно необоснованными. Сущность демократических взглядов основана на утверждении человеческой личности [...] [...] Ложно] утверждение, что пафос демократии основан на защите количества и отрицании качества. Демократия, наделяя избирательным правом каждого отдельного гражданина, не отнимает и не убивает в нем ни одного из его личных качеств»²². Вывод Степуна гласит: «Я хорошо знаю, что сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии

²⁰ Stepun. Die Mission der Demokratie. P. 424.

²¹ Ibid. P. 422.

²² Ibid. P. 429-430.

как национальную религиозную идею России. Но, может быть, лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным»²³.

Наряду с приверженностью демократии, Степун в своих статьях «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России» пишет о повседневной жизни большевистской России, выступая в качестве своего рода предшественника (*avant la lettre*) Джорджа Оруэлла. Согласно Степуну, сущностной чертой большевистского режима было переосмысление многих слов и понятий, которые в дототалитарной или нетоталитарной реальности имели противоположный смысл. Два с половиной десятилетия спустя Джордж Оруэлл назвал этот феномен «новоязом» («*newspeak*»). Степун пишет: «С первых дней [большевистского] господства все начинает разваливаться. Жизнь приобретает странный, призрачный характер. Требование мира проникает в армию в качестве предвестника гражданской войны. За братанием с врагом скрывается подстрекательство к убийству собственных офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью к ее применению [...]. Учредительное собрание созывают, чтобы разогнать его [...]. Без сомнения, что этот "стиль" власть имущих при полном отсутствии свободы слова и систематическом подавлении любого "общественного мнения" глубоко отразился на духовной структуре русской жизни и русском обществе. Из всех зол, причиненных России большевизмом, самым серьезным, без сомнения, является ее моральное разложение»²⁴.

Следующая часть цикла «Мысли о России» появилась в журнале *Хохланд* в 1926-1927 гг. под названием «Метафизический смысл революции и советская литература»²⁵. В начале очерка Степун рассматривает «совершенно непереносимый» для него феномен, а именно немецкий «салонный коммунизм»: «Без малейшего чувства боли за *свою* Европу, [...] они (во мнении, что тем самым льстят нашему русскому национальному чувству) расхваливают поэзию большевистской России с ее пророческим хаосом (в стиле Достоевского) и ее живописно-кровавой зрелищностью (в стиле, не уступающем Шекспиру). [...] С наивной, снисходительной улыбкой людей, которые ничего на себе не испытали, они говорят, что революции не делаются в белых перчатках, что дух и кровь всегда связаны друг с другом»²⁶.

Когда Степун пытался поставить под вопрос это любование русской катастрофой, ему довелось услышать от одного из своих собеседников, что «все [русские] эмигранты за деревьями не видят леса, что европейцы, задыхающиеся от затхлости Западной Европы, могут понять всемирное значение большевистской России лучше, чем сами русские»²⁷.

²³ Ibid. P. 433.

²⁴ Stepun. Das Problem der Demokratie. P. 563-564.

²⁵ Hochland. № 24. Vol. 2, 1926–1927. P. 34-45, 187-198.

²⁶ Stepun. Der metaphysische Sinn. P. 35.

²⁷ Ibid.

Разумеется, Степун не отрицал эпохального значения русской революции; вопреки всему сказанному, он даже отмечал ее позитивные аспекты, которые, однако, в корне отличались от представлений «салонных коммунистов», причем не только в Германии. С точки зрения Степуна, к числу важнейших последствий «русского апокалипсиса» принадлежал тот факт, что в нем открывался глубокий смысл некоторых явлений: «Общая неопределенность будущего в те дни придавала всему стилю и духу времени суровую серьезность. В свете этой серьезности все привычные давно лишенные смысла вещи вновь обретали свой вечный смысл. Ломоть черного хлеба, который вся Россия берегла как просфору, чтобы ни одной крошки не пропало, вновь для всех означал жизнь, кровом стала квартира, [...] очагом – печь, спасавшая от голода и холода. [...]. Мы ясно знали, кто [...] герой, а кто – трус. [...] Все поднялось, приобрело истинное лицо и истинный смысл. Невероятно быстро в жизни исчезли фиктивные перегородки»²⁸.

Во второй части очерка Степун рассматривает чрезвычайно интересное с его точки зрения явление, недооцененное, как он полагает, большинством русской эмиграции, а именно – современную ему советскую литературу. Степун подчеркивает, что наиболее талантливые советские писатели, такие как Борис Пильняк, Леонид Леонов или Исаак Бабель, полностью игнорируют господствующую в Советском Союзе идеологию и пишут по своему собственному усмотрению: «Каждым более-менее талантливым словом [...] советская литература неустанно повторяет, что между Россией и большевистским коммунизмом идет борьба не на жизнь а на смерть; что все, что коммунисты пытаются навязать жизни в качестве ее нового смысла, отвергается самой жизнью, превращаясь в нелепость и бессмыслицу. [...] Все] это красноречиво свидетельствует, что советская литература – не есть продукт, произведенный в идеологических лабораториях коммунизма, она является его противоположностью, разоблачает его»²⁹.

Почему же тогда советские литературные чиновники терпят эту литературу, которая практически не учитывает идеологических предпосылок режима? Согласно Степуну, все это имеет очень простое и в то же время глубокое объяснение: «если своих товаров нет, а торговать нужно, то приходится торговать чужими, которые выдаются за свои»³⁰.

К этому следует, однако, добавить, что единолично правящая партия, которая полностью контролировала все рычаги власти в государстве, не была готова слишком долго терпеть это литературное или художественное отклонение от своей генеральной линии в сфере идеологии.

Вследствие начавшейся в 1929 г. сталинской двойной революции сверху (коллективизации сельского хозяйства и форсированной индустриализации страны) были устранены не только свобода хозяйственной деятельности, но и свобода художественного творчества любого рода. С этого времени не только литература

²⁸ Ibid. P. 41-42.

²⁹ Ibid. P. 190, 192.

³⁰ Ibid. P. 194-195.

и искусство, но и гуманитарные, социальные, а также естественно-научные дисциплины прежде всего служили достижению одной цели – прославлению Сталина и созданной им системы. Как это ни парадоксально, литературное направление, выдававшее тогдашний режим террора за рай на земле, получило название не «сталинский фикционализм», а «социалистический реализм». Это учрежденное на первом съезде советских писателей в 1934 г. направление в литературе, имевшее свой аналог в искусстве, представляло собой эквивалент генеральной линии партии. Отклонения от нее карались очень строго, вплоть до смерти.

Но вернемся к Степу. Наряду со многими глубоко впечатляющими положениями, его трактат содержит и пассажи, которые выглядят менее убедительными. Речь идет об огульной критике Степуном русской эмиграции. Он пишет, что многие эмигранты в воспоминаниях с наслаждением предаются прославлению старой России. Это приводит к тому, что они «отрекаются от подлинной России». Аналогично, с точки зрения Степуна, действуют и большевики, которые во имя «мертворожденной мечты о будущем» потеряли из поля зрения «настоящую Россию»³¹. Это общее обвинение, выдвигаемое Степуном в отношении большинства эмигрантов, было, конечно же, неоправдано. В русской эмиграции существовали довольно многочисленные группы и авторы, которые весьма критически относились к прошлому своей страны.

Сотрудничество Степуна с журналом *Хохланд* было на много лет прервано после публикации его статьи «Метафизический смысл революции». Так, биограф Степуна Христиан Хуфен отмечает, что написанный в 1930 г. на немецком языке трактат Степуна «Советофилия», который изначально предназначался для журнала *Хохланд*, так и не был напечатан в этом журнале³². Лишь после «захвата власти» в Германии нацистами Степун вновь стал регулярно публиковать свои тексты в журнале *Хохланд*. До этого публицистическая деятельность Степуна была прежде всего сосредоточена в основанном им в 1931 г. вместе с историком Георгием Федотовым и публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским эмигрантском журнале *Новый Град*.

Федор Степун и основание журнала *Новый Град*

«Золотые» двадцатые годы, которые принесли в европейский послевоенный мир порядок временную передышку и замедлили торжество левого и правого тоталитаризма, внезапно закончились в октябре 1929 г. с крахом Нью-Йоркской биржи. Победа НСДАП на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. и начавшаяся в 1929-1930 гг. сталинская революция сверху придали тоталитарной опасности,

³¹ Ibid. P. 198.

³² Hufen. Fedor Stepun. P. 315-316.

угрожавшей старому континенту, совершенно новое измерение. Победы Сталина и Гитлера сопровождалась беспрецедентным кризисом идентичности во все еще остававшейся свободной западной части европейского континента, который в противостоянии с более агрессивным тоталитаризмом сдавал свои позиции одну за другой. В этой ситуации в Париже начал издаваться русский эмигрантский журнал *Новый Град*³³.

Редакторы журнала принадлежали к тем эмигрантским кругам, которые отказывались от политического радикализма и утопизма любого рода, – как левого, так и правого толка – и которые продолжали идеи русского религиозно-философского ренессанса начала 20 века, который олицетворял собой сборник *Вехи*. Некоторые авторы *Вех* были также и авторами *Нового Града*, например, Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Однако особое влияние на программу журнала имели Георгий Федотов и Федор Степун.

Уже в своем первом, вышедшем в 1931 году номере журнал *Новый Град* однозначно сформулировал свою политическую и идеологическую позицию. Защита свободы – по мнению редакторов, важнейшего наследия 19 века – была для них центральной задачей времени. Поэтому «новоградцы» объявили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным врагам свободы. Однако они также резко критиковали и европейский либерализм. Они упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился *Новый Град*.

«Новоградцы» обвиняли либеральное государство также в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине у него не было достаточно энергии оказывать сопротивление тоталитарным фанатикам: «парламентская демократия представляет собой политическую систему не только равнодушную к вопросам мировоззрения, но и защищающую это равнодушие как свое *миросозерцательное кредо*», – пишет Степун. «Свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная демократия ощущает как защиту *идеи* свободы. Эта терминология не точна, – продолжает Степун. – *Идея* свободы (идея в платоновском, метафизическом смысле слова) в отрыве от истины, не познаваема. Свобода, в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть *путь истины в мир и путь мира к истине*»³⁴.

³³ Ср. Raeff M. „Novyj Grad“ and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert / Ed. I. Auerbach, A. Hillgruber, G. Schramm. Freiburg, 1985. P. 255-265; Мень Александр. Возвращение к истокам // Vehi.net. www.vehi.net/men/fedotov2.html; Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Paris, 1967. С. I–XXXIV; Степун Ф. Г.П. Федотов // Сочинения. М., 2000. С. 747-761. Hufen. Fedor Stepun. P. 385-410; Современные записки. Париж 1920–1940. Из архива редакции / Ed. Oleg Korostelov, Manfred Schrub. Paris, 2011. Vol. 1. P. 60, 85, 89, 93, 411, 615, 625.

³⁴ Степун. Сочинения. С. 356.

В своих вышедших после Второй мировой войны заметках к кредо *Нового Града* Степун добавляет: «Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устройство жизни, в случае ее отрицания – ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы, мы, люди XX века, подошли совсем близко»³⁵.

Общественный строй *Нового Града* должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах. Однако на христианстве, которое значительно чувствительнее реагирует на социальный вопрос, чем это делают традиционные церкви³⁶.

Группа «Новый Град» и кризис западной демократии

Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, многие западные наблюдатели связывали с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен был заменить царскую монархию.

Авторы *Нового Града* были, в свою очередь, удивлены неспособностью западноевропейских демократий дать отпор своим тоталитарным противникам – это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы в отличие от России. «Новоградцы» подробно занимались кризисом Веймарской республики начала 1930-х годов. Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов – не в последнюю очередь социал-демократов, которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 г.: «Она (социал-демократия) пала так же бесславно, как монархия Николая II, – писал Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась», – Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели»³⁷.

³⁵ Старые – молодым. Мюнхен, 1960. С. 98.

³⁶ Федотов Георгий. Россия, Европа и мы. Сборник статей. Париж, 1973. С. 135-141.

³⁷ Степун. Сочинения. С. 482; Степун не учитывает здесь, однако, того факта, что СДПГ была единственной партией в Рейхстаге, которая голосовала 23 марта 1933 против «Закона о полномочиях», при помощи которого нацистское правительство превратило Рейхстаг в марионетку режима.

Поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в собственную победу».

Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками Германии, не в последнюю очередь с католическим Центром – добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые русские эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органической» эпохи по примеру европейского средневековья: «(Победа) национал-социализма является ... не шагом к новому средневековью, а прыжком в некоторое новое варварство»³⁸.

Георгий Федотов, в свою очередь, считал крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, вышедшую в том же седьмом номере *Нового Града*, в котором была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит»: «Вот уже третье предостережение, – пишет Федотов. – Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает унести в пропасть еще уцелевший крайний запад континента. И там Федотов диагностировал слабование, кризис идентичности и пассивность: «Нигде не видим ни новых идей, ни сильных партий, ни больших вождей. Нигде нет ни плана конструктивной реформы ... Такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»³⁹.

Год спустя, под впечатлением сокрушительного поражения Веймарской демократии, Степун в опубликованной в *Новом Граде* статье «Идея России и формы ее раскрытия» размышлял о том, какая демократия нужна постбольшевистской России: Это должна быть демократия, которая не допускает «демократической борьбы против демократии... Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*»⁴⁰.

Разногласия Степуна с Третьим рейхом и нацистской идеологией

После прихода Гитлера к власти Степуна, убежденного демократа, публиковали лишь немногие немецкоязычные издания. Лишь там он имел возможность публично выражать, хотя и между строк, свои политические взгляды. Среди этих

³⁸ Там же. С. 486.

³⁹ Федотов Георгий. Тяжба о России (статьи 1933-1936 гг.). Париж, 1982. С. 103, 113.

⁴⁰ Степун. Сочинения. С. 501. В журнале *Хохланд*, между прочим, не раз обсуждалась программа «Нового Града». См., например, Höntsch Fred. Fedor Stepun – ein Mittler zwischen Rußland und Europa // *Hochland*. № 34. Vol. 2. April-September 1937. P. 189-200.

исключений был и журнал *Хохланд* – один из последних бастионов «полусвободного слова» в Третьем рейхе. Сотрудничество между журналом и русским философом, прерванное в конце 1920-х годов, было возобновлено. О характере журнала и о его роли в нацистском государстве Степун писал 31 июля 1934 г. в письме одному из редакторов журнала Фридриху Фуксу: «Вообще я должен сказать, что "Хохланд" сегодня это самый яркий, интересный и значительный журнал. Надеюсь, и в дальнейшем вы удержитесь на том же уровне»⁴¹.

Статьи, которые Степун с 1933 г. публиковал в журнале *Хохланд*, были посвящены исключительно русской тематике. Однако нередко они содержали намеки на тогдашние порядки в Германии. Например, в 1933 году в *Хохланд* после многолетнего перерыва была опубликована статья Степуна, посвященная русскому философу-культурологу и поэту Вячеславу Иванову. Иванов, который, как и Степун, после большевистского переворота вынужден был покинуть Россию, принадлежал к ведущим представителям русского религиозно-философского ренессанса начала XX в., в значительной мере определявшим тогдашний интеллектуальный климат страны. Анализируя мировоззрение Иванова, Степун не только указывает на то, как сильно его мировоззрение находилось под влиянием Фридриха Ницше, но и подчеркивает существенные отличия, существующие между обоими мыслителями. Иванов создал символическое видение художника, который «не занимается воспитанием ... мира, и не пытается переоценить все ценности [...] мира и навязать ему свою собственную жесткую "волю к власти"»⁴². Степун определяет позицию Иванова как «религиозный символизм», а точку зрения Ницше – как «идеалистический символизм». Религиозному символизму свойственна «устремленность к объективной истине, идеалистическому – к субъективной свободе, религиозному – самопреодоление, идеалистическому – самоутверждение»⁴³. Не подлежит сомнению, что Степун, критикуя ницшеанскую «Волю к власти» и пропагандируемое ницшеанством сокращение старых ценностей, имел в виду критику тогдашних немецких порядков. Его намерения становятся еще яснее в пассажах, в которых он анализирует представление Иванова о народе. «Иванов трактует понятие народа не как политическое, а исключительно как религиозное. Народ возникает и созревает не в борьбе за свое место под солнцем, но в борьбе за исполнение долга перед Богом. *Индивидуальность* народа [...] есть единственность и неповторимость его духовной и физической ситуации при выполнении этого долга. Национализм, напротив, это национальный эгоизм и, следовательно, предательство гармонии каждой нации; в перспективе – ее смертельная болезнь»⁴⁴.

⁴¹ Цит. по: Hufen. Fedor Stepun. P. 447.

⁴² Stepun Fedor. Wjatscheslaw Iwanow. Eine Porträtstudie // Hochland. № 31. Vol. 1. Oktober 1933 – März 1934. P. 351-361, цит. p. 354.

⁴³ Ibid. P. 355.

⁴⁴ Ibid. P. 358.

Даже написанный им в 1937 году некролог поэту и писателю Андрею Белому, который был одним из ведущих русских символистов, Степун использует для косвенного сведения счетов с нацистским режимом и его идеологией. В данном случае он имел в виду пропагандируемое нацистскими идеологами вытеснение человеческой индивидуальности коллективом: «Тема своего всезавершающего творения [...] намечалась Белым [...] как катастрофа культуры, катастрофа сознания, смерть личности, прораствание личности коллективным "Я". [...] Катастрофа индивидуалистической культуры, гибель гуманистической личности [...] и рождение нового коллектива – все это пережито, теоретически осознано и художественно воссоздано Белым с единственной глубиной и силой»⁴⁵.

Вопреки своему неприятию нацистской системы и лежащей в ее основе идеологии Степун пытался внешне договориться с ней – аналогично «внешней лояльности» в отношении Советской России, сочетавшейся с «внутренним» отклонением любых компромиссов в отношении новых власть имущих. 11 ноября 1934 г. Степун, с 1926 г. преподававший социологию в Дрезденской высшей технической школе⁴⁶, как и многие другие преподаватели немецких вузов, принял присягу Гитлеру. Филолог Виктор Клемперер, который с 1935 г. из-за своего еврейского происхождения был лишен права преподавания в Дрездене, так описывал эту церемонию: «[Она] была холодна, в высшей степени формальна и длилась не более двух минут. Повторяли хором за ректором, который пробубнил: "Вы клянетесь в вечной верности, я обязан обратить ваше внимание на святость клятвы [...] Завершаю трехкратным "Зиг Хайль". Ректор прокричал "Зиг" – хор прорычал "Хайль". [...] Среди присягавших были Янентцки, Кюн, Степун. [...] Они] такие же национал-социалисты, как и я»⁴⁷.

Новая попытка Степуна прийти к соглашению с тоталитарным режимом, так же, как и первая такая попытка в Советской России, полностью провалилась. Условная лояльность Степуна не устраивала ни большевистский, ни нацистский режим. Тоталитарные режимы требуют от своих подданных безусловного подчинения, неограниченной идентификации с господствующими идеологическими догмами. Те, кто не готов пойти на это, подвергаются разного рода репрессиям. В случае Степуна эти репрессии, учитывая возможности тоталитарных государств, были относительно мягкими. Большевики не бросили его в тюрьму, а выслали из страны. В Третьем рейхе он, как и другие критики режима, вполне мог бы оказаться в концлагере. Но этого не случилось. Ректор Дрезденской высшей технической школы Вильгельм Йост и гауляйтер Саксонии Мартин Мутшман в июне 1937 г. отдали распоряжение об отстранении Степуна от службы в вузе. Увольнение Степуна объяснялось тем, что профессор якобы распространял неверные

⁴⁵ Stepun Fedor. Dem Andenken Andrej Belyjs // Hochland. № 34. Vol. 2. April–September 1937. P. 200-215, цит. p. 214.

⁴⁶ Ср. Hufen. Russe als Beruf. P. 274-278, 287.

⁴⁷ Klemperer Viktor. Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten. Tagebücher 1933–1941. Berlin, 1995. P. 163.

представления о большевизме: «Степун видит в большевизме не проявление чужеродного разрушительного господства, навязанного русскому народу еврейством, а ложное направление поиска русской религиозности, явление отчасти и национально-русское». Наряду с этим, распоряжение об увольнении содержало следующий пассаж: «Степун [...] не предпринимал никаких серьезных усилий, чтобы изменить в положительную сторону отношение к национал-социализму. Степун в своих лекциях отвергает взгляды национал-социализма, в особенности в отношении всеобъемлющих притязаний нацистской идеи и важности расового вопроса, а также в отношении еврейского вопроса»⁴⁸.

Вопреки запрету на профессию, Степун продолжал писать о национал-социализме; он делал это прежде всего в русской эмигрантской прессе. В 1938 г. в журнале *Новый Град* была опубликована его статья «О свободе», в которой Степун писал: «Неприемлемость фашизма заключается [...] в его ненависти к свободе, как к духовной первоприроде человека, в его абсолютном равнодушии к качественной единственности всякой человеческой личности, в его стремлении превратить людей в кирпичи, в строительный материал государственно-партийного зодчества. Самая страшная ложь фашизма – это идея конформизма, идея стандартизированного индивида, исповедующего государством предписанное мирозерцание и творящего государством задуманную культуру»⁴⁹. Этот категорический отказ от национал-социализма Степун подписал своим именем.

Несмотря на запрет на профессию, Степуну удалось опубликовать в журнале *Хохланд* некоторые статьи, содержавшие критические высказывания в адрес режима. В номере, датированном октябрём 1938 – мартом 1939 гг. в статье «Церковь самоубийц» Степун рассматривает роман Достоевского «Бесы», практически предвосхитивший события русской революции 1917 г. или тоталитарные перевороты XX в.⁵⁰ Многие герои романа высказывают, как известно, разного рода утопические проекты спасения России и всего человечества. Некоторые из них Степун анализирует. Прежде всего он рассматривает характерное для некоторых героев романа самодовольство и презрение к так называемому «среднему человеку», который слишком ленив, чтобы пользоваться своей свободой, и слишком труслив, чтобы защитить ее: «Масса не может быть и потому никогда не бывает субъектом революции, но всегда лишь – объектом воздействия профессиональных революционеров. Покорности масс лучше всего достичь, не просвещая ее учением и наукой, но в то же время возбуждая ее агитацией»⁵¹. Степун указывает на то, что Достоевский с показной претензией своих героев на роль «сверхчеловеков» квази предвидел появление «сверхчеловека» Ницше. «Сверхчеловек»

⁴⁸ Цит. по: Hufen. Fedor Stepun. P. 494-495.

⁴⁹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 548.

⁵⁰ Stepun F. Die Kirche der Selbstmörder // Hochland. № 36. Vol. 1. Oktober 1938 – März 1939. P. 472-488; см. об этом: Berdiajew Nikolaj. Psychologie der russischen Gottlosigkeit // Hochland. № 29. Vol. 2. April 1932 – September 1932. P. 193-204, цит. p. 196.

⁵¹ Stepun. Die Kirche der Selbstmörder. P. 473.

Ницше также пытался преодолеть человеческое начало в человеке и представлял себя богоподобным существом. Степун напоминает ставшее знаменитым пророчество Достоевского, который устами одного из своих героев (Шигалева) утверждает, что социализм начинается с провозглашения полной свободы, а приходит к неограниченному деспотизму. Но герои Достоевского были подвержены не только социалистическому, но и националистическому искушению. Один из героев романа (Шатов) формулирует свое вероучение: «Я верую в Россию, я верую в ее православие [...] Я верую, что новое пришествие Христа совершится в России». Степун так комментирует мировоззрение Шатова: Шатов верует в православие и в Тело Христово, хотя еще не верует в Бога, а лишь надеется, что со временем поверит в Него. Но что значит вера в народ-богоносец без веры в Бога? Не ясно ли, что религия Шатова еще не христианство, а лишь религиозно окрашенный русский мессианизм. В исступлении Шатов напоминает Ставрогину их некогда общую веру, что народ – это Тело Божие. И что всякий народ до тех пор только и народ, а не этнографический материал, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных богов на свете исключает без всякого примирения; пока верует, что своим Богом победит и изгонит из мира остальных богов. Лишь эта вера позволяет, по Шатову, каждому истинному народу перерасти самого себя, достичь своей исключительности: «Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно с исключительной»⁵².

Без сомнения, Степун, показывая экстремистские искушения героев Достоевского, имел в виду не только Россию. Это было ясно читателям Степуна, которые, конечно же, владели искусством чтения между строк.

Последняя статья, опубликованная Степуном в журнале *Хохланд* во время нацизма, вышла в свет сразу же после начала Второй мировой войны, в номере за 1939-1940 гг. В ней Степун вспоминал свое детство. Текст представлял собой объяснение в любви к России и к ее культуре. В то же время автор решительно осуждал «немецкие добродетели», воплощением которых был его дед («где воля, там и путь»), и презрение деда к России. Степун подчеркивал, что без памяти о России и православных праздниках, пережитых им на родине, «он был бы сегодня не в силах с верой в сердце смотреть в будущее»⁵³. Факт, что Степун смог опубликовать свое «объяснение в любви» к России в журнале, издававшемся в нацистской Германии, был очевидно связан с тем, что в то время нацистское руководство в связи с пактом Гитлера-Сталина от августа 1939 г. временно прекратило свои пропагандистские нападки на Россию и большевизм. Не в последнюю очередь поэтому Степун в своей статье смог даже упомянуть, что во время Первой мировой войны он как русский офицер сражался против Германии⁵⁴.

⁵² Ibid. P. 487.

⁵³ Stepun Fedor. Aus meiner Kindheit. Erinnerungen // Hochland. № 37. Oktober 1939 – September 1940. P. 446-454, цит. p. 454.

⁵⁴ Ibid.

Мюнхенские годы (приложение)

Во время страшной бомбардировки Дрездена 13-14 февраля 1945 г. был разрушен дом Степуна вместе с библиотекой. Однако в это время Степун с женой находились в Южной Баварии. О возвращении в Дрезден теперь не могло быть и речи, причем не только потому, что дома больше не было. Не менее весомой причиной было то, что Степун не хотел попасть в руки наступающей Красной Армии: его антибольшевистская позиция была хорошо известна советским властям. Если бы Степун не попал под опеку западных союзников, он, скорее всего, как и многие известные политически активные эмигранты (Лев Карсавин, Петр Савицкий и другие), оказался бы в ГУЛАГе. Несмотря на то, что нацистские власти в 1937 г. принудили Степуна к молчанию, его заслуги посредника между немецкой и русской культурами не были забыты в Германии. Не в последнюю очередь поэтому в октябре 1946 г. он получил предложение министерства культур Баварии принять должность профессора русской духовной истории Мюнхенского университета. Так Степун почти через 10 лет после того, как нацистский режим лишил его права преподавания, смог продолжить свою педагогическую деятельность в немецком университете⁵⁵.

Степуну снова удалось, как и в свое время в Дрездене, передать студентам свое восхищение русской культурой и в тоже время познакомить их с трагедией русской истории, особенно XX в. Один из его студентов, мюнхенский писатель Фридрих Хитцер, вспоминал: «Те, кто знаком лишь с книгами Федора Степуна, в лучшем случае могут догадываться о жизненной силе их автора. Его творчество предполагает огромное духовное богатство [...] Но письменный язык был лишь частичным отражением живой речи Степуна. Писатель никогда не мог полностью заменить в нем оратора»⁵⁶. Другой бывший ученик Степуна, Виктор Фишман, добавлял: «В университете Степун обращался [...] к молодежи, к будущей новой Германии, которая его действительно вдохновляла»⁵⁷. Степун в своих письмах не без гордости отмечает положительный отклик своих немецких слушателей: «Своею жизнью и деятельностью здесь я все же очень доволен», – пишет он 16 октября 1948 г. архимандриту Иоанну Шаховскому. – «Не думаю, что в каком-нибудь другом месте я мог бы жить духовно столь же живой и питательной жизнью, как живу здесь. Как-никак я уже с двадцать третьего года в Германии, и если она и не стала мне второй матерью (второй матери быть не может), то все же какой-то весьма близкой родственницей, которая, кажется, довольно

⁵⁵ См. Хуфен К. Мюнхенская свобода: эксперт по России Федор Степун в период Холодной войны // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2016-2017 / Ред. М. Колеров. С. 736-737.

⁵⁶ Hitzer Friedrich. Mein Lehrer Fedor Stepun // Russische Spuren in Bayern. Portraits, Geschichte, Erinnerungen. München, 1997. P. 165-174, цит. p. 170.

⁵⁷ Fishman Viktor. Fedor Stepun – Drama in vier Akten // Ibid. P. 175-182, цит. p. 178.

искренно полюбила меня [...]. Интерес к России здесь, несмотря на отвращение от большевиков, слава Богу, не ослабевает»⁵⁸.

В письме коллеге и другу Дмитрию Чижевскому от 9 августа 1951 г. Степун добавляет: «Мне тут живется очень хорошо, если бы не годы, то есть не сознание своей приближающейся старости, то я сказал бы, так хорошо, как мне еще никогда не жилось: аудитория интересна и все еще достаточно многочисленна (около 200 человек). [...] Моя автобиография распространяется по нынешним временам достаточно быстро: первый том вышел уже вторым изданием. Печататься можно в любом количестве и в Германии, и в Швейцарии. [...] все более открываются возможности поездок и в Швейцарию, где я раза 2–3 в год читаю, и в Париж, и в Рим»⁵⁹.

Почти эйфорическое настроение Степуна омрачала боязнь новой войны и советской экспансии, направленной на Запад. Не в последнюю очередь по этой причине Степун в первые послевоенные годы собирался переселиться в США, однако не занимался этим вопросом слишком интенсивно. Так как философ плохо знал английский, его профессиональные перспективы в США были весьма неопределенны. Не в последнюю очередь из-за этого он в итоге отказался от планов эмиграции за океан.

В отношении «второй» немецкой демократии Степун испытывал определенный скепсис. И в послевоенное время он оставался верен своим взглядам, сформулированным в начале 1930-х годов в журнале *Новый Град*. Так, он полагал, что демократия может быть устойчивой только тогда, когда она стремится к «истине», а не воздает дань релятивизму или эклектике. Главную причину гибели учрежденной в феврале 1917 г. «первой» русской демократии, как и причину краха Веймарской Республики, Степун в первую очередь видел в том, что их идеал свободы не был христианским, что они оторвались от христианских корней. Поэтому они оказались беззащитными перед своими идеократически настроенными тоталитарными противниками.

Как и в начале 1930-х годов, в послевоенной Германии Степун продолжал быть сторонником христианской социальной демократии, не приемлющей ни любого рода тоталитаризм, ни либеральный релятивизм. С точки зрения Степуна, современная западноевропейская демократия в недостаточной мере соответствовала этим постулатам. В своей последней статье 1965 г. «Нация и национализм» он пишет: «Нынешняя Европа своих корней не помнит и все более и более пытается цвести срезанными с этих корней цветами: свободой без связи с истинной («Познайте истину, и истина сделает вас свободными»), личностью, отрицающей свое богоподобие (Бог создал человека по образу и подобию Своему), и правом, давно забывшим как правду-истину, так и правду-справедливость...»⁶⁰. Нельзя избавиться от впечатления, что Степун в данном случае слишком неспра-

⁵⁸ Федор Степун. Письма. М., 2013. С. 433. См. также Хуфен. Мюнхенская свобода.

⁵⁹ Степун. Письма. С. 395-396.

⁶⁰ Степун. Сочинения. С. 942.

ведлив в отношении тогдашней западноевропейской или же немецкой демократии: определенные уроки из цивилизационной катастрофы 1933-1945 гг. она все же вынесла. Особенно четко это заметно на примере Основного закона ФРГ, на котором основана «вторая» немецкая демократия; он не имел релятивистский характер, на который столь часто жаловался Степун, и содержал ряд контрольных механизмов, позволявших Боннской республике, в отличие от Веймарской, противостоять своим радикальным врагам. Что касается требуемого Степуном социального характера демократии, то социально-рыночная экономика ФРГ по многим пунктам вполне соответствовала этому постулату.

Однако после 1945 г. немецкая тематика не входила в круг главных интересов Степуна как ученого и публициста. Его внимание прежде всего привлекала новейшая история России, в частности расцвет русской культуры в годы заката Петербургской империи и ее дальнейшей гибели вследствие большевистской революции. Этим двум эпохам были посвящены его воспоминания «Бывшее и несбывшееся», опубликованные в 1947-1950 гг. и дополнительно способствовавшие его популярности в Германии⁶¹. Нередко воспоминания Степуна сравнивали с мемуарами его великого предшественника Александра Герцена (1812-1870), также написанными в эмиграции.

Но не только прошлое России, но и ее настоящее и будущее постоянно занимали Степуна в мюнхенский период его жизни. В последней части мемуаров философ пишет о главной задаче русской эмиграции: «Хотя мы только то и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали. Бесспорно, старые эмигранты лучше знают историю революции и настоящее положение России, чем иностранцы. Но, зная прекрасно политическую систему большевизма и ее хозяйственное устройство, ее громадные технические достижения и ее непереносимые нравственные ужасы, ее литературу и науку, ее церковь, мы всего этого, по-настоящему, все же не чувствуем; зная факты и статистику, мы живой теперешней России перед глазами все же не видим. В голове у нас все ясно, а перед глазами мрак»⁶².

Вопреки всему, Степун не оставлял попыток разгадать загадку по имени «Россия» или «Советское государство» и предсказать будущее развитие страны. Установление в России после возможного преодоления большевизма либерально-демократической системы западного типа Степун считал наименее вероятным. «Не может теперь восторжествовать то, что было разбито, – сказал он в октябре 1964 г. в докладе на конференции русской эмигрантской организации НТС. – А западноевропейская демократия была разбита в лице Временного правительства.

⁶¹ Stepun Fedor. *Vergangenes und Unvergängliches*. Vol. 1-3. München, 1947-1950; Сокращенное русское издание мемуаров под названием «Бывшее и несбывшееся» появилось в 1956 г. в Нью-Йорке. См. об этом также: Хуфен Христиан. Степун в Мюнхене. Выступление в Москве 14 мая 2014 г. // *Вопросы философии*. 2015. № 10. С. 87-93.

⁶² Степун. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 429.

И трудно представить, что то, что было разбито, снова восторжествует. А, кроме того, я этого вовсе не желаю»⁶³.

Суждения Степуна в отношении Временного правительства заметно изменились по сравнению с его прежней позицией межвоенных времен. Тогда он неоднократно говорил не только об ошибках неопытной и сотрясаемой кризисами русской демократии, но и о ее заслугах. В 1931 г., споря с немецко-русским публицистом Вальдемаром Гурианом, он писал: «Временное правительство потерпело крах. Но не потому, что оно состояло из безвольных простаков, а потому, что оно пыталось без применения массового террора обуздать инстинкты революционной массы»⁶⁴.

В докладе от октября 1964 г., который мы упоминали, а также в книге, изданной в 1962 г. под названием «Большевизм и христианское существование», и в ряде других работ Степун выступает как сторонник будущей демократии в России, которая в отличие от (не всегда справедливо) критикуемой им западной демократии будет глубоко укоренена в христианстве, будет служить вечным духовным, а не сиюминутным ценностям⁶⁵.

Большую озабоченность Степуна вызывало не только политическое, но и территориальное будущее России. Его очень огорчал тот факт, что нерусские эмигранты из бывшей Российской империи все больше отворачивались от своих русских коллег и мыслили прежде всего национальными категориями. В особенности он сожалел по поводу русско-украинской вражды. Об этом он писал, например, в 1956 г. в письме своему коллеге Дмитрию Чижевскому⁶⁶, который, несмотря на свое украинское происхождение, безоговорочно принадлежал русской культуре.

Степун не разделял высказанное в 1947 г. мнение Георгия Федотова, что Россия должна избавиться от своего имперского бремени и вместо этого полностью сосредоточиться на построении открытого и справедливого общества⁶⁷. В то же время Степун не одобрял чрезмерную гегемонию русских в Российской империи и выступал за аутентичную федеративную структуру российской государственности⁶⁸. Но полный отказ от империи, как это понимал Федотов, был для Степуна неприемлем. Парадоксальным образом, Степун объединял в себе скептическое отношение к свойственному представителям национальных меньшинств Российской империи мышлению в чисто национальных категориях и критику постнационального мировоззрения, свойственного духу времени, который захватил западную Европу после 1945 г. Степун полностью отвергал чрезмерный национализм, который оказал катастрофическое влияние на развитие Европы

⁶³ Федор Степун. Письма. С. 305-306.

⁶⁴ Stepun. Russische Demokratie als Projekt. P. 173, 281.

⁶⁵ Степун. Письма. С. 306-307; 642-643; Степун. Сочинения. С. 557-564, 757-758, 939-940.

⁶⁶ Степун. Письма. С. 406.

⁶⁷ Степун. Сочинения. С. 760-761.

⁶⁸ Там же. С. 940.

первой половины XX в. Однако он не собирался отказываться от понятия «нация», которому европейская культура была многим обязана. Степун обвинил некоторых западных журналистов в склонности постоянно смешивать понятия «нация» и «национализм»⁶⁹.

Однако наибольших успехов в мюнхенский период своей жизни Степун достиг не политическими прогнозами, а трактатами, лекциями и докладами по истории русской культуры. Особое внимание он уделял легендарному «серебряному веку», или религиозно-философскому ренессансу русской культуры, который происходил в России накануне революции 1917 г.⁷⁰ Так как Степун сам принадлежал к последним представителям этой блестящей эпохи, он мог рассказывать о ней с особой наглядностью. Многие из ее главных героев в итоге стали его близкими друзьями или ожесточенными противниками.

Чем же привлекает «серебряный век»? В первую очередь, взрывом творческой энергии, новыми, неожиданными тенденциями развития, проявившимися в России в начале XX в. Так, например, традиционный русский спор между западниками и славянофилами и конфликт Восток-Запад как таковой потерял свою былую остроту. Невидимая, но глубоко укоренившаяся в сознании стена, разделявшая культуры Востока и Запада, стала проницаема. Александр Блок в 1908 г. писал о «варварской распре между славянофилами и западниками – распре исключительно русской и для европейца непонятной и неинтересной»⁷¹. Русская литература, музыка, живопись, философия, получив бесчисленные побудительные импульсы от Запада, начали в свою очередь сами вдохновлять Запад. В 1903 г. Томас Манн говорил о «священной русской литературе»⁷². В «серебряный век» произошло не только примирение между Востоком и Западом, но и новое открытие Востока. Православие, которое определяло своеобразие русской культуры и которое русской интеллигенцией XIX в., за редким исключением, расценивалось как ненужный балласт, в «декадентском» Санкт-Петербурге засияло в новом свете. Происходивший религиозно-философский ренессанс показал, что своеобразие православия может гармонично сочетаться с ценностями западной культуры, что обе части христианского мира существенно взаимозависимы.

Тот факт, что «серебряный век» ушел со сцены истории не вследствие внутреннего истощения, а насильственным путем, увеличивал его притягательность в глазах последующих поколений. В высшей степени захватывающая история «серебряного века» не была досказана до конца, его творческий потенциал был реализован лишь частично. Отсюда следовала попытка, которая наблюдается в современной постсоветской России: подключиться к процессу, внезапно прерванному в 1917 г. Многочисленные представители «серебряного века» и религиозно-

⁶⁹ Там же. С. 941.

⁷⁰ См. в особенности об этом: Stepun Fedor. *Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyj, Blok*. München, 1964.

⁷¹ Блок Александр. *Собрание сочинений*. Т. 5, М., Л., 1962. С. 332.

⁷² Mann Thomas. *Gesammelte Werke in dreizehn Bänden*. Frankfurt am Main, 1990. Vol. 8. P. 300.

философского ренессанса, принудительную высылку которых историк культуры Владимир Вейдле назвал своего рода «изгнанием варягов»⁷³, теперь посмертно возвращались в Россию, что культурная элита страны воспринимала как неожиданный подарок русских эмигрантов своей стране, из которой они когда-то были изгнаны.

Степун, умерший за 26 лет до самороспуска СССР, предвидел это развитие. Особенно ясно прогностические способности Степуна видны на примере анализа им произведений Бориса Пастернака. Пастернак, как и Степун, был одним из последних представителей «серебряного века». Не в последнюю очередь поэтому советские чиновники от культуры обливали потоками грязи его критический в отношении революции роман «Доктор Живаго», герой которого представлялся им «существом с другой планеты». Несмотря на посмертное разоблачение Сталина на XX съезде КПСС, лица, формировавшие официальный образ советской культуры, и после 1956 г. оставались верны провозглашенным в 1934 г. принципам «социалистического реализма». Упорное нежелание Пастернака следовать этой догме, факт, что он сохранял лояльность определявшей характер его творчества эстетике «серебряного века», вызывали постоянную неприязнь его критиков. Они утверждали, что своим «обывательским» отказом признавать «железные законы» истории, «эгоцентричной» попыткой идти против течения, противостоять притяжению победоносного социалистического коллектива Пастернак демонстрирует отсталость своей позиции.

Этот «реквием» эстетике «серебряного века» был не нов в послереволюционной истории России. Еще в 1923 г. Максим Горький, позже ставший символом «социалистического реализма», исполнил свой «реквием» людям «серебряного века», говоря в том числе и о Степуне, назвав их никому не нужными людьми, отжившими свой век. Степун, человек «серебряного века», пишет об этом так: «Отзыв Горького обо мне меня очень обрадовал. Я и сам все сильнее чувствую себя почти последним из "стаи славных" настоящих московско-русских интеллигентов и земли русской "праведников". Единственное, что в отзыве могло бы огорчить меня, это мысль, что я и мне подобные сейчас никому не нужны. Ибо нужны не цветы, а сапоги»⁷⁴.

Однако вернемся к разногласиям советских функционеров от культуры с творчеством и личностью Бориса Пастернака. При оценке вопроса, кто в этом конфликте представлял современную, а кто – устаревшую точку зрения, Степун занял позицию, противоположную критикам Пастернака. Их он обвинил в устаревших, отживших подходах. Так как они мыслили социальными категориями, они были не в состоянии понять метафизическую глубину произведения Пастернака. Своей интерпретацией русской революции не как проявления классовой борьбы, а как трагической мистерии, Пастернак открыл своим читателям воз-

⁷³ Вейдле В. Задача России. N.Y., 1956. С. 81.

⁷⁴ См. Федор Степун. Письма. С. 481; Hitzer. Mein Lehrer Fedor Stepun. P. 174.

можность понимания таких глубин человеческого существования, которые оставались полностью закрытыми и для обывателей, и для обладавших поверхностным мышлением советских функционеров. Вывод Степуна состоял в том, что нужно быть благодарным Пастернаку за его выступление против банализации духовной жизни, столь широко идущей в России после победы большевизма в 1917 г.⁷⁵

Кому принадлежит будущее России? Об этом пишет Степун в некрологе умершему в 1960 г. Борису Пастернаку: «Пастернак умер спустя пятьдесят лет после смерти Толстого [...] Как Толстой в глазах царской, так и Пастернак в глазах советской власти был врагом народа и его "правомерного" правительства. Как монархия, так и советская диктатура боялась, как бы похороны не осложнились какими-нибудь демонстрациями». Степун пишет, что эти опасения были оправданными. И те, и другие похороны превратились в манифестацию непокорности: «Над могилой говорились свободолюбивые, горячие речи, читались стихи и лились слезы. Всем этим народ возвращал отвергнутого "народной" властью поэта в подлинную глубину народной души, чувствуя в нем, как в свое время чувствовали и в Толстом, неподкупную совесть России»⁷⁶.

Проведенное Степуном полное символических совпадений сравнение между двумя похоронами и их последствиями демонстрирует почти пророческую интуицию мыслителя. Как похороны Толстого стали предвестником заката русского самодержавия (царь был свергнут спустя семь лет), так и похороны Пастернака представляли собой своего рода поворотный момент в развитии Советского государства. Через пять лет родилось советское правозащитное движение, открывшее совершенно новую страницу советской истории. Его началом стала демонстрация «инакомыслящих» в Москве 6 декабря 1965 г., направленная против процесса над критиками режима – писателями Юлием Даниелем и Андреем Синявским. Обоим обвиняемым инкриминировалось то же самое, что в свое время Пастернаку – а именно, публикация критических в отношении советского режима произведений на «капиталистическом» Западе. С появлением правозащитного движения в СССР вернулся подлинный, свободный от цензуры дискурс, ранее вытравленный из страны большевистской диктатурой. Это относится и к идеям многих русских мыслителей, изгнанных большевиками из страны, которые в 1960-е годы начали в значительной степени вдохновлять зарождающуюся в стране «альтернативную общественность».

Среди философов, вернувшихся в постсоветскую эпоху в свою страну, по крайней мере, своими трудами, был и Федор Степун. Когда Степун в 1965 г. умер, такое развитие событий казалось почти невыносимым. Упомянутый нами ученик Степуна Фридрих Хитцер в некрологе сравнивал мемуары Степуна с воспоминаниями Александра Герцена. Хитцер писал: «Герцен был маяком но-

⁷⁵ Степун. Сочинения. С. 762-765.

⁷⁶ Там же. С. 927.

вой эпохи. Мемуары же Степуна – оправдание упущений и памятник красоте упадка (т.е. невозвратимого прошлого – Л.Л.)»⁷⁷. Но суд истории редко выносит окончательное решение: мнимый упадок в определенных обстоятельствах может стимулировать возрождение; это и произошло в России вскоре после смерти Степуна⁷⁸.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

⁷⁷ Hitzer. Mein Lehrer Fedor Stepun. P. 177.

⁷⁸ В дальнейшем Фридрих Хитцер пересмотрел свой тезис. В написанном через 32 года после словии к некрологу 1965 г. он писал: «Ренессанс, который переживают труды Степуна в новейших исследованиях российских авторов, особенно Владимира Кантора [...] позволяет впервые по-новому взглянуть на многое из того, что мне в 60-е годы представлялось безвозвратно ушедшим». Ibid. P. 178.

Оксана Назарова

О методологии исследования «камерных» образцов философского творчества: на примере публикаций Семена Франка о Максиме Горьком¹

И в капле воды отражается мир

Работа по реконструкции творческого наследия С.Л. Франка после переиздания его основных философских произведений в 1990-2001 годах² теперь ведется путем кропотливого разыскания, при необходимости перевода на русский язык и опубликования его многочисленных статей, рецензий, заметок, некрологов, разбросанных по разным печатным изданиям, как российским, так и зарубежным³. Поскольку многие из этих работ в прямом смысле слова представляют собой образцы «малого» текстового наследия философа, возникает вопрос о ценности данного материала, ведь кажется, что в них просто кратко повторяются те идеи, которые он подробно обсуждает в своих крупных произведениях. Соответственно, они не играют решающей роли в изучении философии Франка. И хотя даже простая количественная характеристика – около 330 журнальных и газетных публикаций различного объема и жанровой направленности⁴ – не позволяет «закрыть глаза» на эти формы философской деятельности Франка, этого недостаточно для обоснования ее значимости⁵.

Ссылаясь на принцип, что «всякая методология основана на своеобразии предмета»⁶, а таковым для нас является творчество философа в его конкретной органической целостности, мы будем исходить из того, что часть непременно должна рассматриваться на фоне целого и адекватное уяснение ее содержания

¹ Термин «камерный» используется автором в значении «миниатюрный», «малый».

² Крайние «точки» очерченного периода составляют сборники *Непостижимое* (1990) и *Непрочитанное* (2001).

³ Особая и весьма значимая тема в исследовательской работе – поиск и опубликование архивных материалов – будет здесь оставлена без внимания.

⁴ Данные почерпнуты мною во вступительной статье к Полному собранию сочинений Франка. Том 1. С. VII (Аляев Г.Е., Антонов К.М., Резвых Т.Н. М., 2018). Более подробно см.: Библиография произведений С.Л. Франка и исследований, посвященных его творчеству (Семен Людвигович Франк / Составитель Оксана Назарова. М., 2012. С. 495-571).

⁵ Предпринимаемая здесь попытка обоснования значимости «малого» философского творчества может быть распространена и на наше время, поскольку этот формат является доминирующим в работе современного философа.

⁶ Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922. С. 5.

без учета подобного соотношения невозможно, а также что в составе органического целого часть является репрезентантом целого⁷. Содержание малого текста, даже если оно затрагивает «редкие» темы, которые не получили достаточного развития в философском творчестве автора, выводит исследователя на широкие просторы и открывает более значимые тематические пласты, т. е. в исследовательской работе происходит статическое расширение содержания «малого» текста. Также «малые» работы манифестируют эволюцию творчества философа – они выступают в качестве связующего звена между различными периодами его творчества, демонстрируя развитие тех идей, которые были высказаны на предыдущих этапах, и «зародыши» тех идей, которые были развиты в последующем. Принимая во внимание этот момент, исследователь осуществляет эволюционное расширение содержания малого текста.

Отношение Франка к Горькому

Бросая в «Предсмертном»⁸ ретроспективный взгляд на эпоху, в которой ему пришлось жить, Франк пишет, что судьба сталкивала его «с людьми, о которых будущий историк скажет, что это были самые значительные люди этой эпохи»⁹. К одним из таких людей, оставивших след в истории начала двадцатого века, несомненно, может быть отнесен Максим Горький. О состоявшемся в Нижнем Новгороде в 1897 (или 1898) году личном знакомстве с ним и последовавших затем в 1901-1902 годах встречах в Ялте Франк вспоминает в том же «Предсмертном», сопровождая эти факты скупым комментарием о том, что писателя сгубила мировая слава. Также философ посвятил ему две небольшие работы, написанные в связи с кончиной писателя в 1936 году, – некролог «Максим Горький» в журнале *Hochland*¹⁰ и статью «Максим Горький и марксизм», опубликованную в католическом журнале *Der Gral*¹¹.

Создается впечатление, что фигура Горького как марксистского писателя мало привлекала Франка и что отношение к нему может рассматриваться лишь как периферийный момент в более широкой теме – в теме осмысления и критики марксизма. Однако если применить указанный выше методологический принцип

⁷ Данная методология уже была мною анонсирована в работе «Великий разрыв» (Очерк творчества С.Л. Франка (1877-1950) в изгнании – 1922-1950 гг.) (Энциклопедия русской эмиграции. М., 2012. С. 182-253).

⁸ Рукопись, написанная в 1935 году, была впервые опубликована в 1986 году в *Вестнике РСХД* (Париж, 1986. № 146. С. 103-124).

⁹ Франк С.Л. Предсмертное // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 40-41.

¹⁰ О журнале *Hochland* см. подробнее в публикации: Назарова Оксана. Тема старчества в публикациях С.Л. Франка (Вестник славянских культур. М., 2012. № 1 (XXIII). С. 12-20).

¹¹ О журнале *Gral* см. подробнее: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 686-687.

исследования, который можно обозначить как «многое в малом»¹², становится очевидным, что проблематика отношения Франка к Горькому открывает для нас и позволяет объяснить целый пласт философско-публицистической деятельности, которой философ активно занимался в немецкий период своей эмиграции – с 1922 по 1937 годы. А именно публикацию множества статей, посвященных высшим достижениям русской духовной и религиозной культуры, в которых он стремился описать основные черты русского мировоззрения и русской души, обрисовать идеальный облик русского народа и тех, в ком он нашел свое совершенное выражение – писателей, философов, старцев, святых.

Известно, что в период своего духовного становления, проживая в Нижнем Новгороде, Франк находился одновременно в двух противостоявших друг другу и резко дискутировавших друг с другом лагерях – народников и марксистов. Это мировоззренческое противостояние укладывается в оппозицию отцов и детей, поскольку к народникам принадлежали люди более старшего поколения, а зарождавшийся тогда марксизм набирал популярность среди молодежи, находившей в нем прогрессивное мировоззрение, жаждущей радикальных общественных преобразований путем революции, а также героизма и подвига¹³. Не в последнюю очередь под влиянием Петра Струве, ставшего ему лучшим другом, Франк отдает предпочтение марксизму, а принадлежности к народничеству начинает чураться¹⁴.

Возникает вопрос о том, что произошло в эмиграции? Философ отказывается от своего юношеского увлечения марксизмом в пользу «веры отцов» – народничества? Или более того – маятник качнулся в сторону национализма и Франк, солидаризуясь с критиковавшимся им когда-то Эрном, начинает защищать исключительность русского народа? Избежать подобных поверхностных и скоропалительных заключений и понять причины обращения Франка к «народной теме» как раз и помогает фигура Максима Горького.

¹² Данное определение заимствовано у русского композитора Владимира Ребикова, обосновавшего с его помощью легитимность малых (камерных) форм в музыке. См.: Бондаренко Е. Малые формы в творчестве Владимира Ребикова (к вопросу о камерности мышления). Элиста, 2014 // База знаний allbest. https://knowledge.allbest.ru/music/2c0b65625b3ac79b5c53b88521206c27_0.html.

¹³ В «Предсмертном» Франк вспоминает о том, что после разрыва с марксистским кружком его заклеили «предателем» и «трусом», «ибо полагалось, что всякий мужественный человек должен быть революционером, и выход из их состава объяснялся только трусостью, отказом от подвига» (С. 46).

¹⁴ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901-1905) // Путь. Международный философский журнал. М., 1992. № 1 (2). С. 263-311. См, например, письмо к П.Б. Струве от 29.08.1901.

Горький о русском крестьянстве

В 1922 году в Берлине в издательстве И.П. Ладыжникова на русском языке увидела свет работа Горького «О русском крестьянстве»¹⁵. Поскольку крестьянство в то время составляло 80% населения России, сделанные писателем заключения следует отнести к русскому народу как таковому.

Отступая от идеалов своей юности¹⁶, Горький обрушивается с критикой на «литературу народолюбцев»¹⁷, служившей целям агитации и потому идеализировавшей русского мужика. Ссылаясь на свои собственные впечатления от общения с крестьянами, на свидетельства историков, а также на народный фольклор как форму культуры, в которой нашло свое выражение крестьянское мировоззрение, писатель приходит к заключению о том, что реальный образ в корне отличается от того «добродушного, вдумчивого русского крестьянина, неумолимого искателя правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века»¹⁸.

Географические и природные условия существования крестьянина в России, когда сама «безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, покрытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания»¹⁹, тяжесть, цикличность его труда при полном отсутствии видимых и прочных результатов являются причиной того, что народ, воспринимая «труд пахаря как на проклятие Божье»²⁰, превратился в инертную, пассивную и патологически ленивую массу. «Народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей»²¹.

Не изжитый в русском крестьянине «инстинкт кочевника» в тех условиях, когда вокруг лежит бескрайняя равнина, «соблазнительно манящая вдаль», приводит к тому, что у него отсутствует желание «укрепиться на избранной точке» и начать культурно преобразовывать окружающую его среду²². А если он решается на это, то его ждет «тяжелая и бесплодная борьба», и потому «человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, выработать из опыта своего идеи»²³. Как следствие – «жуткая деревенская

¹⁵ Максим Горький. О русском крестьянстве. Берлин, 1922.

¹⁶ В «Этике нигилизма» Франк упоминает высказывание из повести Горького «Исповедь» (1908) «Бог – это народушко». (Цитируется по: Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 174.)

¹⁷ Горький. О русском крестьянстве. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 9.

темнота»²⁴, полное отсутствие культуры, невежество и даже – вопреки расхожему мнению, наглядно опровергнутому революцией, – безбожие.

По мнению Горького, бескультурье русского народа находит свое выражение не только в отсутствии в деревне объектов материальной культуры – этой основанной на разуме «второй природы», но – что обладает еще большим негативным значением для общественного развития – в «неодолимом консерватизме деревни», отторгающей не только любые формы прогресса, но и государство как таковое, в силу своего изначального анархизма мечтающей «о государстве без власти над человеком», «без права влияния на волю личности, на свободу ее действий»²⁵. «Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма, т. е. жизни в «слепоте» разума, повинуюсь инстинктам»²⁶.

Неготовность нашего народа «для событий»²⁷ особенно ярко проявилась в том, как русское крестьянство отреагировало на прогрессивное общественное изменение – социалистическую революцию, совершенную «образованной группой интеллигенции во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих»²⁸, «мужественно пытавшейся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле»²⁹. Однако живя собственническими инстинктами и утилитарными стремлениями, ценя только «внешнее, материальное благополучие жизни»³⁰, деревня не просто отторгла новую идеологию, которая объясняет «все грехи людей силой именно этого инстинкта», не просто активно саботировала нововведения, но именно она – в силу обусловленного ленью желания нажиться за чужой счет и своей врожденной изощренной жестокости – является истинной причиной как зверств революции, так и ужасающего голода, пряча хлеб и сокращая посевы.

Горький называет «ложью и клеветой» обвинения в «зверствах», адресованные вождям революции, группе наиболее активной интеллигенции. С его точки зрения, нельзя считать «мучителями народа» тех, «кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки авгиевых конюшен русской жизни». «Они – скорее жертвы»³¹.

Таким образом, для Горького в России, в стране с неразвитыми капиталистическими отношениями, именно крестьянин-собственник становится аналогом мелкого буржуа и потому врагом «горожанина» – разумного, свободного и деятельного человека *западного образца* и выражающей его мировоззрение партии, и именно с ним следует бороться во имя победы прогрессивной пролетарской

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Там же. С. 42.

идеологии. «Полудикий» крестьянин еще «дорого заплатит», ведь «трагедия не кончена»³². «Революция стальным плугом взбороздила всю массу народа так глубоко, что крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни; как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей»³³, – заключает писатель.

Переводилась ли эта статья Горького на иные языки? Была ли она известна западноевропейцам? И могла ли она оказать влияние на восприятие ими революции в России? Ответить на эти вопросы не представляется возможным. Но как показывают отчеты общества «Die russische Bruderhilfe», издававшего журнал *Liebet einander*, в котором были напечатаны многие из означенных выше «народнических» статей Франка³⁴, восприятие на Западе революции в России и отношение к страданиям русского народа было во многом созвучно отношению Горького, изложенному им в указанной статье. На Западе многие восприняли революцию 1917 как явление типично русское. Считалось, что закрытие и разрушение церквей, гонения на священников и верующих и т.п. мероприятия советского правительства совершаются с одобрения большинства населения России. Общество стремилось к тому, чтобы «пытаться достучаться до людей и пробудить их ото сна», рассказывая «о церкви Иисуса Христа и страданиях великого народа»³⁵. В отчете о его деятельности за 1936 год читаем: «Многие области полностью вымерли во время голода, превратились в "очаги ужаса". Никакая "Лига прав человека", ни один союз народов не хочет этого замечать. В первые годы большевистского господства 5 миллионов умерло с голода. И лишь в 1933 году началась, наконец, акция помощи»³⁶. В своих просветительских мероприятиях общество обращало внимание на то, что «коммунизм в России не достиг своей цели и не укоренился в народе» и что русский человек религиозен по своей сути.

Нельзя исключать того, что в среде русской эмиграции статья Горького имела резонанс и что Франку она тоже могла быть известна. Тогда множество и многообразие его «народнических» статей поддается истолкованию в качестве своеобразного «ответа» Горькому и противостояние ему могло быть намного более серьезным, чем о том говорится в «Предсмертном».

³² Там же. С. 43.

³³ Там же. С. 43-44.

³⁴ Для «*Liebet einander*» с 1933 по 1935 гг. Франком были написаны в общей сложности 17 статей. Подробнее об обществе и журнале см.: Назарова Оксана. Неизвестные публикации Семена Людвиговича Франка в журнале «*Liebet einander*» (Философские науки. М., 2007. № 2. С. 5-9).

³⁵ *Liebet einander*. Lemgo, 1936. № 5. P. 78.

³⁶ *Liebet einander*. Lemgo. 1935. № 12. P. 191. (Журнал *Liebet einander* здесь явно ошибается. Западная помощь голодающим в России, в которой участвовала, главным образом, American Relief Administration (ARA), началась уже в 1921 году – прим. ред.)

Реализм культурно-платонический vs. реализм эмпирический

С целью обоснования ужасающих, но, по его мнению, правдивых заключений касательно русского народа Горький апеллирует к *реальности*: к своим впечатлениям, полученным в период «хождения в деревню», к разговорам с людьми, чтению хроники. Отношение к подобному толкованию реальности Франк очень точно и емко сформулировал в своей статье 1908 года «Преодоление трагедии», характеризуя творческое кредо Леонида Андреева. Критикуя стремление литературы (с легкой руки Андреева) выдать установку акцентирования различного рода жестокостей, страдания и нездоровых состояний за «отражение жизни», Франк указывает не только на «неизбежный субъективизм» искусства, обуславливающий тот факт, что каждый «воспринимает ужасы жизни на свой лад» и склонен либо преуменьшать, либо преувеличивать их, но и на то, что подобное толкование реальности понимает под ней *лишь лежащее на поверхности*, что приводит к установке увековечивания, а не преодоления трагедии. Реализм Франка с самого начала основывался на ином понимании реальности, что обуславливало в том числе и иное отношение к русскому народу. Для того, чтобы понять «народничество» Франка, следует расширить горизонты: вернуться к истокам – к самым первым его философским работам, и принять во внимание одно из самых поздних его творческих деяний – прочитанные на Би-би-си в 1946 году лекции на тему взаимоотношения русской и немецкой культуры³⁷.

В своей работе «Фр. Ницше и этика любви к дальнему», подготовленной после свершившегося в нем духовного поворота для сборника *Проблемы идеализма* (1902), и руководимый декларируемым самим Ницше принципом свободного и духовно-творческого восприятия его учения³⁸, Франк разъясняет суть ницшевской критики утилитаризма, составляющего содержание понятия «любовь к ближнему», а также дает толкование используемым философом понятиям «любовь к дальнему» и «сверхчеловек».

В статье «Этика нигилизма» (1909) вдохновленный этическим радикализмом Ницше Франк направляет острие своей критики на остававшееся в течении многих лет сущностно-неизменным мирозерцание русской интеллигенции, имя которому «народничество», и использует при этом разъясненную им в первом

³⁷ Благодаря стараниям с. Т. Оболевич и А.С. Цыганкова в настоящее время опубликованы две лекции данного цикла: «Живая Европа: Исток и сущность русского марксизма» (Вопросы философии. 2017. № 6. С. 92-104) и «Маркс и Пугачев» (Философский журнал. 2017. Т. 10. С. 59-71).

³⁸ Франк приводит в этой связи цитаты из «Так говорил Заратустра» и «Радостной науки»: «С замечательно выразительностью и изяществом он [Ницше] высказывает свой взгляд на желательное ему отношение к его идеям в одном четверостишии "Радостной науки", носящем название "Истолкование" (Interpretation): «Объясняя себя, я только углубляю себя: я не могу быть сам своим истолкователем. Но кто идет вперед по своему собственному пути, тот вознесет и мой образ к более яркому свету»». (Франк С.Л. Фр. Ницше и этика любви к дальнему // Франк С.Л. Непостижимое. М., 1990. С. 16-17.)

сборнике методологию. Облаченное в разные формы, народничество в любой из них сохраняет свой «духовный склад»³⁹, который поддается описанию при помощи ницшевских понятий «любовь к ближнему» и «утилитаризм». Единственным достойным и оправданным объектом поклонения и служения, т. е. «любви», им объявляется «ближнее» – народ как коллективное «ты». Смысл народнической этики сугубо утилитарный и состоит в удовлетворении нужд «большинства», в первую очередь материальных, в которых усматривается содержание «народного счастья»⁴⁰. Фанатично призывая личность вплоть до самоотречения служить не абсолютным ценностям, а «по существу равноценным с ними (или равно ничтожным) субъективным интересам "ты" – хотя бы и коллективного»⁴¹, народничество вкладывает в души своих сторонников ложные идеалы опрощения, стремясь не просто «превратить всех людей в "рабочих"», но – что намного опаснее – требуя от них опрощения духовного, т. е. отказа от «самоценных духовных запросов»⁴² и сведения к минимуму высших потребностей. Неизбежным следствием нигилизма в отношении абсолютных, высших духовных начал жизни и поклонения ложному Богу («Бог суть народушко»⁴³) неизбежно следует нигилизм культурный – русскому интеллигенту «чужда и отчасти даже враждебна» чистая идея культуры, которой «вдохновляется европеец». Понятая в отличие от социалистического народничества, изначально тендирующего к революционизму, не как распределение культурных благ, а как возвышающее и личность, и народ культурное творчество, именно она является адекватным содержательным наполнением понятия «дальнее», которое следует «любить» и которое достойно служения. «Любовь к "небу"», т. е. признание вышей, духовной реальности – начала, «в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа», «заставляет человека совершенно иначе относиться к "земле" и земным делам»⁴⁴. Им руководит не идея разрушения, но идея созидания – совершенствования человеческой природы, воплощения в жизни идеальных ценностей, «многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно-высшую ступень»⁴⁵.

Утилитаризм (=эмпиризм) и материализм побуждают народническую интеллигенцию видеть в народе исключительно объект поклонения, интересы и нужды которого нужно удовлетворить. Однако расширение индивидуального «я» в любых масштабах не превращает его в Абсолют и, соответственно, не наделяет его безусловной значимостью. Обращение к народу с позиции «религиозного

³⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 179.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 173.

⁴² Там же.

⁴³ Высказывание Максима Горького из повести «Исповедь».

⁴⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 171.

⁴⁵ Там же. С. 177.

гуманизма»⁴⁶ позволяет увидеть в нем духовную творческую реальность, более конкретное определение которой Франк дает уже в эмиграции – «дух народа»⁴⁷. Духовное бытие есть бытие в Боге, с Богом. Соответственно, «дух народа» – это идеальный образ народа, данный ему Богом, а, значит, *положительный* его образ. Понятие культуры, как оно было сформулировано Франком в «Этике нигилизма», есть не только идеал, то «дальнее», к которому нужно стремиться, но и выражение этой духовной реальности – творческой силы народного духа. «Народничество» Франка иного типа – оно не обожествляет, но высоко ценит внутреннюю духовную сущность народа и основывается не на принципе покаяния перед ним, составлявшего идеал народников первой волны, а также не на принципе распределения культурных благ, как к тому призывают марксисты, а на принципе служения религиозно-культурным основаниям народного духа. Это служение осуществляется путем культурного творчества как сотворения культурных богатств, которые тоже надо учиться любить.

Следуя своему утверждению, высказанному в работе «Фр. Ницше и этика любви к дальнему», согласно которому идея «сверхчеловека» ничего не прибавляет к этике «любви к дальнему», а есть лишь ее образное выражение, Франк в «Этике нигилизма» оставляет ее без внимания. Я полагаю⁴⁸, что уяснить, каким образом Франк трактует данное понятие Ницше, становится возможным, если обратиться к первой лекции из цикла его выступлений на Би-би-си под названием «Живая Западная Европа: Россия и Западная Европа в русском мышлении»⁴⁹.

Рассуждая в рамках общей проблемы взаимоотношения России и Западной Европы, которая имеет прямое отношение и к нашей исходной теме – отношения Франка к Горькому, поскольку тот в своей статье 1922 года, противопоставляя цивилизованность западного горожанина дикости русского крестьянина, работает как раз в рамках данной оппозиции, – Франк высказывает мысль, что за внешними эмпирическими различиями народов и культур в области духовных оснований жизни обнаруживает себя общность, которая находится по ту сторону всяческих различий и которую он – здесь уже указывая на Достоевского – называет «всечеловеком». Принимая во внимание тот факт, что в 1946 году сослаться на Ницше в обращении к немецкой аудитории было бы совершенно неуместно, рискну высказать предположение о том, что здесь происходит трансформация

⁴⁶ Там же. С. 206.

⁴⁷ См., к примеру, статьи Франка «Русское мировоззрение» (*Die russische Weltanschauung // Kantstudien. Berlin-Charlottenburg, 1926. № XXXI. Серия: Philosophische Vorträge der Kantgesellschaft. № 29; В переводе Г. Франко издано: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 161-195*) и «Взаимосвязь русского и немецкого народного духа» (*Die russische Geistesart in ihrer Beziehung zur deutschen // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под редакцией М.А. Колерова. М., 2000. С. 131-164*).

⁴⁸ Здесь я руководствуюсь творчески-интерпретаторским принципом отношения к учению Ницше, на который ссылается Франк в «Фр. Ницше и этика любви к дальнему».

⁴⁹ Автор благодарит с. Терезу Оболевич за предоставленную рукопись данного выступления, которая готовится к публикации Г.Е. Алеявым и Т.Н. Резвых.

нищевского понятия «сверхчеловек», понимаемого как квинтэссенция «духовного развития человечества, высшая степень расцвета, на которую способны содержащиеся в современном человеке духовные зародыши»⁵⁰, в понятие «всечеловек», толкуемого как высшее, основанное на христианстве культурное единство европейских народов. Призвание каждого из участников этой общности состоит в том, чтобы внести свой вклад в ее копилку. В этом заключается «всечеловеческое» значение развития любой национальной культуры. Россия вносит свой вклад в формирование «всечеловека», предьявляя Западу лучшие образцы своего духовного христианского творчества. Решению этой задачи как раз и были посвящены статьи Франка, рассказывавшие о достижениях литературы, христианской культуры и философского мышления русского народа.

Каждый, кто входит в состав культурного «сверхчеловека», может быть полезным другому и – дополню – потому имеет право быть услышанным. В работах «Крушение кумиров» (1924) и «Основы марксизма» (1926)⁵¹ Франк упоминает, что русские философы-эмигранты рассматривали себя в качестве посланников, прошедших через жерло революции, посредством которой произошло воплощение в жизнь идеологии марксизма, и потому обладавших уникальным опытом, которым они могли бы поделиться с Западом⁵². Послание русских философов состояло в призыве войти во «всечеловека» за счет отказа от радикальных форм развития западной духовной культуры, таких как социализм, марксизм, революционизм, религиозный нигилизм, сформировавшихся в качестве реакции на утопический рационалистический оптимизм 18-го века, и возвращения к своим религиозным и мистическим началам⁵³. В этом смысле критические исследования марксизма, написанные Франком уже в эмиграции, можно рассматривать как продолжение критики мировоззрения радикальной интеллигенции, начатой им в *Вехах*. На этот раз объектом критики становится уже западное интеллигентское сознание. Франк обращается к западному читателю в надежде, что его услышат⁵⁴.

⁵⁰ Франк С.Л. Фр. Ницше и этика любви к дальнему // Франк С.Л. Непостижимое. М., 1990. С. 56.

⁵¹ Автор благодарит с. Терезу Оболевич за предоставленную ксерокопию этой работы Франка, которая пока в России не была переиздана.

⁵² «В оценке социализма и марксизма мы – призванные учителя Европы» (Основы марксизма. С. 4).

⁵³ Так, например, в своей работе «Взаимосвязь русского и немецкого народного духа» Франк указывает на то, что «родство русского и немецкого духа как раз и состоит в их общей религиозно-метафизической склонности» (Die russische Geistesart in ihrer Beziehung zur deutschen // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под редакцией М.А. Колерова. М., 2000. С. 131-164, здесь с. 152).

⁵⁴ Одним из тех, кто услышал его призыв, является, к примеру, Петер Элен, который, по его собственным словам, заинтересовался философией Франка, поскольку именно она среди множества философских направлений послевоенной Европы была способна «научить новому обоснованию гуманизма» и предоставить «интеллектуальное оружие» против набирающего силу атеизма». (Цыганков А.С. Петер Элен как исследователь философского наследия С.Л. Франка // Петер Элен. Онтология и антропология С.Л. Франка. М., 2017. С. IX-X.)

Максим Горький и марксизм

Как часть франковского послания Западу можно рассматривать и его аналитику жизни и творческой эволюции Максима Горького, представленную в упомянутых статьях 1936 года. Будучи известной и весьма популярной у западноевропейцев фигурой, писатель мог послужить наглядным примером негативных последствий верности марксистской идеологии и проверкой на правильность того мировоззрения, которое Франк подверг критике в «Этике нигилизма».

«Дух народа» как его идеальный образ находит свое выражение в творчестве людей, наделенных богатым внутренним чутьем, благодаря которому они способны его увидеть, и обладающих даром художественного слова для того, чтобы его описать. Речь идет, в первую очередь, о гениальных литераторах, «ибо гений [...] есть всегда самое яркое и показательное выражение народной души в ее субстанциальной первооснове»⁵⁵. В глазах советских людей наиболее адекватным выразителем души русского народа являлся «пролетарский» поэт Максим Горький, да и на Западе за ним прочно закрепилась слава «великого русского писателя». Казалось, что именно ему, вышедшему из народа, дано было почувствовать подлинную его суть и именно его творчество позволительно рассматривать как вложение в культурную копилку всечеловечества. Франк отрицает подобное утверждение. В оппозиции Горькому происходит дальнейшее прояснение его понимания культуры.

В работе «Максим Горький» Франк обращает внимание на то, что будучи связанным со старой литературной традицией «народников» и введенный в русскую литературу народником Короленко, Горький в силу своего происхождения «из городского пролетаризированного мещанства» и странствующего образа жизни в ранней юности оказывается духовно связанным с определенного типа людьми – бродягами, «босьяками», лишенными собственности, корней и каких-либо привязанностей. «Идеализируя этот тип человека, восславляя его в качестве примера духовной свободы, жизненного мужества и смелости», Горький избирает его и в качестве примера той социальной силы, которая оказывается способна к социально-культурному творчеству.

Франк показывает, что дело обстоит с точностью до наоборот. «Отсутствие социальных и духовных привязанностей, освобождение от любой связи с традиционными ценностями и жизненными условиями» приводит к тому, что этот человек обнаруживает свою «творческую мощь» лишь в явлениях революционизма и анархизма, которые на самом деле ничего не создают, а лишь разрушают. Основой подлинного культурного творчества, в том числе и социального, может быть именно связь с традицией и наличие собственности, привязанность к земле,

⁵⁵ Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 213-226, здесь с. 213.

которая есть у крестьянина⁵⁶. Лишенный солидаризирующего начала собственности раб – а Горький восхваляет как раз нечто подобное «восстанию рабов» – «всегда эгоист», «зверь, думающий только о себе и готовый всегда вредить своему ближнему»⁵⁷.

Оторванность от родной почвы за время долгого проживания за границей, разрыв с воспитавшей его как русской, так и западноевропейской литературной традицией, сближение с политической партией русских социалистов и увлечение марксистской пропагандой приводит к тому, что в Горьком постепенно умирает творец⁵⁸. Он теряет непосредственное чутье жизни, позволившее ему создать работы, захватывавшие своей «реалистической свежестью» и потрясшие весь мир.

Чувство ненависти, образующее «конкретную и действенную психологическую основу» жизни как идеализируемого писателем типа человека, так и его самого, определило судьбу писателя и привело к тем последствиям, о которых Франк предупреждал еще в *Вехах*, когда он писал, что «из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устроению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером»⁵⁹. Изначально критически восприняв революцию, Горький все же почувствовал в ней воплощение героических мечтаний своей юности об уничтожении всего старого жизненного порядка, что позволило ему примириться с руководителями нового государства и, «используя свой авторитет», санкционировать «бесчеловечную и бессмысленную тиранию Сталина» – реальное воплощение той установки по отношению к русскому народу, которую он озвучил в своей статье 1922 года.

Свою работу «Этика нигилизма» Франк заканчивается призывом перейти от «непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма» к «творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму»⁶⁰. В статьях о Горьком, избирая его в качестве наглядного примера, он показывает правоту своих заключений и повторяет призыв: «Мечта о духовном обновлении жизни на путях отрицания и восстания потерпела крушение в душе русского народа. Будущее целиком и полностью принадлежит истинному – а именно религиозному – возрождению».

⁵⁶ Высоко оценивая значение собственности, Франк опять-таки не возвращается на позиции раскритикованного им в юности народничества, поскольку данная оценка лишена у него утилитарной направленности. Собственность для него есть символ связи с традицией, а также основа подлинной свободы и социальной солидарности.

⁵⁷ Основы марксизма. С. 17.

⁵⁸ Идея, вокруг которой выстраивается написанный Франком некролог «Максим Горький и марксизм».

⁵⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 185.

⁶⁰ Там же. С. 206.

Семен Франк

Максим Горький¹

Ушел из жизни Максим Горький – один из самых характерных и в то же время самых проблематичных образов русской духовной истории последних сорока лет. «Одурманенный расположением и ненавистью партии», – это господствующее мнение о нем лишь отчасти соответствует истинной сущности Горького. Обретенная им достаточно рано мировая слава великого русского писателя основана на недоразумении. Как это часто случается, когда о писателе судят его современники, оценка творчества Горького в значительной мере определялась мотивами, весьма далекими от искусства: в самой России – как дореволюционной, так и большевистской – впечатляющим доминированием политически-этической тенденции в его произведениях; в европейском мире за пределами России – притягательной «экзотичностью» его образов. С художественной точки зрения, Горький может рассматриваться лишь как писатель второго или скорее третьего ранга. Он не входит ни в какое сравнение с такими великими гениями русской литературы, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой; а если принять во внимание формат и особенность его творческого таланта, он также не может быть поставлен в один ряд и со звездами второй величины, творившими в одно время с ним, такими, например, как Лесков, Чехов, Бунин. Горького отличает от них недостаток простой правдивости, беспристрастного художественного реализма – невыразимого волшебства, которое (используя выражение Пушкина) состоит в «прелести нагой простоты»² и образует подлинную сущность русской литературы³. Манера Горького составляет ее полную противоположность: то, что он выдает за реалистичное, есть преимущественно лишь внешняя форма, за которой каждый, кому было дано прочувствовать его творчество, способен усмотреть его подлинное содержание, а именно романтически-декламаторское. Его творчество, в первую очередь его ранние новеллы, безусловно не лишено художественного достоинства, но через простое изображение образов и судеб невозможно оказать

¹ Maxim Gorki // Hochland. Kempten, München, 1935-1936. 33 Jahrg. Bd. 2. P. 566-569.

² Франк цитирует из одного из черновых вариантов заметки Пушкина «О поэтическом слоге» (1828). (Пушкин, ПСС, 1977-1979. Том 7 «Критика и публицистика», «Статьи и заметки» – «О поэтическом слоге») «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем». – О.Н.

³ О правде как высокой моральной ценности Горький говорит в своем очерке «Ленин». Франк упрекает его в том, что творчество самого писателя этой ценности не отвечает. Оно надуманно. (Ленин «прост как правда». Горький М. Ленин. М., 1933. С. 16.) – О.Н.

[на читателя] убедительно-непосредственное и захватывающее воздействие: акцент у него сделан на рационально оформленном мировоззрении, которое он вкладывает в уста своих героев. Из этого явствует, что творчество Горького, в общем и целом, представляет собой образец той облаченной в литературную форму тенденциозной литературы, которая по обыкновению весьма популярна в России. А сам Горький имеет отношение не столько к области русской художественной литературы, но скорее к русской духовной истории, которая неотделима от истории политической; и лишь это заключение может послужить правильной исходной точкой для того, чтобы дать оценку его творчеству и ему самому.

Максим Горький (известный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова⁴) – «писатель из народа»; однако в отличие от других представителей этого течения в русской литературе Горький происходит не из крестьянства, но из городского пролетаризированного мещанства. В ранней юности он покидает свой отчий дом, странствует и оказывается среди шатающихся, бродяжничающих, оторванных от своей почвы людей, которые, в общем-то, с давних пор существовали в России, но число которых с конца 19 века значительно увеличилось в связи с начинающимся распадом старых основ жизни. Когда молодой Горький, пережив множество приключений, в середине 90-х годов получает доступ к прессе и начинает писать, он усматривает задачу своей жизни не только в том, чтобы обратить внимание на особенность и мировоззрение этих лишенных корней бродяг или, согласно техническому обозначению этого явления, «босняков», но и в том, чтобы, идеализируя этот тип человека, восславить его в качестве примера духовной свободы, жизненного мужества и смелости. Тем самым Горький в некоторой степени оказывается связанным со старой литературной традицией: речь идет о «народниках» – господствовавшем с 60-х годов духовном направлении, для которого было характерно описывать способ жизни и мировоззрение «народа», «трудящихся классов» как пример духовной добродетели, подлинного и справедливо-го образа жизни, совершая ради них нападки на господствующее и образованное сословие. Образованные и обеспеченные должны не только искупить свою вину перед народом; они должны взять за образец простой, полный труда и лишений образ жизни «народа» (вспомните, к примеру, проповедь Толстого). Однако в том прославлении народа, который мы встречаем у Горького, слышна абсолютно новая нота. Это не «вскормленные деревней», связанные с клочком земли, покорные и угнетенные, но бунтующие, ослепленные анархизмом, отрицающие все традиционные ценности и формы жизни люди из народа, которые в качестве духовного примера противопоставлялись обывателям и сентиментальным интеллектуалам; и этот народ является не только объектом для любовного воздействия и реализации чувства справедливости со стороны высшего класса; напротив, это уверенный в себе субъект революционного духовного движения. В идеализациях Горького именно неуважение, ненависть ко всему обывательскому и упорядочен-

⁴ Здесь в оригинале статьи следует объяснение, что означает «горький» по-русски. – О.Н.

ному в жизни, отрицание всех господствующих нравственных понятий в силу их лицемерности и фальшивой сентиментальности призвано служить выражением простого, истинного благородства, подлинной духовной свободы. Отсутствие социальных и духовных привязанностей, освобождение от любой связи с традиционными ценностями и жизненными условиями является здесь предпосылкой для осмысленной героической жизни. Горький по своей сути – не социалист, он – анархист. Он проповедует огрубленное, вульгарное ницшеанство, которое, разумеется, радикально отличается от аристократических взглядов Ницше и сводится к восхвалению чего-то подобного «восстанию рабов».

Эти первые новеллы, которые прославляли оторванных от родной почвы «бояжков», хотя и были лишены подлинной художественной гениальности, но захватывали реалистической свежестью (что спасло их от напрашивающегося сравнения с любимыми романтическими историями об индейцах – «благородных дикарях»). Именно они остались подлинным делом всей жизни Горького и сделали его известным во всем мире. Многочисленные работы, написанные им позже, не добавили к этому ничего существенно нового и никогда более не достигали эстетической свежести его первых рассказов (исключение составляет, пожалуй, его автобиография).

Очевидно, что приобретенная Горьким столь рано мировая известность не со служила добрую службу в его последующем творческом развитии. Фатальные последствия повлекло за собой и его сближение с политической партией русских социалистов. То, что раньше было непосредственным романтическим ощущением жизни, отныне превратилось для Горького в политическую программу. Ко времени его первого появления в литературе в середине 90-х годов в России возник – сначала в качестве литературно-духовного направления – русский «марксизм». В отличие от социализма «народников», стремившихся отвратить Россию от пути капитализма и индустриализации и веривших в органическое развитие к социализму на основе самобытных крестьянских общин, русский марксизм утверждал, что России суждено разделить судьбу всех остальных европейских народов: через капитализм и рост революционных настроений городского пролетариата прийти к социализму политически, культурно и социально. Поначалу это было возрождение в новой форме давнего спора между славянофилами, которые требовали для «святой Руси» особого положения по сравнению с «загнивающим Западом», и «западниками», которые считали европейскую форму жизни и культурного развития необходимой и благотворной также и для России. Марксизм довольно быстро оформился в качестве социал-демократической партии по европейскому образцу, которая, как известно, уже в 1903 году распалась на умеренных («меньшевиков») и радикалов («большевиков»). Большевизм изначально представлял собой смешение «классического» марксизма с типично русской анархистски-максималистской верой в возможность скорого осуществления социализма как «Царства Божия на земле» благодаря победе народного восстания. Это направление, которым руководил Ленин, более других отвечало горьковско-

му складу. В 1905-1917 гг. он выступал в качестве его глашатая, хотя в партию, конечно, при этом не вступал. (В своем владении на Капри он основал школу социалистических пропагандистов.) Когда в 1917 году, после почти трех лет мировой войны, случилась катастрофа, а вместе с ней и желанное народное восстание, когда Ленин понял, что одураченные крестьянские и солдатские массы можно подчинить силе большевистской партии, когда отныне большевистское государство вопреки его анархическому происхождению – или же именно вследствие этого – превратилось в неслыханную беспощадную и жестокую деспотию, Горький пережил сильнейшее разочарование. Новое господство тиранов, породившее неизбежный приток коррумпированных и подлых элементов, бессмысленное централизованное регламентирование всей жизни и уничтожение любой формы жизненной свободы радикально отличалось от его романтической мечты о героически-анархическом устройстве жизни. Горький тогда безуспешно пытался переубедить руководителей нового государства; он протестовал против кровавого режима и, используя свои связи, спас жизнь многим жертвам большевистского террора. Рассерженный, он вернулся, в конце концов, в свои владения на Капри.

Однако его отношение к большевизму с самого начала было двойственным. Испытывая поначалу глубокую неприязнь к новому режиму, он оставался тесно связан с его представителями не только благодаря своему прошлому, но чувствовал также, что здесь происходило что-то все же соответствующее его идеалу: здесь одержало победу пригрезившееся ему восстание отчаявшихся народных элементов, был уничтожен весь старый жизненный порядок, а ненавидимый им, чуждый жизни и надуманный идеализм русских интеллектуалов был заменен основанным на нигилизме принятии жизни. Кроме того, ему не хватило духовных сил для того, чтобы выстоять в гордом одиночестве. В результате он примирился со своими старыми товарищами по убеждениям и пережил теперь уже в Советской России новый двусмысленный триумф, который ему пришлось все же оплатить предательством прекраснейших мечтаний его молодости. Его последние политические высказывания и выступления, в которых он, оставив без внимания стенания угнетенной отчизны и используя свой авторитет, санкционировал бесчеловечную и бессмысленную тиранию Сталина, должны быть здесь лишь упомянуты без вынесения суждения, поскольку его могила еще свежа.

Глубокий внутренний трагизм, который несмотря на все внешние успехи Горького окутывает последний период его жизни, имеет – как и весь его духовный образ – определенное символическое значение. Позитивное в его устремлениях, жажда простой истины, героической жизни, духовной свободы изначально было связано у него с ненавистью и враждебностью и с течением времени все больше оказалось отравленным этой темной, демонической силой. Но такова была судьба русского духа, который уже начиная с середины 19-го века охватило стремление к мятежу. Крайний моральный максимализм, предельный результат религиозного беспокойства русского духа восторжествовал благодаря тому, что в нем одержали победу силы отрицания, превратившись в циничный, жизнеуни-

чтожающий нигилизм. Это страшное заблуждение, в котором отпадение дьявола от Бога обретает свое реальное воплощение, стало и для Горького его судьбой. Он остается последним русским революционным писателем, все же заслуживающим внимания. Невозможно себе представить, что после него возникнет еще один творческий дух этого же направления. Мечта о духовном обновлении жизни на путях отрицания и восстания потерпела крушение в душе русского народа. Будущее целиком и полностью принадлежит истинному – а именно религиозному – возрождению.

Перевод с немецкого Оксаны Назаровой

Семен Франк

Максим Горький и марксизм. На смерть писателя 18 июня 1936 года¹

Советский Союз с большими почестями похоронил Максима Горького. Ничто не мешает почитать его как величайшего писателя большевистской России. Ему была вверена должность председателя Правления Союза писателей. Его родной город – Нижний Новгород – был переименован в его честь. После всего этого следовало бы предположить, что марксизм породил настоящего литературного творца. Возможно, это первый из грядущей серии гениев, которую уже готова произвести на свет руководимая партией, терроризируемая большевизмом, монополизированная государством фабрика по производству писателей в Советском Союзе? Или лучше сказать первая ласточка – примета грядущего лета, как его узрел сам умерший [Горький] еще в 1935 году, выступая на Пленуме Правления Союза писателей ...?²

На самом деле на Алексея Максимовича Пешкова, взявшего себе творческий псевдоним Максим Горький³, еще в 1895 году обратил внимание Короленко, один из его литературных наставников. Он же сделал его известным. Его рассказы из жизни люмпенпролетариата и мещанства довольно быстро снискали любовь и восхищение России и мира. Выросший в мелкобуржуазной семье, этот писатель, которого жизнь помотала по разным губерниям и заставила перепробовать разные профессии, стал родным для маленьких людей, для угнетенных, необразованных, изгоев; охваченный при этом истинной жаждой знания, он творил из необычайного богатства своего собственного опыта, отражая его с природным талантом рассказчика и в духе подлинной любви к народу и стране. Его искусство было взлелеяно богатством сказок его бабушки, романами французских буржуазных бульварных писателей, затем в первую очередь великим реалистом Бальзаком и, конечно же, литературой его собственной страны – Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Толстым и всеми теми, чьи следы влияния также ощущаются в его творчестве. Не оставляет сомнения, что вплоть до драмы «На

¹ Maxim Gorki und der Marxismus. Zum Tode des Dichters am 18.VI. 1936 // Der Gral. Münster, 1935-1936. 30 Jahrg. P. 544-546.

² Сравнив речи Горького на Пленуме Правления Союза писателей 1935 года и его выступление на Первом Съезде Союза писателей 1934 года, можно прийти к выводу, что Франк все-таки имеет в виду речь писателя 1934 года. – О.Н.

³ В немецком оригинале некролога читателю объясняется значение псевдонима «горький». К этому объяснению он апеллирует далее в тексте. – О.Н.

дне», поставленной в 1903 году в Берлине гениальным Максом Райнхардтом и дававшейся пятьсот раз, о марксизме у Горького не может быть и речи. Бабушка, рассказывающая сказки, буржуазная бульварная литература, Гоголь, Толстой и Достоевский – какое отношение они имели к большевистской России? Но если коснуться и того особенного, что характеризует Горького, то не марксизм следует благодарить за создание определенного революционного настроения в отношении оглупевшего и опустившегося мелкобуржуазного сословия в старой России. И в конце концов люмпенпролетарии, как их описывает Горький, их исключительная личная гордость и открытие человека в каждом из них – какое отношение все это имеет к большевистскому коллективизму, ведь в нем отсутствует глубокое сострадание ко всем измученным человеческим существам, которое мы найдем у всех тех писателей его родины, которые являются настоящими русскими, но не большевиками? Подлинный Горький столь далек от большевизма, что уже из факта его причисления к государственным писателям можно сделать заключение о его крепкой дружбе с кремлевскими вождями. Эта дружба спасла его и от того, что его скупая похвала революции 1917 года не была поставлена ему в вину, что его борьба против большевистского террора хотя и принесла ему звание «изменника пролетариата», но не привела к расстрелу или концентрационному лагерю, что он в период очередного обострения отношений с Лениным в 1921 году «по медицинским соображениям» некоторое время смог провести за границей, вместо того, чтобы отправиться на курс лечения в Сибирь, что позже он заслужил должность и почести и смог в подлинно человеческой, а значит еще в меньшей степени большевистской манере заботиться об угнетенных работниках умственного труда, за что мы ему и сегодня искренне благодарны.

Еще один факт состоит в том, что после [пьесы] «На дне», представляющей собой квинтэссенцию и вершину всего его раннего творчества, слава Горького вернулась к нему еще раз и что причиной тому послужил марксизм. Писатель, который в то же время выступал в качестве революционного публициста, стал впоследствии ревностным пропагандистом «Эрфуртской программы», о которой вряд ли кто-то станет утверждать, что она содержит творческие импульсы. С той поры источником всего, что в некоторой степени еще обладает литературной ценностью в произведениях Горького, являются исключительно годы его юности, чьи образы и мотивы возвращаются вновь и вновь, и ни в коем случае не марксизм, который лишен какой бы то ни было плодотворной материнской почвы. Вплоть до [пьесы] «На дне» Горького сопровождает постоянный рост, с марксизмом «Эрфуртской программы» связано его непрерывное нисхождение. Сколь усердным в стремлении к образованию был маленький Алексей Максимович! Как возвысился он из низости своего положения! И теперь все закончилось. Марксизм не допускает подъема в область духа. Нельзя быть одновременно почитателем Карла Маркса и последователем Платона. Врата в царство идей останутся закрытыми и в тоже время его ожидает подмена неопределенной проповедью мира, свободы, справедливости, которая подобно миражу манит в пустыне

марксистской системы. В работах этих лет еще можно встретить маленькие оды искусству, воспеванию которого Горький научился когда-то, но все же надуманное, пропагандистское, демагогическое, неподлинное, выдуманное и сконструированное предательски выступает на первый план. В них по-прежнему еще так много привлекательного, того, что нужно массам, которые и сегодня жадно зачитываются этими книгами, но это ничтожно мало для писателя, который был способен перерасти Кнута Гамсуна⁴. Красивый, настоящий, захватывающий и вовсе не такой уж «горький» Горький вновь появляется в своей трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты», когда он возвращается в добольшевицкую Россию. Артур Лютер прав, когда он усматривает в этих повестях и в пьесе «На дне» то непреходящее, что составляет дело жизни Горького⁵.

Имеет ли Советская республика после всего этого право выдавать Максима Горького за своего писателя? На то есть столь же мало оснований, как и для сходной практики, когда объекты индустрии и паровозы царских времен украшают красными флагами и презентуют их как главные свидетельства прогресса Советской России, всегда рассчитывая при этом на безграничную неосведомленность образованных и необразованных масс.

В своей повести «Исповедь» Максим Горький рассказывает историю веселого Мигуна, который в трактирах пел крестьянам песни и при этом был вором. Поймав его в очередной раз, они решили отвести его в лес и там повесить. Он же принялся петь одну песню за другой. Они уже приготовили веревку, когда один крестьянин сказал: «Пускай ещё одну споёт, это ему вместо отходной будет!» Он спел эту песню, и это была такая красивая песня, что крестьяне смущенно сказали: «Ну его, ребята, ко всем псам! Удавишь – греха да склоки разной не оберёшься». И порешили они тогда его отпустить. «За талант твой, – говорят, – мы те и в пояс поклонимся, а за воровство всё-таки должны бока намять»⁶. Побили они его легонько, после чего вместе с ним и пошли домой... Также и мы кланяемся в пояс писателю, любившему свою русскую землю и свой русский народ и стремившемуся вывести его из состояния отупления и инертности, который, без сомнения,

⁴ Гамсуна упоминает и сам Горький в своей речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года в качестве примера «огромной фигуры», созданной «маленькой Норвегией». Максим Горький. <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-271.htm>.

⁵ Артур Лютер (1876, Орел – 1955, Баден Баден) – филолог, историк литературы, переводчик, член «Московского Общества любителей русской словесности». Автор *Истории русской литературы*, изданной в 1924 в Лейпциге по-немецки, и многочисленных переводов русских литераторов на немецкий язык, в том числе работ Горького «Каин и Артем» (переведено как «Истории бродяг» («Geschichten von Landstreichen») Leipzig, 1927), «Мальва» (Leipzig, 1929), «Коновалов» (Leipzig, 1930). См. о Лютере: Харер Клаус. Тройные почести. А. Ф. Лютер и его «Воспоминания». Перевод М. Кореновой. Впервые опубликовано: Звезда. 2004. № 9. Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/kl12.html>. В оценке литературных достоинства Горького Франк во многом ориентируется на заключения Лютера, высказанные им в *Истории русской литературы*. См.: Luther A. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1924. P. 394-399. – О.Н.

⁶ Горький М. Исповедь. Berlin, 1908. С. 18. – О.Н.

в свои лучшие часы искренне искал Бога⁷. Мы кланяемся в пояс тому, кому была открыта тайна истинного искусства. Но и вором был он в тоже время, ведь он украл из душ своих читателей веру в потустороннее, веру в Спасителя, веру во все, что может дать силы и утешение в том числе и жителям ночлежки. Писателя, призванного извещать о глубочайшем в народной душе, большевизм превратил в расхитителя святыниц Святой Руси. Это сделал большевизм с Максимом Горьким.

Перевод с немецкого Оксаны Назаровой

⁷ Возможно, Франк имеет в виду участие Горького в так называемом «богостроительстве». – О.Н.

II. История идей

Шохей Сайто

Николай Трубецкой и его этнографическое видение национальных меньшинств в Российской империи и за ее пределами (1905–1913 гг.)*

Введение

В своей книге *Европа и человечество* (1920) Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), известный лингвист и основатель евразийства, настаивал на том, что у так называемых «дикарей» (по европейским меркам) жизненные уклады порой были выстроены сложнее, чем у европейцев. В качестве примера Трубецкой приводил татуировки у австралийских и полинезийских племен и прически у африканцев. Эти идеи он начал развивать примерно за 10 лет до публикации своей книги, когда еще был студентом Московского государственного университета с 1908 по 1913 год¹.

Современные исследователи считают вклад российских ученых позднего имперского периода в развитие теории евразийства очень важным. Вера Тольц показала, как дореволюционное российское либеральное научное сообщество повлияло на евразийцев, в частности своей критикой евроцентризма. Помимо этого, в междисциплинарных группах того времени в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, во главе которых стояли такие ученые как Н.П. Кондаков, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд и другие, были популярны идеи отрицания/отказа от разграничивания или деления на категории Европы/Запада и Азии/Востока². Сергей Глебов пошел в своих размышлениях на эту тему дальше и указал на связь евразийства с трудами М.М. Ковалевского. В частности, Глебов полагает,

* Данная статья написана на основе доклада, который я прочитал на семинаре «Азия глазами евразийцев: прошлое и настоящее», 20 декабря 2016, русистика / востоковедение, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана. Я хотел бы поблагодарить всех участников семинара.

¹ Трубецкой Н.С. *Европа и человечество* // Николай Сергеевич Трубецкой. Избранное. М., 2010 (Здесь и далее «Избранное»). С. 45.

² Tolz V. *The Eurasians and Liberal Scholarship of the Late Imperial Period: Continuity and Change across the 1917 Divide* // *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* / Ed. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. Pittsburgh, 2015. P. 27-47.

что труд *Европа и человечество* является реакцией на теорию эволюционизма Ковалевского. Он считает, что, по утверждениям Трубецкого, идеи этой книги зародились в дореволюционный период, и отмечает, что Трубецкой написал две статьи о Кавказе (одну в 1908, а другую в 1911 году) под руководством Всеволода Миллера, одного из своих учителей³.

В данной работе анализируются статьи, написанные Трубецким в период с 1905 по 1913 год, с тем чтобы изучить влияние Всеволода Федоровича Миллера и Стефана Кировича Кузнецова (еще одного из наставников Трубецкого) на концепцию Трубецкого. В работе также была сделана попытка охарактеризовать и понять суть небольшой группы интеллектуалов, ОЛЕАЭ (аббревиатура, полное название группы – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии), к которой принадлежал Трубецкой в Московском университете. Роль группы ОЛЕАЭ в российском обществе отличалась от роли Санкт-Петербургской академии наук. Членами общества могли стать как ученые, так и любители, в то время как Императорская академия была открыта только для избранных ученых. Трубецкого занимал, однако, не только Кавказ, но и вся Евразия. Также и другие члены ОЛЕАЭ интересовались этническими группами за пределами Российской империи.

Данная статья дает вначале обзор трудов Трубецкого о Евразии и рассматривает его ключевые этнографические идеи. Во второй части рассматриваются тексты, опубликованные им в основном в журнале ОЛЕАЭ – *Этнографическом обозрении*. Последняя часть статьи посвящена спорным вопросам в ОЛЕАЭ и в исследованиях наставников Трубецкого. Здесь рассматриваются также идеи, которые оказали влияние на мышление Трубецкого.

Обзор взглядов Трубецкого на евразийство в 1920-е годы

Деятельность и труды Трубецкого двадцатых годов прошлого века говорят о том, что он верил в антропологическое, лингвистическое и географическое родство различных этнических групп, проживающих на территории Евразии. Упор, который он делал на негенетические, внешние факторы, связывающие родственно чуждые друг другу группы, повлиял на формирование таких принципов евразийства, как мирное сотрудничество и общинность. В 1923 году в своей работе «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой написал:

«Кроме [...] генетической группировки, географически соседствующие друг с другом языки часто группируются и независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-

³ Glebov S. N.S. Trubetskoi's *Europe and Mankind* and Eurasianist Antievolutionism; One Unknown Source // *Between Europe and Asia*. P. 48-83.

исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название языковых союзов. Такие языковые союзы существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семействами, т.е. случается, что несколько семейств, генетически друг с другом не родственных, но распространенных в одной географической и культурно-исторической зоне, целым рядом общих черт объединяются в союз языковых семейств»⁴.

В этой публикации о евразийстве Трубецкой впервые предложил новую теорию «лингвистической конвергенции», согласно которой все языки родственны и подвижны, а также связаны с другими исторически и географически близкими языками.

«Каждый язык распадается на наречия, наречия – на говоры, говоры – на подговоры и т.д. При этом каждый говор, кроме черт, свойственных ему одному, имеет некоторые черты, общие всем говорам того же наречия, и, кроме черт, объединяющих его с одним из соседних говоров, другие черты, общие с другим соседним говором, и т.д. Между соседними наречиями имеются переходные говоры, соединяющие в себе черты того и другого наречия. Таким образом, язык есть непрерывная цепь говоров, постепенно и незаметно переходящих один в другой»⁵.

Трубецкой настаивал на том, что «принимая во внимание обе возможные группировки языков, – генетическую (по семействам) и негенетическую (по союзам), – можно сказать, что все языки земного шара представляют некоторую непрерывную сеть»⁶. Эта уникальная лингвистическая конструкция так же была неотъемлемой частью антропологической теории Трубецкого, что следует из нижеприведенных цитат из *Европы и человечества* (1920):

«Принципиальной разницы тут никакой нет. В самом деле, национальное, этнографически-антропологическое и лингвистическое единство каждого из народов Европы является лишь относительным. Каждый из народов представляет собою соединение разных более мелких этнических групп, имеющих свои диалектические, культурные и антропологические особенности, но связанных друг с другом узами родства и общей истории, создавшей некий общий для всех них запас культурных ценностей»⁷.

В своей работе «Наследие Чингисхана» (1925) Трубецкой рассуждает о существовании «переходных рас» и использует свою лингвистическую концепцию «переходных говоров» применительно к антропологии. Трубецкой рассматривает

⁴ Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Избранное. С. 221-222.

⁵ Трубецкой. Вавилонская башня. С. 219-220.

⁶ Там же. С. 221-222.

⁷ Трубецкой. Европа и человечество. С. 48.

евразийство как расово разнообразную и постоянно изменяющуюся, но одновременно с этим единую сеть связанных между собою рас⁸.

«Население этой части света [Евразия] неоднородно и принадлежит к различным расам. Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом, с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом и мордвином или зырянном; но от зырянина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чуваши, татарами, мещеряками); татарский тип так же постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят. Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое».

Развивая свои лингвистические и антропологические взгляды о Евразии, Трубецкой пришел к выводу, что различные этнические группы в Евразии на самом деле являются антропологически и лингвистически родственной группой, а именно евразийцами. Трубецкой развивает эту мысль в своей статье «Общевразийский национализм» (1927). В этой работе он делает попытку получить всемирное признание и одобрение своих идей:

«Фактически нет (или почти нет) на свете народов вполне единых или однородных; во всяком народе, даже в очень маленьком, всегда существует несколько племенных разновидностей, нередко довольно значительно отличающихся друг от друга по языку, по физическому типу, по характеру, по обычаям и проч. Нет также (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую-нибудь группу народов, с которыми его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду – в другую группу народов»⁹.

Трубецкой подчеркивает, что общие черты евразийских народов объясняются не общим происхождением, но исторической и географической близостью:

«Ведь по какому-нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую не чисто евразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов; татары, чуваша, черемисы и проч. – в группу так называемых туранских народов; татары, башкиры, сарты и проч. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов... В евразийском же братстве народы связаны друг с другом

⁸ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Избранное. С. 271.

⁹ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Избранное. С. 457-458.

не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое»¹⁰.

Следовательно, мы видим взаимосвязь между лингвистической философией Трубецкого и его пониманием антропологического и этнографического контекста Евразии. Хотя Трубецкой видел и положительные стороны в федеральной системе устройства Советского Союза, он критиковал советскую политику за недостаток диалога между различными этническими группами и республиками, а главное, за отсутствие признания их сходств и взаимного влияния друг на друга¹¹. Во взглядах Трубецкого на этнографию до эмиграции и в его евразийской идеологии в годы изгнания, когда он наблюдал за Советским Союзом издали, существуют сходства. Данная статья рассматривает три ключевых идеи, которые прослеживаются в его работах: (1) конвергенция/параллельное развитие; (2) промежуточные, транснациональные звенья через посредников; и (3) многонаправленные влияния. Но вначале рассмотрим этнографические исследования Трубецкого, с упором на эти основополагающие понятия.

Статьи Трубецкого в *Этнографическом обозрении*, 1905–1913 гг.

1. Финская народная песнь Kulto Neito: обычаи инородцев (Финская песнь Kulto Neito как переживание языческого обычая, 1905).

В своей статье Трубецкой показывает, что следы древних языческих похоронных обрядов, принятых у финно-угорских народов, описаны в западно-финской народной песне Kulto Neito (что в переводе с финского означает «Золотая невеста»), описывающей похороны и поминки усопших. Песнь встречается в народном эпосе «Калевала», национальной гордости Финляндии¹², повествующем о герое по имени Илмаринен, который от горя после смерти своей жены выковал себе невесту из золота и серебра¹³.

Трубецкой обратил внимание на то, что финские народные обряды, описанные в Kulto Neito, были похожи на традиции сибирских меньшинств, таких как остя-

¹⁰ Там же. С. 459.

¹¹ Трубецкой. Общевразийский национализм. С. 457-458.

¹² Поэма XIX века создана на основе устных народных преданий и мифов карельского и финского народов, собранных Элиасом Лёнроттом. «Калевала» – это карело-финский эпос, один из важнейших памятников финской литературы. «Калевала» сыграла ключевую роль в процессе формирования национальной финской идентичности и в борьбе Финляндии за языковую независимость, помогла развитию национального чувства финнов, что привело к отделению Финляндии от России в 1917 году. За более подробной информацией о «Калевале» см. также Ишино Ёуко. The Emergence and the Development of “The Great Finland” Thoughts (In Japanese). Iwanami Publisher, 2012. P. 223-228.

¹³ Ishino. The Emergence. P. 223-228.

ки и самоеды (которые сейчас называются хантами и ненцами, соответственно; хотя эти две народности, как и сибирские финны, относятся к уральской языковой семье, сибирские финны живут значительно западнее)¹⁴. Он ставил целью показать, что у разных уральских народностей были общие привычки и орудия труда. Однако в то время в Финляндии предпринимались попытки доказать западное происхождение финнов. Финские националисты настаивали, что культурные обычаи восточных финнов, описанные в «Калевале», пришли из Эстонии и со временем распространились на территорию Сибири¹⁵. «Калевала» активно эксплуатировалась националистами в Финляндии, которая в те годы как раз стремилась обрести независимость от Российской империи.

С другой стороны, согласно Трубецкому, финские этнические обычаи, описанные в *Kulto Neito*, передались от сибирских финнов годами ранее¹⁶. Если эта гипотеза верна, то восточные и западные финны имеют общую культуру.

2. К вопросу о Золотой Бабе, 1906.

В своей автобиографии Трубецкой размышляет о статье, которую он написал о Золотой Бабе. В этой статье он стремился доказать, что следы церемоний, в которых почитается данное божество, которую сибирские язычники называли «золотой бабой», можно найти в религиозных обрядах вогулов (ныне известных как мансы), остяков и вотяков (которых сейчас называют удмуртами)¹⁷. Символизм этого идола он трактовал следующим образом:

«Это – один из широко-распространенных у разных народов типов богини покровительницы человеческого рода, заведующей его размножением и судьбою отдельных людей и покровительствующей главным занятиям того народа, который поклоняется ей»¹⁸.

Используя такой вид почитания богини, Трубецкой стремился привести пример культурной диффузии¹⁹. Здесь мы видим две идеи Трубецкого. Во-первых, между генетически близкими народностями существует конвергенция культур. Во-вторых, определенное племя обеспечивало культурную трансмиссию через разные группы предков.

Что касается первой идеи, статья Трубецкого показывает, что вотяки и вогулы, принадлежащие к финно-угорской группе, имеют общие культурные черты, вследствие общения этих групп друг с другом. Поклонение «золотой бабе» у вотяков основано на схожих верованиях среди вогулов.

¹⁴ Трубецкой Н.С. Финская песнь *Kulto neito* как переживание языческого обычая // Этнографическое обозрение. 1905. № 2-3. С. 231-233.

¹⁵ Ishino. *The Emergence*. P. 71-73.

¹⁶ Трубецкой. Финская песнь *Kulto neito* как переживание языческого обычая. С. 231-233.

¹⁷ Автобиография Трубецкого в *Trubetzkoy N.S. The Principle of Phonology (Japanese translation)*. Iwanami Publisher, 1980. P. 326.

¹⁸ Трубецкой Н.С. К вопросу о Золотой Бабе // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 52-62.

Относительно второй идеи Трубецкой указывает на то, что этнические русские и вотяки имеют общие черты, объясняющиеся культурным контактом, при этом в этой культурной трансмиссии черемисы (нынешние марийцы) и татары выступили в роли культурных проводников между ними. Трубецкой упоминает одну из ролей богини, а именно покровительство сельского хозяйства: в русских народных и вотяцких сказаниях, также среди других народов, богиня ходит по полям и защищает их. Трубецкой не стремился показать, как нерусские народы повлияли на русских, но скорее пытается объяснить, что определенные этнические группы (к примеру, черемисы и татары) подействовали культурной трансмиссии между генетически не родственными группами. Стоит также отметить, что Трубецкой в завершение своей статьи упомянул, что получил поддержку профессора Кузнецова²⁰.

В своих статьях Трубецкой показывает, что культурные влияния распространялись концентрически, и что никакое общество не стоит выше другого. Таким образом, по мнению Трубецкого, культурная диффузия происходит не сверху вниз, а распространяется по кругу. Эта идея выражена в его статьях, посвященных евразийской тематике, таких как «Вавилонская башня и смешение языков» (1923) и «Наследие Чингисхана» (1925)²¹. Его воззрения на лингвистику и этнологию были в полной гармонии друг с другом и последнее опиралось на первое. Такую точку зрения он высказывает и в своих статьях о Кавказе.

3. Фригийская мифология о «каменном происхождении» Кибелы, аналога Золотой богини на Кавказе (Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня [земли], 1908).

Благодаря сравнению Анатолии со странами Кавказа очевидно, что этнические группы региона имеют не только схожие географические и расовые черты, но также и общие религиозные и духовные особенности.

«Новые открытия, сделанные в области исторической этнографии Малой Азии, должны послужить стимулом для сравнения малоазиатской культуры с кавказской. При этом не маловажное значение должно получить сравнительное изучение древне-малоазиатского и современно-кавказского фольклора, могущее несомненно пролить свет на религию и духовную культуру этих географически и этнически близких между собою этнических групп»²².

Трубецкой уделяет особенное внимание богине Кибеле, которой поклонялись все народы Анатолии, включая фригийцев²³. Трубецкой отмечает, что Кибелу чтили как фригийцы (которые были индоевропейцами по языковой принадлеж-

²⁰ Трубецкой. К вопросу о Золотой Бабе. С. 62.

²¹ Трубецкой. Вавилонская башня. С. 221-222; Трубецкой. Наследие Чингисхана. С. 271.

²² Трубецкой Н.С. Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли) // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 88.

²³ Roller L. In Search of God the Mother. Berkeley, 1999.

ности), так и кавказские народности, которые подверглись влиянию тюркских племен:

«В настоящей заметке я хочу указать на кавказские параллели к фригийскому мифу о происхождении двуполого существа Агдистиса. Миф этот входит в цикл мифов о Кибеле. Хотя он констатирован лишь у фригийцев, считающихся народом индоевропейского происхождения, но, принимая во внимание, что культ Кибелы был распространен по всей Малой Азии, можно предположить, что рассматриваемый нами миф существовал и у тех малоазиатских народов, которые, по мнению новейших ученых, принадлежали к кавказскому племени»²⁴.

Хотя в целом принято считать, что культ поклонения Кибеле в Анатолии повлиял на греческую и римскую культуры, Трубецкой утверждал, что божество впервые стали почитать на Кавказе²⁵. Иными словами, Трубецкой попытался опровергнуть однонаправленность культурных воздействий.

Согласно анализу Трубецкого, легенды о Кибеле и поклонение ей были связаны с обожествлением камня. Такая практика также распространена и у ингушей. Трубецкой сравнил исторические материалы (литературные произведения и другие документы) фригийцев и ингушей и пришел к выводу, что «каменное происхождение» Кибелы было известно жителям Кавказа и что некоторые части мифов о камнепреклонении совпадают с верованиями фригийцев²⁶. Трубецкой сделал открытие, что легенда с такой же структурой, как у фригийской версии, существовала в Ингушетии. Единственное отличие в том, что «богиня» по фригийской версии в сказаниях ингушей предстает «девой».

Трубецкой обратил внимание на то, что влияние мифов этнических меньшинств на другие культуры возможно, что они могут быть моделями для подражания, и подвергал критике склонность этнографов, литераторов и историков всегда выделять влияние так называемых «великих» этнических групп.

4. Редедя²⁷ на Кавказе, 1911

В другой статье Трубецкой обсуждает песнь о легендарном предводителе черкесов. Он отвергает идею о том, что этнические русские оказали влияние на соседствующие группы в одном направлении, и настаивает, что произошел процесс культурной трансмиссии в обратном направлении или же путем многонаправленных влияний²⁸.

Трубецкой демонстрирует, как этнические русские «позаимствовали» верования из черкесской традиции, в особенности из черкесского языка:

«Это сопоставление делает для нас несомненным тот факт, что эти русские и черкесские припевы имеют друг с другом самую тесную связь. Не являясь по-

²⁴ Трубецкой. Кавказские параллели. С. 88.

²⁵ Там же. С. 88-89.

²⁶ Там же. С. 90-91.

²⁷ Легендарный предводитель племен Северного Кавказа.

²⁸ Трубецкой Н.С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 229-238.

борниками теорий "случайного совпадения", мы (Трубецкой и другие ученые) уверены, что такое разительное сходство может быть объяснено не иначе, как заимствованием. Если при этом принять во внимание, что из русского языка рассматриваемые припевы объяснены быть не могут, а из черкесского объясняются вполне свободно, – то для нас станет необходимым признать, что заимствовали русские у черкесов, а не наоборот»²⁹.

Более того, обращая внимания на тесную связь черкесов и казаков, Трубецкой предположил, что казаки явились своего рода посредниками и передатчиками песни³⁰.

Таким же образом Трубецкой сравнивал русские и алтайские письменные версии одной и той же народной песни и показывал, что русские заимствовали из алтайского языка. Он объяснил, что звук того или иного алтайского слова в песне ближе по звучанию к черкесскому, нежели русскому эквиваленту данного слова. Он полагал, что алтайские и русские варианты произошли от черкесского слова, и что различные тюркские народы передали эти термины алтайскому языку. Алтайское слово «ойрыдь» и русское «уредеди» произошли от черкесского «уредед». Слова впервые появились в черкесской культуре, как и сами легенды, и отсюда распространились из черкесского в русский и алтайский языки по горизонтали³¹. С помощью этимологии Трубецкой изучал возникновение и пути распространения народных песен и легенд. В своем обзоре народных песен Кавказа он призывал к междисциплинарному сотрудничеству³².

Трубецкой изучал традиции финно-угорских (западных и северных), урало-алтайских (восточных) и кавказских (южных) народов. Изучая различные этничности в северной, южной, восточной и западной частях Российской империи, Трубецкой стремился показать их культурную взаимосвязь, в частности указывая на многонаправленность их взаимоотношений и случаи культурной трансмиссии между ними. Все это легло в основу его убеждений о том, что составляющие части этнической «Евразии» естественным образом взаимосвязаны между собой.

²⁹ Трубецкой. Редедя на Кавказе. С. 235-236.

³⁰ Там же. С. 236.

³¹ В 90-е годы двадцатого века американские ученые тоже заговорили о том, что казаки могли быть культурными посредниками. К примеру, Томас М. Баррет (сейчас доцент истории в Колледже Св. Мэри в Мериленде, США) назвал свою работу: «На границе империи: терские казаки и северокавказский рубеж, 1700-1860» (докторская диссертация, университет Джорджтауна, 1997).

³² Трубецкой Н.С. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 146-150.

Трубецкой и влияние его окружения: ОЛЕАЭ, С.К. Кузнецов и В.С. Миллер

1. ОЛЕАЭ, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
Трубецкой был членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ)³³. С 1905 по 1913 год его статьи печатались в *Этнографическом обозрении*, главном издании этого сообщества, первом научном этнографическом журнале в России³⁴. ОЛЕАЭ было открытой научной организацией в Российской империи, а также в ее государствах-преемниках с 1863 по 1931 год. В общество могли вступать не только ученые и профессора, но все интересующиеся естествознанием, антропологией и этнографией. ОЛЕАЭ впервые возникло при Московском государственном университете в 1863 году под названием «Общество естествознания». Отделение антропологии возникло в 1864 году усилиями Анатолия Петровича Богданова, который преподавал зоологию и антропологию. В 1871 году общество изменило название на «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии».

Группа, в первую очередь, стремилась сделать свои исследования доступными для широкой аудитории, в этом ее цели отличались от задач Императорской академии наук в Санкт-Петербурге³⁵. В ОЛЕАЭ занимались организацией научных экспедиций с последующими выставками находок, вели широкую просветительскую работу³⁶. Кроме этого в ОЛЕАЭ работали волонтеры³⁷, общество было местом, где ученые и люди без специального образования могли общаться и обмениваться идеями. Члены этой группы держались в стороне от правительства и политики того времени.

Российский университетский устав 1863 года, одобренный императором Александром II, расширил автономию университетов, позволив им создавать собственные академические общества, хотя правительство по-прежнему могло контролировать работу высших учебных заведений. Согласно новому уставу, ОЛЕАЭ посвятило себя патриотической миссии создания «русской науки» и подготовки русских ученых³⁸. Возможно, именно благодаря автономии ОЛЕАЭ пятнадцатилетний Трубецкой начал заниматься изучением этнологии.

³³ Трубецкой посещал встречи ОЛЕАЭ с 1903 года. Автобиография Трубецкого. С. 326; Чижевский Д. Князь Николай Сергеевич Трубецкой // Современные записки. 1939. № 68. С. 464.

³⁴ Токарев С.А. История русской этнографии: дооктябрьский период. М., 1966. С. 402.

³⁵ Токарев. История русской этнографии. С. 284.

³⁶ Керимова М.М. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива. Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 137.

³⁷ Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, 2009. P. 15-16, 130-131, 168.

³⁸ При этом на факультете востоковедения Санкт-Петербургского университета, напротив, усиливалось западное влияние и укрепился авторитет немецких ученых (Schimmelpenninck van der Oye. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New

2. Тематика дискуссий в *Этнографическом обозрении* с 1905 по 1913 годы

Хотя журнал издавался усилиями «любителей этнографии» (то есть людей без специального образования), в нем печатались статьи многих выдающихся ученых, книжные указатели и обзоры. Журнал выходил ежеквартально. Раздел, посвященный книжным обзорам, назывался «Критика»; в нем читателей знакомили с исследованиями о коренных народах Америки, Африки и Азии. Эти дискуссии вызывали большой интерес у Трубецкого, особенно его занимали австралийские аборигены и анатолийские племена. В журнале также иногда обсуждались исследования научных деятелей Западной Европы и Российской Академии наук. К примеру, в отчете об одной из встреч ОЛЕАЭ говорилось, что общество провело исследования в Туркестане, Сибири, на севере России и на Черном море. В это время русские этнологи и этнографы не имели возможности изучать эти регионы и не так много знали о них³⁹.

Хотя интерес к национальным меньшинствам значительно возрос, особенно после событий 1905 года, в самых разных сферах (например, в вопросах религии)⁴⁰, определенные статьи в *Этнографическом обозрении* были посвящены трем основным концепциям (ранее упомянутым), которые встречаются в трудах Трубецкого. Обобщая, можно сказать, что дискуссии в журнале ставили целью определить не только различия между разными этническими группами, но также найти сходства и тесные связи между ними. Это удалось сделать путем сравнения различных точек зрения и в особенности благодаря изучению многонаправленных влияний.

Изучая племена, проживающие в европейской и азиатской частях Российской империи, авторы статей *Этнографического обозрения*, как правило, внимательно изучали тесные связи, существующие между славянами и инородцами⁴¹, и находили сходства между ними, принимая во внимание все этнические группы, проживающие на территории России. Хотя большинство статей, опубликованных в журнале (за исключением книжных рецензий), были посвящены исследованию народов Российской империи, встречались и работы о других этнических груп-

Haven; L., 2011. P. 186). Более того, Токарев (История русской этнографии. С. 215-216) высказывал мнение, что между русскими и немецкими этнографами был конфликт.

³⁹ Керимова. Императорское Общество любителей естествознания. С. 138.

⁴⁰ См. Burbank J. *Intelligentsia and Revolution: Russian View of Bolshevism 1917-1922*. N.Y., 1986. P. 9; Tolz V. *Собственный Восток России: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, 2011; Mogilner M. *Russian Physical Anthropology of the Nineteenth-Early Twentieth Centuries: Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body* // *Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Ed. Gerasimov I., Kusber J., Semyonov A. Boston, 2009. P. 155-189; Werth P. *Imperiology and Religion: Some Thoughts on a Research Agenda* // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. Kimitaka M. Sapporo, 2007. P. 57.

⁴¹ Харузина В. Материалы для библиографии этнографической литературы // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 1-2. С. 145-147.

пах за ее пределами⁴². Дело в том, что среди составителей журнала бытовало мнение, что различные группы древних народностей были связаны друг с другом с самых ранних времен истории⁴³.

Поскольку авторов журнала занимали вопросы культурных взаимодействий различных этносов, статьи в нем посвящались иранским, тюркским и монгольским влияниям на кавказские группы. Развивая эту идею на примере языков, кавказские наречия были представлены как не принадлежащие ни к арийским, ни к семитским. Общепринятой тогда считалась точка зрения, что они подверглись влиянию индоевропейских, семитских и арийских языков, однако в *Этнографическом обозрении* было высказано мнение, что на них также повлияли многочисленные другие языки⁴⁴. Помимо этого, журнал призывал к дальнейшему изучению тюркских народностей⁴⁵.

Некоторые исследования, занимающиеся евразийством, посвящены дарвинизму и антиевроцентризму в дореволюционном российском научном сообществе как одной из основ евразийства⁴⁶. Все эти темы волновали авторов журнала *Этнографическое обозрение*, поскольку их широкий круг интересов охватывал разные народы мира и часто был связан с критикой империализма и колониализма. Например, журнал опубликовал критические статьи, посвященные этой тематике, а также специальный номер, посвященный работам антрополога сэра Эдварда Бёрнетта Тайлора⁴⁷. В журнале публиковались статьи, посвященные групповым бракам, критикующие скептицизм европейцев по отношению ко всем другим не-европейцам (особенной критике подвергалась евроцентристская идея «ступеней развития»), в особенности учитывая евроцентристские взгляды Тайлора.

В целом *Этнографическое обозрение*, невзирая на публикуемые в нем статьи и книжные рецензии, призывало осторожно применять европейские стандарты восприятия к не-европейским племенам. Например, в рецензии на немецкое научное исследование, посвященное коренным жителям Америки, говорится, что

⁴² В 1905 году, когда была опубликована первая статья Трубецкого, вышло также и много статей об африканских и тюркских народах. К примеру, появились статьи о социальной жизни тюркских женщин. Гордлевский В. Prinzessin hairié ben Aid, Die türkische Frau, ihr soziales Leben und der Harem // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2-3. С. 257.

⁴³ Харузина В. Историческое развитие этнографии // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 3. С. 54-68.

⁴⁴ Бартольд В.В. К вопросу о происхождении китайцев // *Этнографическое обозрение*. 1910. № 1-2. С. 37-45.

⁴⁵ Васильева В.Н. Краткий очерк быта карагасов // *Этнографическое обозрение*. 1910. № 1-2. С. 76.

⁴⁶ См. Glebov. N.S. Trubetskoï's Europe and Mankind and Eurasianist Antievolutionism; Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Berkeley, 1988. P. 146-148; idem. Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861-1917. Chicago, L., 1976. P. 90, 384.

⁴⁷ Godard J.G. Racial Supremacy: Being Studies in Imperialism // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2-3. С. 292; Максимов А. Anthropological Essays presented to Edward Burnett Tylor in honour of his 75th Birthday // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 4. С. 133-134; Сумцов Н.Ф. Влияние Дарвина на развитие лингвистики и этнографии // *Этнографическое обозрение*. 1909. № 1. С. 40-44.

теория «ступеней развития человека» вовсе необязательно подходит для классификации древних народов Америки. Взамен в журнале предлагалось создать более подходящую ось сравнения, например, сопоставлять культуру американских индейцев с австралийскими аборигенами⁴⁸.

В это время вырос интерес к брачным системам «дикарей». Например, в журнале печатались статьи ученых, изучающих полиандрию в Африке⁴⁹. Опубликованная в 1908 году статья под названием «Групповой брак» критикует теорию социальной эволюции, согласно которой европейская культура стоит на более высокой ступени развития по сравнению с любым другим обществом. Статья критикует антрополога Л.Г. Моргана (1818–1881) и его сторонников⁵⁰. В статье утверждается, что групповой брак среди коренных африканских и австралийских племен нельзя объяснить моргановскими европейскими нормами, и правильнее было бы рассматривать их как новые системы, поскольку они развивались независимо и без воздействия европейских убеждений⁵¹. В заключении статьи говорится, что групповой брак не был остатком индивидуального брака, и что полиандрия и полигиния не были формами сексуального промискуитета или распущенности, поскольку имели сложную структуру и организацию⁵². Другими словами, в журнале высказывалась мысль о том, что групповой брак следует рассматривать как нечто, пришедшее из других культур и сформировавшееся самобытным образом, а не как стадию «развития» по европейским понятиям. Более того, журнал призывает сравнивать таким же образом общества других регионов, таких как Северо-Западная Америка, Тибет, Индия.

В.С. Богданов, секретарь и редактор журнала, привел российский пример такого мышления в одной из своих рецензий⁵³. Он настаивал, что финно-угорские дома не были «примитивными», поскольку имели систематизированные, сложные артистические элементы, и что ничего подобного никогда не было в Европе⁵⁴.

В 1911 году в *Этнографическом обозрении* была опубликована анонимная рецензия на статью о сибирских народах, напечатанную Санкт-Петербургской Императорской академией наук, в которой говорилось, что сибирских инородцев не следует называть «отсталым народом», скорее их следует сравнивать с другими

⁴⁸ Харузина В., Breysig Kurt. Die Entstehung des Gottesgedankens und der Heilsbringer // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 1-2. С. 128-132.

⁴⁹ Полиандрия в Африке // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 3. С. 69, 111, 127.

⁵⁰ Максимов А. Групповой Брак // *Этнографическое обозрение*. 1908. № 3. С. 1.

⁵¹ Там же. С. 47.

⁵² Там же. С. 48.

⁵³ В.С. Богданов был, вероятно, студентом Московского государственного университета. Он опубликовал множество статей с 1905 по 1913 годы, был секретарем журнала с 1909 года. См. *Этнографическое обозрение*. 1909. № 1. В 1941 г. он опубликовал биографию Дмитрия Николаевича Анучина. См. Esakov V. Anuchin, Dmitrii Nikolaevich // *Dictionary of Scientific Biography*. Volume 1. N.Y., 1970. P. 175.

⁵⁴ Богданов В., Sirelius U.T. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker // *Этнографическое обозрение*. 1911. № 1-2. С. 262.

нерусскими племенами, проживающими на европейской территории России, а также с этническими русскими. В рецензии резкой критике подверглись исследования, посвященные сибирским народам. Автор назвал их «узколобыми», поскольку они занимались лишь сбором информации о той или иной этнической группе, и сетовал на то, что все исследования, посвященные Сибири, традиционно имели эти недостатки⁵⁵. В другой рецензии, написанной Трубецким на статью финского ученого Мансикка о финно-угорских народах, Трубецкой также критикует и российских исследователей за то, что они склонны избегать темы близких культурных взаимосвязей между этническими русскими и финно-уграми⁵⁶.

Хотя северные финны и этнические русские тесно контактировали друг с другом и оказывали друг на друга влияние в разные периоды истории, когда они говорили на общем славянском языке, этот аргумент эксплуатировался для русификации финских народов с целью подавления финского национализма и сепаратизма, поскольку такие настроения возросли в поздний имперский период⁵⁷.

Важно отметить, что ученые того времени выбирали научные журналы для публикации своих работ в зависимости от направленности их исследований и, помимо прочего, руководствовались политическими соображениями. *Этнографическое обозрение* публиковало же идеи членов ОЛЕАЭ в соответствии с их настоящими научными интересами, без оглядки на государственную политику. И действительно, порой ученые были одновременно членами как ОЛЕАЭ, так и отделения этнографии Императорского русского географического общества (где работа велась в соответствии с национальной государственной политикой); таким был, например, Всеволод Федорович Миллер⁵⁸.

Сергей Глебов отмечал, что, критикуя европейское понимание «дикарей», Трубецкой в своей книге *Европа и человечество* описывает групповые браки у австралийских аборигенов как нечто более сложное и тщательно продуманное по сравнению с европейской брачной системой⁵⁹. В этом явно прослеживается влияние ОЛЕАЭ на Трубецкого.

3. Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913)

В данной статье предпринята попытка изучить, какое влияние на Трубецкого оказали его наставники. Ранее исследователи предполагали, что на научные интересы и сферу исследований Трубецкого повлияли С.К. Кузнецов и В.Ф. Мил-

⁵⁵ Богданов В. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири // *Этнографическое обозрение*. 1911. № 1-2. С. 275-278.

⁵⁶ Трубецкой Н.С. V. I. Mansikka: Das Lied von Ogoi und Novatitsa. «Finnisch-Ugrische Forschungen» // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 3. С. 124-125.

⁵⁷ Из истории сношения финнов с индо-европейцами // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 1-2. С. 169.

⁵⁸ Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. P. 33.

⁵⁹ Трубецкой. *Европа и человечество*. С. 60-61; Глебов. «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого и евразийский антиреволюционизм. С. 56.

лер (имеются в виду работы Кузнецова о финно-угорских народах и труды Миллера о кавказских народах). При этом надо, однако, подчеркнуть, что и Кузнецов, и Миллер были членами ОЛЕАЭ и имели общие интересы⁶⁰.

В статье Кузнецова от 1905 года «К вопросу о Биармии», опубликованной в *Этнографическом обозрении* одновременно с первой статьей Трубецкого, была сделана попытка показать, что между этническими группами Северной Европы и Центральной Азии существовали культурные взаимосвязи. Согласно статье Кузнецова, этническая культура Биармии (сейчас это территория на севере России) сформировалась не только вследствие контактов с народами Северной Европы (с которыми велась торговля), но и благодаря влиянию азиатских народностей России, культурному взаимообмену, например, с коренными народностями, проживающими у берегов Северной Двины, а также коми и поволжскими финнами⁶¹.

Трубецкой в своем эссе, написанном в память о Кузнецове после его смерти, говорит, что этот ученый не только привил ему интерес к финно-угорским и сибирским народам, но и показал важность «реализма в этнографии». Реализм в этнографии означает наблюдение за самой жизнью племен, а именно за особенностями их повседневной жизни. Более того, Трубецкой упоминает преодоление этноцентризма, правильное использование макроскопического и микроскопического, и важность сравнительного анализа и перспективы⁶².

4. Всеволод Федорович Миллер (1848–1913)

Всеволод Федорович Миллер интересовался разными мировыми культурами, и его главным исследовательским методом был сравнительный анализ⁶³. Он изучал взаимоотношения и образ жизни различных этнических групп. Он сравнивал не только соседствующие друг с другом народности, но также и племена, разделенные большими расстояниями. Его методы оказали большое влияние на ОЛЕАЭ во время исследования многочисленных и разнообразных этнических групп, в том числе австралийских и африканских. Еще одним важным исследовательским принципом для Миллера была междисциплинарность, к примеру, сочетание этнографических и лингвистических методов⁶⁴.

⁶⁰ Глебов. «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого и евразийский антиреволюционизм; Либерман А. Н.С. Трубецкой и его труды об истории и политике // Н.С. Трубецкой, Наследие Чингисхана и другие эссе о российской идентичности / Ред. Либерман А. Ann Arbor, 1991. С. 299-300.

⁶¹ Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2-3. С. 1-95.

⁶² Трубецкой Н.С. Стефан Кирович Кузнецов // *Этнографическое обозрение*. 1913. № 1-2. С. 325-331.

⁶³ Максимов А. Научные методы В.Ф. Миллера // *Этнографическое обозрение*. 1913. № 3-4. С. 39-42.

⁶⁴ Там же. С. 43.

Миллер посвятил большую часть своего времени изучению культурных и исторических взаимоотношений народов Российской империи, Азии и Европы⁶⁵. К примеру, он построил доверительные отношения с осетинами и потому сумел подробно изучить их обычаи⁶⁶. В своем эссе, посвященном памяти Миллера, Трубецкой отмечает, что поскольку Миллер играл столь важную роль в ОЛЕАЭ и среди московских этнографов, он помог провести самые важные исследования ОЛЕАЭ, подробно изучающие культурные и исторические связи русских и других народностей⁶⁷.

Что касается отдельных исследований, у Миллера были две ключевые темы для изучения. Во-первых, он полагал, что Кавказ был своего рода проводником между Востоком и Западом. Он анализировал культурные, языковые и исторические связи Кавказа с соседями. В своем сравнительном исследовании фольклора он обнаружил параллельное развитие русских и кавказских мифов и показал, как Кавказ помог процессу культурной трансмиссии между Киевской Русью и иранскими народами⁶⁸.

Во-вторых, он изучал древний русский эпос – былины. Миллер полагал, что они возникли на севере и повлияли на новгородскую культуру. В своем анализе былин Якутии он описывал разнообразные версии этих поэм в разных регионах России, а также изучал их географическое распространение⁶⁹. Вполне вероятно, что Миллер повлиял на Трубецкого, поскольку тот, как и его наставник, часто использовал эпос и народные песни в качестве исследовательского материала.

Будучи специалистом по индоиранской литературе и фольклору, Миллер изучал культурное влияние Востока на Запад с помощью русского фольклора⁷⁰. Что касается народных песен, то он показал, что между ними существуют не только различия, но и сходства⁷¹. Рассуждая об украинской музыке и искусстве, он показал, что на украинцев повлияли крымские татары⁷².

И хотя Стефан Кирович Кузнецов и Всеволод Федорович Миллер занимались исследованиями в самых разных областях, они регулярно возвращались к трем (ранее упомянутым) идеям, которые затем перенял и Трубецкой: (1) конвергенция/параллельное развитие; (2) промежуточные транснациональные звенья через

⁶⁵ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер как председатель этнографического отдела // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 25.

⁶⁶ Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. P. 165

⁶⁷ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер краткий очерк его жизни // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. XI.

⁶⁸ Миллер Вс.Ф. Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии передней Азии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3-4. С. 1-15; Васильев Н. Вс. Ф. Миллер как исследователь народной словесности // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 72. 76.

⁶⁹ Васильев. Вс. Ф. Миллер как исследователь народной словесности. С. 82.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Анучин Д.Н. Памяти В.Ф. Миллера // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 125.

⁷² Маслова А.Л. Древнейшие черты в украинских народных песнях // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 61.

посредников (3) многонаправленные влияния. Эти идеи, возможно, стали основой, на которой позднее, в годы изгнания, сформировалась евразийская концепция Трубецкого.

Заключение

1905 год стал поворотным в развитии российской этнографии. В это время возникли новые учения и философские веяния: изменились взгляды российских мыслителей на сибирские народы; исследователи на факультете востоковедения Санкт-Петербургского университета и Императорской академии наук отказались от жесткого деления на «Восток» и «Запад», помимо этого в Москве развивалась так называемая «либеральная антропология»⁷³. Неудивительно, что критика империализма и пересмотр устоявшихся взглядов отразились и в социально-политических обстоятельствах того времени, таких как революция 1905 года. Например, в 1905 и 1906 годах многие ограничения свободы слова и прессы были сняты, что стало плодотворной почвой для развития идей интеллигенции⁷⁴. Споры Трубецкого и его коллег можно изучать в этом широком контексте, но они были лишь одним из многих новых интеллектуальных течений, возникших в то время. Поэтому требуется провести более подробный сравнительный анализ этих идей с постулатами других российских ученых того времени. Будущие исследования можно посвятить более подробному изучению ОЛЕАЭ, изучить, как менялись взгляды, какие были различия и несогласия среди членов организации.

Перевод Полины Рассоловой-Карагезян

⁷³ Тольц В. Собственный Восток России. *Russia's Own Orient*; Slezkine Y. *Russia's Small Peoples: The Policies and Attitudes towards the Native Northerners, Seventeenth Century-1938* (Ph.D Dissertation, The University of Texas, 1989), P. 204-218; Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994. P. 97; Mogilner. *Russian Physical Anthropology*. P. 155-189.

⁷⁴ Burbank. *Intelligentsia and Revolution*. P. 9.

III. История культуры

Людмила Дымерская-Цигельман

Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве*

Светлой памяти Евгении Фрадкиной

Евреи, еврейство и еврейское государство – это разные реальности, и, понятно, отношение к ним писателя тоже было различным. Каждая из них изучалась, трактовалась и изображалась в своем контексте – историческом и ситуационном, художественном и публицистическом. В художественном изображении еврейских персонажей и описании тех евреев, с которыми жизнь сводила Манна, порой встречались эмоциональные и ситуационные оценки, которые иногда могли включать и распространенные во все времена негативные клише и стереотипы. Свои представления о евреях как народе и о еврейском государстве Томас Манн представил в контексте своих философских, исторических и художественных концепций, своего понимания роли евреев в становлении и существовании европейской цивилизации, своего понимания нацистского антисемитизма как орудия, направленного на разрушение этой цивилизации.

Представления, взгляды и концепции писателя менялись во времени и пространстве, но при этом сохранялись основополагающие константы. Сам он неоднократно утверждал, что, как и Гете, меняя мнения, всегда оставался верен своим убеждениям. В письме Герману Гессе от 8 февраля 1947 года, обзревая пройденный им путь, Т. Манн утверждает: «...за тридцать лет я весьма существенно менял свои мнения, не ощущая в общем-то никакого перелома, никакого разрыва в себе»¹. Это полностью относится и ко всем трем аспектам еврейской темы. Она всегда рассматривается в контексте меняющихся мнений писателя и остающихся в своей основе гуманистическими его концепций – философских, исторических и художественных².

* Первоначальная версия этой статьи была опубликована в журнале "Еврейская старина" (1/2017). Печатается с некоторыми изменениями и дополнениями.

¹ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 220

² Эта статья во многом основывается на моем предисловии «Томас Манн. Уроки гуманизма» к сборнику *Томас Манн о немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники* / Сост. Л. Дымерская-Цигельман, Е. Фрадкина. Иерусалим, 1990. Примечания и перевод Е.Фрадкиной. В дальнейшем

Глава I. Томас Манн о еврействе и его роли в духовном становлении европейской цивилизации. «Диктаторско-террористические режимы» – ее разрушители

1. «Диктаторско-террористические режимы» – нацизм и большевизм. Т. Манн о противостоянии им и переходе от аполитичности к политике

Свое понимание исторической роли евреев как народа Томас Манн противопоставляет нацизму, тоталитарную сущность которого он разглядел с первых его шагов, то есть с начала 20-х годов. Именно это стало основанием для радикального изменения его мнений о политике и аполитичности. Публицистические работы тех лет и прежде всего эссе «Гете и Толстой» дают достаточное представление о духовной эволюции Т. Манна в период отхода от провозглашенной им ранее доктрины «аполитичности». В годы Первой мировой войны Томас Манн прошел трудный путь самопознания. Именно так он оценивал продолжавшуюся более трех лет (1915-1918) и стоившую ему «мучительных усилий» работу над книгой *Размышления аполитичного*. «Ту книгу, – вспоминал он, – я написал, страстно отдаваясь самопознанию и пересмотру всех основ моего мировоззрения, всех унаследованных мною традиций – традиций аполитичной немецко-бюргерской духовной культуры»³. Во имя этой культуры Т. Манн, по его словам, всеми силами сопротивлялся тому, что он называл «демократией», имея в виду политизацию духовной жизни.

Демократия представлялась Т. Манну продуктом западной утилитарно-рассудочной цивилизации, которую он, следуя за Ф. Ницше, противопоставлял духовной культуре Германии. Чуждые немцам идеи равенства и всеобщего избирательного права, считал тогда Томас Манн, исходят от евреев и французов – носителей «того галльско-еврейско-интернационалистского интеллектуализма, который заставляет немецкую душу смириться под его тиранством»⁴. Так выглядела «аполитичность аполитичного» в 1920 году. Но уже с 1921 года «свободное музицирование» Манна сопровождается совсем другим «писательством». «Свободным музицированием» в отличие от «писательства» – публицистика, эссеистика – он называет художественное творчество. Тогда продолжалась работа над «Волшебной горой», и две наиболее значимые «писательские» работы тех лет – эссе «Гете и Толстой» (его подзаголовок: «Фрагменты к проблеме гуманизма») и

в примечаниях сборник *Томас Манн о немцах и евреях* будет называться сокращенно «Сб.». Все переводы в нем выполнены германисткой Евгенией Семеновной Фрадкиной. Во всех ее переводах указаны немецкие источники. Выходные данные по цитатам из работ Т. Манна, опубликованных в разных изданиях на русском языке, будут приводиться в соответствующих примечаниях.

³ Манн Т. Культура и политика / его же. Собр. соч. Т. 10. 1960. С. 286-296.

⁴ Манн Т. Письмо Гансу Йосту / Келлер Э. Национализм и литература. Берн, 1970. С. 222.

речь «О немецкой республике» – Томас Манн назвал впоследствии «прозаическими ответвлениями романа». Он работал над ними, по его собственным воспоминаниям, в то «терзаемое проблемами и нещадно понуждавшее думать время», когда «требования со стороны внешнего мира неминуемо должны были множиться, и автор "Размышлений аполитичного" менее чем кто-либо другой из его собратьев был тогда вправе от них уклониться»⁵.

«Нещадно понуждавшими думать» событиями были: революции, падение двух империй и появление на политической карте Европы двух новых республик. Российская советская республика приняла свою конституцию 10 июля 1918 года, конституция Германии, провозгласившая республику, была принята в Веймаре 31 июля 1919 года.

Опыт первых лет существования этих республик и зарождающихся за их фасадом новых диктатур подводит Томаса Манна к новой постановке традиционного для него вопроса – о взаимоотношении духа и жизни, духовной культуры и социальной действительности. Именно тогда снимается противоположение духовной культуры и цивилизации, духа и политики, и он заключает: «Культура стоит перед лицом грозной опасности, если ей недостает политического инстинкта и воли»⁶. В какую форму должны воплотиться «политический инстинкт и воля», дабы создать благоприятные для развития духовной культуры рамки? Ответ однозначен: республика. Но не всякая, а только демократическая. Демократия и только она определяется как «политический аспект духовного, как готовность духа к политике»⁷.

2. Убийство «сионского мудреца» Вальтера Ратенау. Тотальность нацистского антисемитизма. Демократическая республика – государственная форма противостояния «диктаторско-террористическим режимам»

Свою аргументацию в пользу демократии Т. Манн, еще недавно ратовавший за авторитарное государство, изложил в речи «О немецкой республике», произнесенной 15 октября 1922 года на вечере, посвященном 60-летию Герхарта Гауптмана. Но юбилейные торжества вряд ли были тем главным, что волновало докладчика. «Конец Ратенау, – писал он Э. Бертраму вскоре после убийства министра иностранных дел Веймарской республики, – был для меня тяжелым шоком. Какой мрак в голове этих варваров! Я собираюсь придать статье ко дню рождения Гауптмана вид некоего манифеста, взывающего к совести молодежи, которая ко мне прислушивается»⁸.

Вальтер Ратенау – ученый, экономист, писатель, политик, сыгравший огромную роль в поддержании экономики Германии в годы войны и в особенности при

⁵ Манн Т. Очерк моей жизни / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 128-129.

⁶ Манн. Культура и политика. С. 288-296.

⁷ Там же.

⁸ Манн Т. Письмо Э. Бертраму. Цит. по Апт С. Томас Манн. М., 1972. С. 200.

переговорах о послевоенных репарациях. Он был убит 26 июня 1922 года по дороге в свое министерство. Спекулируя на реваншистских настроениях немцев и приспособлявая к ним антисемитскую интерпретацию деятельности Ратенау, Гитлер распорядился поставить памятник убийцам с надписью: «Делай то, что ты должен сделать».

Еврей Ратенау был объявлен одним из «сионских мудрецов». «Протоколы сионских мудрецов» к тому времени широко использовались в нацистской пропаганде: первое их издание на немецком языке вышло в 1920 году; распространением «Протоколов» на немецком и других языках занимался, не в последнюю очередь, переехавший из России в Германию в конце 1918 года А. Розенберг. Он стал официальным идеологом и философом нацистской партии и именно ему принадлежит один из ее манифестов – книга *Миф XX века*. Изложенной в ней нацистской мифологии Томас Манн противопоставил своего «Иосифа и его братьев», замысел которого начал складываться с 1923 года.

«Протоколы» – фальшивка, изготовленная русской охранкой в преддверии революционной ситуации 1900-х годов, начали свое триумфальное шествие в Германии после революции 1917 года. Большевицкий переворот был представлен как реализация якобы изложенных в «Протоколах» планов по завоеванию евреями мирового господства. Гитлер широко использовал версию о всемирном заговоре евреев в своих утверждениях о вредоносности «еврейской расы» и необходимости ее полного уничтожения. Таким образом, нацистский антисемитизм, впитав антисемитскую парадигму русских «Протоколов», обрел тотальный характер. Нацистский антисемитизм – антисемитизм ТОТАЛЬНЫЙ, ибо он нацеливает на полное уничтожение еврейского народа как такового. Именно с таким антисемитизмом, начиная с первых его проявлений, боролся всеми доступными ему средствами Томас Манн.

Вернемся в 1922 год. О действенности нацистской пропаганды свидетельствует реакция аудитории на манновскую речь о республике. Молодежь, которая к нему «прислушивается, внимает голосу совести», – одна из иллюзий Томаса Манна, стремившегося своим уроком, своей исповедью приблизить превращение должного в сущее. Речь «О немецкой республике», построенная на искусной интерпретации идей немецкого романтика конца XVIII века Фридриха Новалиса, прерывалась топотом и выкриками всякий раз, когда докладчик говорил о пагубности романтизации войны, «сентиментального обскурантизма», открывшего дорогу террору и запятнавшего страну «отвратительными и безмозглыми злодеяниями».

Не только присутствовавшие на докладе, но и многие другие, в их числе и близкие друзья отнеслись к выступлению Томаса Манна как к «предательству, измене самому себе, отречению от собственных поступков». Так писатель оценил реакцию на его речь писательницы Иды Бой-Эд в письме ей от 5 декабря

1922 года⁹. Возражая, Манн утверждал, что его «Речь о немецкой республике» – прямое продолжение «Размышлений». Ибо при изменении мнений, утверждал он, сохранялись его убеждения.

Существенное, относящееся к убеждениям, – это гуманизм в его универсальности и в его немецком воплощении – духовной культуре бюргерства. Во имя немецкой гуманности он отрекался от политики, во имя той же гуманности он считал теперь своим долгом отречься от позиций аполитичного, ибо ему стало ясно: не сама по себе гуманистическая культура, а ее государственно-политическое воплощение – демократия – может выстоять против «фашистско-экспрессионистского бушевания», против обскурантизма, «привораживающего уставшее от релятивизма и жаждущее абсолюта человечество»¹⁰. Томас Манн уже тогда прозревает универсальность «порожденного депрессией антигуманизма», считая наиболее очевидными его проявлениями большевизм в России, фашизм в Италии, реакцию в Венгрии, распространение националистических идей во Франции. Томас Манн объясняет, почему большевизм, «хоть он и проникнут революционным и радикалистским духом», относится к формам проявления депрессии. «Большевизм, как бы ни расценивать его и его значение, во всяком случае не является ни свободой, ни гуманностью, а диктатурой и террором». Это утверждение прозвучало в речи «Дух и сущность немецкой республики», произнесенной 28 июня 1923 года на вечере, посвященном годовщине убийства Вальтера Ратенау¹¹. Анализируя смысл и значение этой открыто антисемитской акции, Томас Манн разъясняет, в чем опасная привлекательность диктаторских тенденций, что можно и должно противопоставить нарождающейся фашистской диктатуре. Можно и должно это сделать, избежав «русского соблазна», поняв, почему русский пагубный путь – это не путь для немцев.

Немецкий фашизм обнаруживает опасное родство с русским большевизмом – писатель видит в них части того «мирового движения», для которого в целом «характерна диктаторско-террористическая тенденция»¹².

Но в Веймарской республике эта тенденция лишь набирала силу, что же нужно сделать, чтобы она в Германии, как это произошло в России, не стала доминирующей. Для этого важно понять, как и почему это получилось у русских, как и почему немцы могут и должны пресечь силы, стремящиеся повести Германию по такому же «диктаторско-террористическому» пути.

⁹ Манн. Письма. С. 32.

¹⁰ См. то же письмо.

¹¹ Манн Т. Дух и сущность немецкой республики / Сб. С. 77-83.

¹² Там же.

3. «Немецкий фашизм – это националистическое язычество... это этническая религия, которой ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство – как человеческая сила»

Томас Манн не политолог и не социолог, он в ранге тех, кто творит культуру. Политическое и социальное в жизни личности и народа он рассматривает, прежде всего, как гуманист – с точки зрения сохранения и приумножения человеческого в человеке. Его занимает не то, как и какими силами был осуществлен «большевистский переворот в стране Толстого», для него важнее всего духовные истоки русского утремления к Абсолютному, к обскурантизму – «опасности любого времени, которое вожделеет Абсолютного»¹³. Томас Манн основательно и с большим пиететом изучал русскую литературу и, сравнивая русских мыслителей с немецкими, приходил к выводу, что глубокое духовное родство, сблизившее Россию с Германией, во многом определяется одинаково критическим отношением германо- и славянофилов к Западу, к его политической культуре, к его духовным ценностям. Духовная близость обоих народов, та популярность, которой пользовались в обеих странах антизападные почвенно-народнические воззрения, – именно это и родило у него опасение: немцы, подобно русским, презревшим при большевиках гуманистические ценности своей культуры, тоже могут под влиянием нацистов пойти «диктаторско-террористическим путем».

И Томас Манн обращается к тем свойствам немецкого духа, к тем гуманистическим традициям, которые могли бы стать на пути «русского соблазна». Надежду на то, что Германию не постигнет участь России, Томас Манн основывает на принципиальных различиях во взглядах двух равных по рангу наставников своих народов – «небожителя» Гете и «великого писателя земли русской» Толстого, который «для своей страны и своего народа имеет примерно то же значение, что для нас автор "Фауста" и "Вильгельма Мейстера"»¹⁴. Какова роль идей «великого писателя земли русской» в совершившемся в его стране «большевистском перевороте»? Оценивая значение «европейски-прогрессивистской идеи», т.е. марксизма, с одной стороны, и толстовства – с другой, Томас Манн пишет: «Западно-марксистский чекан, озаривший ясным светом великий переворот в стране Толстого (подобно всякому свету, озаряющему покров вещей), не мешает нам усмотреть в большевистском перевороте конец Петровской эпохи – западно-либеральствующей *европейской* (курсив Т.М.) эпохи в истории России, которая с этой революцией поворачивается лицом к Востоку. Отнюдь не европейско-прогрессивистская идея уничтожила царя Николая. В нем уничтожили Петра Великого, и его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а возвратный путь в Азию»¹⁵.

¹³ Там же.

¹⁴ Манн Т. Гете и Толстой / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 489-494.

¹⁵ Там же. С. 598.

В поисках того, что может роднить нарождающийся нацизм с большевизмом, Томас Манн явно переоценивает роль толстовства в идеологическом оснащении русской революции. На деле ее вожди в своей политике и пропаганде пользовались фальсифицированной версией марксизма, приспособленной Лениным к захвату власти и созданию «диктаторско-террористического» режима. И это лежало на поверхности, т.е. так выглядел «покров вещей».

Тогда почему Толстой и именно в противопоставлении Гете? Почему же все-таки толстовство как нечто роднящее нацизм с большевизмом? В толстовстве, считал Томас Манн, «выражен протест *русского народничества против гуманистической цивилизации*: в нем проявляется враждебное классической культуре язычество Толстого» (курсив Т.М.)¹⁶. ЯЗЫЧЕСТВО – вот ключевое слово. Антигуманизм, пронизавший все сферы жизни в стране Толстого, в Германии воплощался в немецкий фашизм, определяемый Т. Манном как «националистическое язычество, культ Вотана, это, говоря враждебно (а мы хотим говорить враждебно), – романтическое варварство... Фашизм – это этническая религия, которой ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство – как человеческая сила»¹⁷. В «националистическом язычестве» и «романтическом варварстве фашизма» Томас Манн видит явное родство с философией жизни, освятившей тягу к Абсолютному, ради достижения которого в стране Толстого дозволенным теперь было все.

И Томас Манн стремится убедить своих соплеменников: «Сейчас для Германии не время выступать против гуманизма, брать за образец ... педагогический "большевизм" Толстого ... Наоборот, для нас наступил момент со всей силой подчеркнуть и со всей торжественностью восславить наши великие гуманные традиции»¹⁸.

Эти традиции Томас Манн возводит к Гете. «Гуманистическая божественность Гете, – пишет он, – совершенно явно принимает какие-то иные черты, чем глыбистая первобытно-языческая божественность Толстого...». «Европейский гуманист» Гете отличается от «апостола восточного мира» Толстого своим преклонением «перед нравственной культурой христианства, иначе говоря, перед его гуманизмом, его просветительской антиварварской тенденцией»¹⁹.

4. Нацизм – разрушитель европейской цивилизации, евреи – создатели ее основ. Наставник Томас Манн: «Немец не может быть антисемитом»

В завершающей части эссе «Гете и Толстой» («Последний фрагмент») Томас Манн излагает свое понимание «серединности» немцев – той особой черты немецкости, которая делает немцев «образцом для других». Он стремится убе-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 602.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

дить своих современников, что немцам – «этому срединному народу – гражданину мира» – пристали пафос и мораль, соответствующие его положению²⁰. За год до публикации эссе в своей статье «О еврейском вопросе» (1921 г.) Томас Манн одобрительно отзывается о молодежи, «которая сегодня решительно ищет немецкое, не считая истиной ни Рим, ни Москву». Но такое проявление немецкости, как срыв лекции Альберта Эйнштейна, «потому что этот человек – еврей», Томас Манн называет отвратительным позором, и он желал бы «не быть в этом замешан»²¹.

Мысль о неприемлемости для немца антисемитизма, который есть проявление варварства, была сформулирована еще в первой статье на еврейскую тему в 1907 году. И там тоже Германия противопоставлялась России. «Помощь в решении еврейских дел, – писал Т. Манн, – видится мне неразрывно связанной с общим прогрессом культуры, и если этот вопрос в России является нам в гораздо более страшном и кровавом облике, чем у нас, то мне кажется это объясняется просто тем, что Россия вообще гораздо ближе к варварству, чем наша западная половина Европы»²².

Уже в этой статье Манн противопоставляет свое понимание еврейского вопроса немецкому идеологическому антисемитизму. К началу XX века европейский антисемитизм становился многоликим, распростирались расистские «теории», социальные, экономические, политические, культурологические и т.п. версии. В Германии же он обрел по-настоящему мобилизационный характер с распространением лозунга историка Трейчке «Евреи – наше несчастье». В пике Трейчке Томас Манн в той же статье 1907 года пишет о пользе и важности присутствия евреев в Германии, об их культурном вкладе.

Лозунг Трейчке был не только подхвачен нацистской пропагандой, но и обобщен. Евреи были теперь представлены как «несчастье» ВСЕГО человечества, как расовая угроза цивилизованным народам, возглавляемым арийской расой. В своем противостоянии нацизму Томас Манн изначально показывал всю абсурдность нацистских притязаний на роль «защитника цивилизации». Нацизму как «националистическому язычеству», как «этнической религии», враждебной христианству, то есть как силе, сокрушающей европейскую цивилизацию, писатель противопоставляет евреев как создателей основ этой цивилизации. Отныне это – КОНСТАНТА Томаса Манна в его противостоянии идеологическому антисемитизму. Во всех своих работах, начиная с 20-х годов, он последовательно противопоставлял нацистскому свое понимание роли евреев в мировой истории, свою оценку их фундаментального вклада в европейскую цивилизацию.

В 1937 году писатель выступает в клубе «Кадима» (на иврите «Вперед») с декларацией: «Этим выступлением я заявляю о своей позиции: я защищаю нахо-

²⁰ Там же. С. 604.

²¹ Манн Т. О еврейском вопросе / Сб. С. 368.

²² О решении еврейского вопроса / Там же. С. 361.

дящиеся под угрозой и безудержно пренебрегаемые идейные ценности...». Речь идет о разгуле антисемитизма в Германии, находящейся четвертый год под властью нацистов. Антисемитизм, – пишет Манн, – включает «все сегодняшние темные, путаные, в большей степени зверские человеческие качества», он – «следствие тех мистических представлений, в плену которых находятся массы, антисемитизм – их лозунг». Антисемитизм – это аристократизм черни: «я хоть и никто, но я не еврей». Для антисемита показательна потребность находить в затруднительных обстоятельствах «виноватого, посылать козла отпущения в пустыню ненависти и диффамации, делать из него пугало, изображая гнусным и неполноценным, дабы чувствовать себя немножко лучше, сильнее, благороднее...». Это об антисемитизме, потребляемом и исповедуемом чернью. Только ли чернью?

Томас Манн: «Мы в Германии испытали, к какой духовной нищете это приводит, когда интеллектуалы, ученые, писатели, мыслители – из ложного стремления к единению с народом, путая народ и толпу, опустились до уровня черни и унизились до духовной поддержки ее лозунгов. Они обесчестили себя и заслужили жалкую роль, которую играют теперь под каблуком черни. Свойственные черни качества не могут быть облагорожены с помощью предавшего себя духа: происходит обратное – дух унижает себя и оказывается в рабстве. Этому учит опыт».

Это об антисемитизме в нацистской Германии. Признавая его всенародность – от черни до элиты, – Манн заявляет о неприемлемости антисемитизма для немца. Почему? «Антисемитизм, – утверждает писатель-наставник, – вызывает возмущение каждого, кто знает, какие заслуги имеют немецкие евреи в области исследования и творчества». И далее: «дело не только в том вкладе, который внесли евреи в духовное становление Европы и который столь же велик, как вклад греков, и, на мой взгляд, совершенно исключает всякий антисемитизм. Прибавим к этому благодарность, признание важности, необходимости существования еврейского духа для современности и для будущего нашего континента».

Возвращаясь к идеям своего эссе «Гете и Толстой», Манн резюмирует: «Немец, воспитанный на Гете, для которого, по словам его учителя, имеет значение только вопрос "культура или варварство", не может быть антисемитом...»²³. Томас Манн вряд ли считал себя единственным немцем, «воспитанным на Гете». И, разумеется, он желал, чтобы таких немцев было больше, и его обращение служило тому, чтобы немцы вняли призыву быть учениками Гете. Таким был метод наставника Томаса Манна.

Напомню: это 1922 год. Идет пересмотр позиций себя «аполитичного». Именно тогда Манн, следуя своим убеждениям, возлагает на себя миссию наставника. В письме Эрнсту Бертраму он писал: «Мысль, по-настоящему мною сейчас вла-

²³ Манн Т. К проблеме антисемитизма / Там же. С. 192.

деющая, – это мысль о новом личном осуществлении идеи гуманности...». В феврале 1922 года писатель прочел доклад «Идея органической связи исповеди и воспитания». На идее воспитания, основанного на исповеди, сопоставлялось исповедально-педагогическое творчество великих наставников двух народов – Гете и Толстого. На этой же идее строил собственное творчество Томас Манн. Исповедь в отличие от простого признания своей вины (покаяние) аналитична. В ней представлены причины и обстоятельства произошедшего, своего участия в нем – тем она и воспитательна. Воспитание личным примером – самое убедительное. И эссе как «критическое наблюдение над собственной жизнью» всегда, по словам Т. Манна, сопровождало его творчество.

Для убеждения воспитуемых применяются разные методы. Пенитенциарные для наставника Манна неприемлемы. Он использует положительные стимулы – стремится убедить воспитуемых, что они такие, какими ДОЛЖНО БЫТЬ, и потому то-то и то-то скверное они, если и совершают, то вопреки своей природе. Отсюда стремление убедить немцев в их природной мудрой «серединности», отсюда же стремление убедить своих соплеменников, что их духовный отец – Гете и что уход от его уроков гуманизма (а заодно и уроков самого Манна) – это уход от своей истинной немецкости, серединной и гуманной по своей природе, мудрой по своему происхождению.

Метод взращивания и поощрения «хорошести», несомненно, самый гуманный, и именно по этой причине он был не способен выстоять против воспитательно-пропагандистских, исповедующих ненависть и подкрепленных сверхнасилием методов тоталитарных режимов.

Это так. Но Томас Манн, совмещая воспитание с исповедью, следовал СВОЕЙ миссии наставника неукоснительно.

Глава II. Томас Манн: «Христианство – духовный плод иудаизма». Очеловечивание и расчеловечивание. Теология романа «Иосиф и его братья»

1. «Серединность» и благочестие немцев, их связь с «учением народа Священного писания»

Что же в немецкой духовной культуре делает неприемлемым для немца всякий экстремизм и уж подавно антисемитизм? Повторю: в заключительной части эссе «Гете и Толстой» Томас Манн пишет о «серединности» немцев – их уникальной способности сочетать в себе природное начало с духовным, их органической чуждости всякому экстремизму – философскому, политическому, националистическому. Роль «серединности» в школе национального воспитания – особая тема в романе «Волшебная гора». «Немецкий дух, – писал Т. Манн, объясняя главную

идею этого романа, – значит то же, что "середина", а середина то же, что бюргерство...». Принимая на себя роль наставника, писатель стремится свое собственное постижение идеи срединности превратить в общенациональное достояние. Он верит, что своим примером, примером героя своего романа – простодушного Ганса Касторпа – может приблизить превращение должного в сущее, разумного в действительное. И до тех пор, пока нацизм существует как некая идеологическая доктрина, как политическая потенция, т.е. до тех пор, пока не выявлены реальные масштабы его укорененности и сила его влияния на немцев, Томас Манн стремится убедить себя и других, что единственное подлинно немецкое – это гуманность. В этом смысле истинно немецкое равнозначно общечеловеческому. Но общечеловеческое – это и истинно еврейское, которое формировалось на заре европейской цивилизации. Как это происходило, как шла кристаллизация человеческого в человеке?

Об этом роман-эпопея «Иосиф и его братья».

2. Танахическое понимание «срединности». Антинацистская предназначенность романа

«"Серединный путь" – это путь соединения национального начала, сущность которого всегда лежит в природе, с общечеловеческим, сущность которого – в духе... Торжественная встреча духа и природы, страстно стремящихся друг к другу, – это человек». Так афористично завершает писатель главу «Природа и нация» своего эссе «Гете и Толстой» (курсив Т.М.)²⁴.

Путь, который ведет к «торжественной встрече духа и природы», путь к человеку становится основным мотивом «поэмы о человечестве» – романа об Иосифе. Здесь он символизируется библейским «двойным благословением». «Настоящий и тайный мой текст есть в Библии, в самом конце истории, – пишет Т. Манн Э. Бертраму. – Это благословение, которое оставляет Иосифу умирающий Иаков: "От всемогущего благословен ты благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащими долу"»²⁵ (курсив Т.М.)²⁶.

Замысел романа об Иосифе в общих чертах складывается к 1923 году. Но еще раньше в эссе «Гете и Толстой», разясняя общечеловеческий смысл срединности своего народа, вознося хвалу оговорке и иронии, – которая и есть «пафос срединности», Томас Манн прибегает к языку Библии.

«... Я слышал, – пишет он, – что в еврейском языке слова "познание" и "уразумение" от того же корня, что и слово "между"». Действительно, эти и родствен-

²⁴ Манн. Гете и Толстой. С. 571.

²⁵ Бытие, 49:25. Привожу этот стих полностью: «От Бога, отца твоего, который и да поможет тебе, и от Всевышнего, который да благословит тебя благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцев и утробы».

²⁶ Манн. Письмо Э. Бертраму. С. 43.

ные им слова – однокоренные²⁷. Понятно, что Т. Манн «услышал» об этом лишь потому, что посчитал нужным адресовать некий вопрос еврейским авторитетам.

Но и сам вопрос вряд ли возник случайно: писатель много размышляет о библейских истоках общечеловеческой морали, ищет и находит то общее, что объединяет мудрость, свойственную народу Священного писания, и благочестие, присущее его собственному «серединному» народу.

«... Мне не случайно захотелось почитать Библию..., – говорил о возникновении замысла романа его автор в докладе «Иосиф и его братья». – Я был предрасположен чувствовать и мыслить в общечеловеческом плане ..., а эта предрасположенность была, в свою очередь, продуктом *нашего* времени, эпохи исторических потрясений ..., поставивших перед нами вопрос о человеке, проблему гуманизма во всей ее *ш и р о т е ...*» (курсив Т. Манна)²⁸.

«Что есть человек?» – в поисках ответа на этот вопрос, в поисках смысла бытия, своего назначения и места во вселенной пребывает Ганс Касторп, главный герой «Волшебной горы», а потом и Иосиф. «Волшебную гору» Томас Манн называл «предшественницей» «Иосифа». Эта книга, говорил он, «представляла собой попытку пересмотреть всю совокупность проблем, волновавших Европу на заре нового века»²⁹. Той же «заинтересованностью в человеке, которая не замыкается в рамках индивидуального, а распространяется на общечеловеческое», внушены и романы об Иосифе, в которых сам автор видел «окрашенную юмором, смягченную в своем звучании иронией ... поэму о человечестве»³⁰.

Трактовка мифа в «Иосифе» по самой своей сути отлична от современных приемов его использования, «приемов человеконенавистнических и антигуманистических»³¹. «Ведь слово "миф" пользуется в наши дни дурной славой, – пишет Т. Манн, – достаточно вспомнить о заглавии (*Миф XX века* – Л.Д), которым снабдил свой зловеший учебник присяжный философ германского фашизма Розенберг, этот идейный наставник Гитлера»³².

В романах об Иосифе миф радикально меняет свои функции. Т. Манн уподобляет его захваченному в бою орудью, которое разворачивают и наводят на врага. «В этой книге, – говорит писатель, – миф был выбит из рук фашизма, здесь он

²⁷ Даже не знакомый с ивритом читатель увидит общее в корнях слов *בין* (бейн) – между и *חכמה* (бина) – мудрость, разумение. В раввинистической литературе «серединность» трактуется как важный принцип поведения человека: «Дорога зрячих проходит посередине, слепые бродят по краям» (Вавилонский Талмуд). «Не следуй, человек, тропой ни огненной, ни снежной, а выбирай дорогу посередине» (Иерусалимский талмуд). «Срединный путь» – понятие, вошедшее в иврит. В словаре синонимов современного иврита, кроме других выражений, упоминается идиома «золотая тропа», соответствующая русскому «золотая середина».

²⁸ Манн Т. Доклад «Иосиф и его братья» / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 172-198.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

весь ... пронизан идеями гуманизма, и если потомки найдут в романе нечто значительное, то это будет именно гуманизация мифа» (курсив Т.М.)³³.

3. Теология романа как толкование мифологической истории становления человека-личности

Был ли роман об Иосифе книгой о евреях? Обращение к материалу Ветхого завета, конечно, не было случайностью, пояснял Томас Манн. Его выбор стоял в тесной связи с современностью, шел наперекор тенденциям, внушавшим ему «глубочайшее отвращение» и «особенно непозволительным для немцев». «Я имею в виду, – говорил писатель, – бредовые идеи расового превосходства, которые являются главной составной частью созданного на потребу черни фашистского мифа. Написать роман о духовном мире иудаизма было задачей весьма своевременной, – именно потому, что она казалась несвоевременной»³⁴.

Вместе с тем Томас Манн поясняет, что «все еврейское составляет в романе лишь его передний план». И далее: «... все мифологии мира – еврейская вавилонская, египетская, греческая – сплетаются в такой пестрый клубок, что читатель, полагавший до сих пор, что он держит в руках книгу библейских легенд о народе Иудеи, теперь вряд ли вспомнит об этом»³⁵. Может быть. И все же... Как соотносятся между собой еврейская и другие мифологии, намечается ли по крайней мере какая-то субординация в этом «пестром клубке»? Поясняет сам автор: «... сфера иудейских преданий и легенд, – пишет он, – повсюду покоится на подвешенных под нее опорах в виде элементов других, взятых безотносительно ко времени мифологий, так что они видны сквозь эту прозрачную среду»³⁶. Опоры – важная часть строящегося здания, но ясно, что они не оно само. Они могут проглядывать сквозь него как проглядывает сквозь формирующееся «дневное», «солнечное» самосознание человека, познающего единого Б-га, «лунное», «сумеречное» сознание, точнее, предсознание тех народов, которые продолжают поклоняться разным богам, творя себе кумиров и принося им человеческие жертвы. И потому, читая не только роман, но и доклад о нем, невольно приходишь к выводу, что в сказаниях об Иосифе прежде всего воплощены манновские представления об иудаизме как о «культурной основе бытия». И бытия, прежде всего, европейского, духовным фундаментом которого, писал Томас Манн, было иудеохристианство. При сходстве некоторых сюжетов в мифах разных народов все-таки возникает вопрос: какова роль египетской, вавилонской и даже греческой мифологии в формировании христианства, точнее, его нравственных максим? Сам Томас Манн неоднократно утверждал, что, дав миру единого Бога и десять заповедей, евреи заложили основы человеческой нравственности, духов-

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

ную основу западноевропейской цивилизации, основы ее христианской культуры, ибо «христианство является не чем иным как духовным плодом иудаизма».

Эти его представления об иудаизме нашли свое выражение в теологии романа, которая, по словам Т. Манна, выводится из «трактовки присущей Ветхому завету идеи *союза* между Богом и человеком» (курсив Т.М.)³⁷. Думаю, стоит чуть подробнее рассмотреть теологию романа и манновскую интерпретацию религиозности.

Специалистам хорошо известны источники, на которых Томас Манн строил художественно-философскую и историческую концепцию романа, его уникальную теологию. Доскональное изучение истории, археологии, фауны и флоры, языков, образа жизни и верований населения древних Палестины и Египта он органически сочетал с освоением и своим собственным толкованием текстов Торы. «... В изложении событий мой роман, – писал Т. Манн, – придерживается Книги Бытия, с неизменно шутливой серьезностью стараясь оставаться верным этому первоисточнику, и многие его места весьма напоминают толкование и комментарий Пятикнижия Моисеева, написанный каким-нибудь ученым раввином мидраша»³⁸.

Израильский исследователь рав Михаил Ривкин, анализируя ряд мидрашей Томаса Манна, демонстрирует читателю их адекватность первоисточнику, глубокое постижение смыслов Торы, их мудрую актуализацию. Более того, он полагает, что «все произведение Томаса Манна в целом построено по тому же принципу "гипертекста", что и традиционный еврейский мидраш». При этом писатель не только мастерски воспроизводит основные идеи и логику традиционных комментариев к текстам Торы, но существенно дополняет их собственными интерпретациями, вплетенными в сюжеты романа и выраженными в побуждениях, сомнениях, ошибках и праведных действиях его персонажей. Обновление религиозных текстов в мидрашах Т. Манна обусловлено приведением их в соответствие, во-первых, с теми научными знаниями, на которых основано его повествование, и, во-вторых, с запросами современной автору эпохи. Такой синтез обновляемой теологии с наукой, ее связь с запросами времени Михаил Ривкин считает главной особенностью Нового Интегративного Сознания, которое, по его мнению, нашло свое удивительно полное воплощение в романе Томаса Манна³⁹. На примере недельных разделов книги Брейшит, приведенных в статье, М. Ривкин показывает, как «работает» такой синтез, как он обеспечивает значимость и актуальность манновских мидрашей. Все эти тексты в его статье состоят из трех частей: а) сам недельный раздел Торы, б) мидраш Томаса Манна к нему, вплетенный в соответствующий сюжет романа, в) комментарий М. Ривкина, в кото-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Ривкин М. Толкование недельных разделов книги Брейшит с позиций Нового Интегративного Сознания // Заметки по еврейской истории. 2016. № 1, 2, 3(189, 190, 191).

ром акцентируется непреходящая актуальность текста Торы и мидраша Томаса Манна. Рассмотрим один из этих мидрашей.

Выше уже шла речь о том, что теологию романа Томас Манн выводил из главной танахической идеи – идеи союза, договора между Б-гом и человеком. Именно об этом недельный раздел книги Брейшит «Лех Леха», в котором Б-г открывается Аврааму и между Б-гом и Авраамом, пишет Томас Манн, заключается «вечный завет, этот многообещающий для обеих сторон договор, к которому Господь относился настолько ревниво, что требовал от своего народа безраздельного, без какого бы то ни было заигрывания с другими богами, которых был полон мир, поклонения. Это было примечательно: с Авраамом и его заветом в мире появилось нечто такое, чего прежде в нем не было и чего народы не знали – проклятая возможность нарушать завет, отпасть от Б-га»⁴⁰. Но вместе с «проклятой возможностью» появилась и ее благодатная альтернатива, отличающая Авраама и его потомство от других народов, – возможность хранить верность единому Б-гу. «Авраам собрал разные силы в одну силу и назвал ее Г-дом – пишет Т. Манн, – ее одну и раз навсегда, а не только для праздника, когда в льстивых гимнах приписывают всю силу и отдают все почести какому-то одному богу..., чтобы на следующий же день и в соседнем храме пропеть другому богу это же самое»⁴¹. М. Ривкин показывает, что это новое – единобожие, верность и служение одному богу – привели и к новому в отношениях людей друг к другу – в семье (переход от полигамии к моногамии), в общении (верность в дружбе и в сотрудничестве), в отношениях людей и общества с властью.

Стремление к высшим целям ведет к развитию и совершенствованию обеих сторон союза – и Бога, и человека. Подобно тому, как Бог не может без помощи человеческого разума пойти вперед, так и разум человека не может развиваться без Бога. Отсюда начатый с Авраамом и с тех пор непрекращающийся диалог между Б-гом и человеком. Но уже при самом начале этого диалога человек формируется как личность, как «Я», и только с таким человеком возможен диалог, в котором вторая сторона выступает как «ТЫ». Вот как это видит Томас Манн, комментируя соответствующий раздел Торы. «Бог существовал, и Авраам ходил перед ним, освещенный в душе объективной Его Близостью ... Он был и в Аврааме, который познал Его благодаря Ему. Но это-то и придавало силу и вес собственному "Я" праотца; это веское, сильное Б-гом "Я" отнюдь не собиралось исчезнуть в Б-ге, слиться с Ним и перестать быть Авраамом, нет, оно очень смело и твердо противостояло Ему, – разумеется, на огромном расстоянии от Него, ибо Авраам был только человеком, перстью земной, хотя и связанной с Ним познанием и освященным существованием Б-га в качестве "ТЫ". На такой основе Б-г заключил с Авраамом вечный завет...»⁴².

⁴⁰ Манн Т. Иосиф и его братья. М., 2000. С. 373.

⁴¹ Там же. С. 369.

⁴² Там же. С. 373.

Начатый с Авраама и с тех пор непрерывающийся диалог между «Я» и «ТЫ», между человеком-личностью и Б-гом и есть основа религиозности, которую автор «поэмы о человечестве» понимает как «вдумчивость и послушание; вдумчивое внимание к внутренним изменениям, которые претерпевает мир, к изменчивой картине представлений об истине и справедливости; послушание, которое немедленно приспособливает жизнь и действительность к этим изменениям, к этим новым представлениям, и следует таким образом велениям разума» (курсив Т.М.)⁴³.

Так интерпретируется иудаистский принцип ответственности человека, который должен уметь распознавать «дурное, устаревшее, все то, из чего человек уже внутренне вырос, что стало нестерпимым, невыносимым или, на языке Израиля, "скверной"»⁴⁴. Становление человечества, человеческого в человеке совпадает с формированием «Я» – суверенной, ответственной, способной к самостоянию и одаренной самоосознанием и религиозным сознанием л и ч н о с т и. Личность кристаллизуется в длительном процессе круговращений, точкой отсчета которого Томас Манн избирает «рождение из первобытного коллектива Авраамова "Я"». «Притязания человеческого "Я" на роль центра мироздания являются предпосылкой открытия Бога»⁴⁵.

Но и внук Авраама, Иаков, хотя и видит в себе «подлинного героя драматической повести своей жизни», тоже еще пребывает «в плену нерасчлененности коллективного бытия». И лишь сын Иакова Иосиф – «освобождающаяся человеческая индивидуальность» – уже не только герой своей жизненной драмы, но и ее режиссер.

Если человеческое в человеке равнозначно его формированию как суверенной личности, то расчеловечивание есть процесс и результат уничтожения личностного в человеке⁴⁶. И Т. Манну ясно, что растление суверенной личности, ее возвращение в «нерасчлененность коллективного бытия» («массы»), расчеловечивание – это именно то, что несут с собой «диктаторско-террористические» режимы – нацизм и большевизм. И все, что происходило уже с самого начала противостояния им, – отказ Томаса Манна от аполитичности в пользу демократии, его защита разума против обскурантизма, его защита личности от расчеловечивания, его борьба против обретающего ужасающие формы истребительного антигуманизма – все это нашло опору в «поэме о человечестве», которая создавалась в течение двадцати лет – с 1923 по 1943 годы. «Большой эпический труд, прошедший со

⁴³ Манн. Доклад «Иосиф и его братья».

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Расчеловечение» – так назван раздел в книге *В стране зэка* Юлия Борисовича Марголина, русско-израильского писателя и философа, отбывшего шестилетнее заключение (1939-1945) в советском концлагере.

мною через все годы изгнания и придавший целостность моему бытию». Так определял для себя значение тетралогии об Иосифе ее автор⁴⁷.

Глава III. Катастрофа европейского еврейства и падение Европы. Томас Манн: Евреи – «самый упорный народ на земле – он был, он есть, он будет...»

1. Томас Манн о сущности тоталитарных систем. «Массовый человек» – опора антисемитской и милитаристской политики нацизма.

За годы, прошедшие от замысла романа до его публикации, завершилась краткая история Веймарской республики, нацисты пришли к власти, установив всеохватывающий «диктаторско-террористический» режим, острие которого было направлено против евреев, развязали Вторую мировую войну. При попустительстве западных демократий, которое нередко переходило в содействие, начали и продолжали преследование «народа Священного писания».

Томасу Манну было ясно, что так и не воплотилась в сущее преподанная им как исконно национальная и одновременно общечеловеческая идея «серединности», связывающая благочестие немцев с учением народа Священного писания. Напротив, становились реальностью социально значимые процессы расчеловечивания, которых он так опасался.

17 октября 1930 года (семь лет спустя после речи «О немецкой республике») в том же Бетховенском зале прозвучало воззвание Томаса Манна «Немецкая речь. Призыв к разуму». Писатель анализировал причины «сенсационного волеизъявления народа» – во время выборов в рейхстаг в 1930 году Нацистская партия набрала 6,4 млн. голосов и получила 107 депутатских мест в парламенте, в то время как в 1928 году за нее голосовало 810 тысяч немцев, и она получила всего 12 мандатов. Что обеспечило успех доказавшего «свою огромную притягательную силу национал-социалистического движения»? Мощная пропагандистская кампания, считает Т. Манн. Разрушалась вера в разум, славилось возвращение к язычеству, «к радикально враждебному гуманности вакхическому культу природы», шло «восхваление животворных сил бессознательного». Все это Томас Манн относит к духовным источникам нацизма, явным образом противостоящего христианству. К особо действенным идеям нацизма Томас Манн относит усиленно пропагандируемую нацистами «нордическую веру», которая «еще опаснее и еще страшнее затопляет и парализует мозги». Не используя этих разрушительных идей, нацизм вряд ли приобрел бы такую власть, какой он достиг, «став выразителем продиктованных чувством убеждений масс». И писатель заключает: в

⁴⁷ Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / его же. Собр. соч. Т. 9. С. 207.

Германии (как и в России, реализующей «пролетарское учение о конце света») «фанатизм становится принципом спасения, восхищение – эпилептическим экстазом, политика – массовым наркотиком... Разум отвратил свой лик от людей...»⁴⁸.

За год до этого выступления в новелле «Марио и волшебник» Томас Манн, наблюдая предвыборную кампанию нацистов с активным участием в ней Гитлера и Геббельса, показал, как заезжий «волшебник» может умело просчитанной пропагандой гипнотически подчинять себе превращенную в покорную массу группу людей⁴⁹. Очнувшийся от гипноза Марио выстрелом, уложившем гипнотизера, демонстрирует действенное средство пресечения одурманивания людей и возвращения к ним разума.

Речь «Призыв к разуму», как и «Речь о немецкой республике», прерывалась топотом ног, воем и руганью. От расправы докладчика спас его друг, дирижер Бруно Вальтер, который вывел его через запасной выход к машине.

30 января 1933 года к власти в Германии приходит Гитлер. 11 февраля Томас Манн отправляется в кратковременное лекционное турне по Европе. День отъезда стал первым днем «полудобровольного-полувынужденного» изгнания из Германии, ставшего, в сущности, пожизненным.

Покинув Германию, Томас Манн напряженно следил за тем, что происходило в его злополучной стране. Его ужасает то, что кроется за «чудовищным и подлым обманом с пожаром рейхстага»⁵⁰. Писатель считает, что «поджог с одинаковым успехом могли совершить как нацисты, так и коммунисты, авторство может быть приписано и тем, и другим, ибо граница между ними в духовном и личностном отношении столь же размыта и нечетка, как граница между национал-социализмом и коммунизмом вообще. Я склонен усматривать подспудный смысл процесса в выявлении близости, родства и даже идентичности национал-социализма и коммунизма. Его результатом будет доведение *ad absurdum* ненависти и идиотской страсти к уничтожению друг друга. По существу, же этого вовсе не требуется, они лишь различные, – как различаются между собой братья, – выражения одного и того же исторического явления, одного и того же политическоего мира...»⁵¹.

Такое сходство объясняется общим для обеих стран государственным устройством – и в Германии, и в советской России восторжествовало тоталитарное государство, которое «не только является основой власти, но подчиняет себе все, также и культуру, и прежде всего ее, командует ею, знает, какой она должна быть, диктаторски беря себе исключительное право руководства, и, не допуская проти-

⁴⁸ Манн Т. Немецкая речь. Призыв к разуму / Сб. С. 122-127.

⁴⁹ Об универсальности такой пропаганды и соответственно о непреходящей актуальности работ Томаса Манна см. Эпштейн М. Марево и волшебник. Томас Манн и Russia Today // Новая газета. 19.01.2015.

⁵⁰ Манн Т. Из дневников / Сб. С. 143-144.

⁵¹ Там же.

воречий, сокращает ее до своих понятий...»⁵². Прежде, напомним, речь шла о сходстве, подобии, родстве идейных источников антигуманизма в стране Гете и в стране Толстого. Теперь же Томас Манн приходит к выводу о тождественности политических форм его воплощения в обеих странах: тоталитарного типа государство в равной степени враждебно западной цивилизации, идее свободы, истины и права как в провозгласившей диктатуру, антикоммунизм и истребительный антисемитизм фашистской Германии, так и в деклариовавшем демократию, интернационализм и антифашизм Советском Союзе.

Различия существовали таким образом в идеологическом оформлении тоталитарных режимов, в содержании и методах их пропаганды. Нацистская отличалась полной откровенностью, открыто провозглашала цели рейха – мировое господство арийской расы, тотальный антисемитизм, нацеленный на уничтожение евреев как народа, полное подчинение «новому порядку» других народов, славянских – прежде всего.

Активное сопротивление надвигавшемуся варварству отличало позицию Томаса Манна от позиции тех, кого он называл «ренегатами культуры». К ним он прежде всего относил Освальда Шпенглера, смирившегося с предсказанным им «Закатом Европы».

Призывая к действию, Т. Манн анализирует природу «массового человека» и разъясняет, почему именно этот «человеческий тип» становится опорой тоталитарных режимов, почему ему достается власть, как это блестяще показал Хосе Ортега-и-Гасет в своей книге *Восстание масс*. Искореня культуру, эти режимы предоставляют полный простор антидуховному резонерству «массового человека», его смешанному с суеверием «мировоззрению», его стереотипам и предрасудкам. Провозглашая истинным все, что служит их «абсолютным принципам», подменяя истину мифом, а воспитание пропагандой, тоталитарные режимы вполне импонируют «взбесившемуся обывателю», который «кроме насилия верит только в ложь, и в ложь еще истовее, чем в насилие». Вождевленную свободу от своего «я» и «избавление страха перед жизнью массовый человек находит в коллективистском опьянении», освящаемом идеологическими приманками, такими как величие государства, господство высшей расы, беспощадная борьба с врагами.

В противоположность Шпенглеру Томас Манн убежден: вторжение «массового человека» в цивилизацию не означает неизбежного конца европейского мира. «Европу ждет гибель в том и только том случае, если она продолжит свое отступление». Томас Манн предупреждает: если не избавиться от гипноза, если и дальше дать эксплуатировать принципы свободы и толерантности, если гуманизм не станет воинственным, «Европа сохранит свое имя только в истории»⁵³.

⁵² Там же. С. 143.

⁵³ Манн Т. Внимание Европа! / Сб. С. 158-172.

2. Противодействие нацизму в предвоенные годы

Обращение к Европе прозвучало в апреле 1935 года в Ницце. Но решение об открытом и адресном выступлении против нацизма вызревало с самого начала эмиграции. В сентябре 1934 года Манн пишет: «Национал-социализм – явление, которое совершенно выпадает из того, что мы называем европейским и цивилизованным... иногда мне становится стыдно, что я занимаюсь пустяками и уклоняюсь от долга сказать миру то, что следует ему сказать...» («Пустяками» Т. Манн называет свою работу над романом «Иосиф и его братья»)⁵⁴. То, что «следует сказать», фактически говорилось с 1922 года, то есть одним из первых, если не первым, из немецких интеллектуалов. Но против победившего нацизма оно первоначально формулировалось в дневниках и письмах. Публично же слово о господстве нацизма прозвучало в письме Эдуарду Корроди от 3 февраля 1936 года. «Твердая каждодневно питаемая и подкрепляемая тысячами человеческих, нравственных и эстетических наблюдений и впечатлений убежденность, что от нынешнего режима *нельзя* ждать ничего хорошего ни для Германии, ни для мира – эта убежденность заставила меня покинуть страну, с духовными традициями которой я связан более глубокими корнями, чем те, кто вот уже три года никак не решается лишить меня звания немца на глазах всего мира» (курсив Т. Манна)⁵⁵. В письме Герману Гессе от 9 февраля 1936 года Т. Манн разъяснял свою мотивацию. «Я должен был однажды ясно заявить о своей позиции ради мира, где распространены неопределенные, двусмысленные представления о моем отношении к Третьей империи, а также ради самого себя, потому что мне душевно давно это было необходимо»⁵⁶.

Почему же при всей «душевной необходимости» писатель воздерживался от публичных выступлений против нацизма в первые годы эмиграции? Кроме всего прочего, из опасений за судьбу родителей Кати, остававшихся еще в Германии. К тому же в Мюнхене оставалось все имущество семей Маннов и Прингсхаймов.

Вскоре после публикации письма Корроди Т. Манн был лишен германского гражданства – 2 декабря 1936 года, а 19 декабря ему было сообщено о лишении его звания почетного доктора философии Боннского университета. 31 декабря Т. Манн шлет ответ «Господину декану философского факультета Боннского университета». Ответ был опубликован уже в январе 1937 года вначале в газете *Нейе Цюрхер Цейтунг*, а затем – в виде брошюры, 10-тысячный тираж которой разошелся в течение нескольких дней⁵⁷. Письмо, в котором автор показывал всю преступность милитаристского режима, способ существования которого – война, вызвал поток откликов.

⁵⁴ Манн Т. Из дневников / Сб. С. 150.

⁵⁵ Манн Т. Письмо Э. Корроди от 3 февраля 1936 г. / Письма. С. 79-85.

⁵⁶ Манн Т. Письмо Г. Гессе от 9 февраля 1936 г. / Сб. С. 341.

⁵⁷ Письмо г-ну декану философского ф-та Боннского университета / Сб. С. 10-188, 341.

В марте 1937 года Томас Манн выступает в Цюрихе в клубе студентов-евреев «Кадима» с лекцией «К проблеме антисемитизма». Как было показано ранее (см. гл. 1), именно в этой лекции писатель разъяснял, в чем варварская сущность нацистского антисемитизма и почему немец не может быть антисемитом. Лекция воспринималась как ответ на реализацию антиеврейских законов, принятых в сентябре 1935 года на нацистском «съезде победителей» (советский, предтеча Большого террора, состоялся годом раньше). Депутаты рейхстага, созванного вместе со съездом нацистской партии, поддержали расистское законодательство единогласно.

3. Томас Манн об отступничестве западных стран и их пассивной политике в отношении уничтожаемого европейского еврейства. Нацизм – цивилизационное Зло

После краткого пребывания в Швейцарии в 1938 году Т. Манн переезжает в США. И там свое слово, свой авторитет он ставит на службу тем силам, которые, «казалось, могли еще возвести плотину, преграждающую путь фашистской войне»⁵⁸. Его, однако, глубоко удручает отступничество этих сил. Западные демократии, целенаправленно следуя принципу невмешательства, обнаружили полное равнодушие «к судьбе немецкого народа, зверствам в концентрационных лагерях, пыткам и убийствам, преследованиям евреев и христиан ..., к изгнанию всего духовного, к террористическому, потрясающему основы западной цивилизации господству в центре Европы невежественного большинства»⁵⁹. В том же 1938-м году, что и цитированный сборник его политических статей, Томас Манн пишет доклад «О грядущей победе демократии», с которым объездил 15(!) городов Америки, подобно тому, как в 1921-м он объездил главные города Европы с докладом «Гете и Толстой».

Раскрывая исторические преимущества демократии, Томас Манн и тогда, и теперь видел разницу между «должной» и «сущими» демократиями. В канун войны он подвергал резкой критике «близорукую, слабую и бестолковую политику западноевропейских держав», предоставившую «национал-социалистическому режиму такую полноту власти, которая дает возможность этим людям творить, ничего не таясь и ни с чем не считаясь, решительно все»⁶⁰.

Пацифизм Запада был маской фашистских симпатий, он обернулся Мюнхеном 1938 года и стал «отчаянием всего мира». И хотя он знал всегда, пишет Т. Манн, что «всякая война, даже та, что ведется за человечество, оставляет после себя много крови, великую деморализацию, огрубление, оглушение», – тогда он «страстно мечтал о войне против Гитлера и подстрекал к ней»⁶¹.

⁵⁸ Манн Т. Вступит. статья к сб. «Внимание Европа!» / Сб. С. 241-244, 346.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Манн Т. Письмо Анне Джекобсон от 30 ноября 1938 г. / Сб. С. 244-246.

⁶¹ Манн Т. Письмо Г. Гессе от 8 февраля 1947 г. / Там же. С. 322.

Война против фашизма была борьбой против «упразднения всех нравственных достижений человека»⁶². И Томас Манн прилагал все усилия, чтобы не восторжествовал «циничный взгляд будто война была всего лишь борьбой держав за власть и закончилась победой лишь благодаря перевесу в силе»⁶³. Томас Манн стремится довести до сознания современников: нацизм – не просто военный противник, он последовательно и неуклонно уничтожает все устои цивилизации, он – ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗЛО. Пробное отравление газами четырехсот молодых голландских евреев Томас Манн оценивает в январе 1942 г. как «сознательное и демонстративное историческое действие», которым нацисты хотят войти в историю. Между тем, к этому сообщению в Америке отнеслись как к «устрашающей выдумке»⁶⁴. Антисемитизм в руках нацистов – «не что иное, как средство, гаечный ключ для того, чтобы разобрать на части весь механизм нашей цивилизации». Миф о зловредности евреев используется, чтобы завладеть миром, подтачивая его изнутри, привлекая «маленького человека эрзацем аристократизма: "может быть я никто, но, по крайней мере, не еврей!". Удар по евреям – "народу Священного писания" – был сигналом к началу общего похода против основ христианства. То, чему мы сегодня свидетели, не что иное, как еще одно восстание непобежденных языческих инстинктов против установленных десятью заповедями ограничений. ... Тем самым то, что происходит с евреями, – не только еврейский вопрос»⁶⁵.

Это должно было быть непреложной истиной для немцев, верных своим культурным традициям. Но должное и на этот раз не стало сущим. Слишком массовым было немецкое участие в антиеврейских «народных развлечениях», чтобы можно было воздержаться от собирательного понятия «немцы» и обобщающего – «Германия». Сущим для них стало иное, миру до того неизвестное, – методичное, индустриально организованное истребление миллионов мужчин, женщин, стариков, детей, преданных мучительной смерти лишь потому, что они евреи. В годы, когда многие продолжали верить или изображать веру в то, что из Европы поступают всего-навсего «устрашающие выдумки», Томас Манн делает все от него зависящее, чтобы довести до сведения и сознания современников масштабы и суть Катастрофы европейского еврейства. В сентябрьской радиоречи 1942 года (одной из 55 речей, регулярно выходивших в эфир в годы войны) он сообщает: «Сегодня дошли до уничтожения, до маниакального решения полностью стереть с земли европейское еврейство». В подтверждение цитируется радиоречь Геббельса: «Наша цель – уничтожить евреев. Победим ли мы или будем побеждены – мы должны достичь нашей цели, и мы ее достигнем». Как нам теперь известно, Геббельс озвучивает решение состоявшейся в январе 1942 года Ванзейской конференции, на которой нацистским руководством был принят рабочий план

⁶² Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 277-277, 350-351.

⁶³ Манн Т. О нюрнбергских процессах / Там же. С. 317-318, 355.

⁶⁴ Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 275-277.

⁶⁵ Манн Т. Опасности, грозящие демократии / Там же. С. 271-273, 348.

«окончательного решения еврейского вопроса». План приводился в действие, и Томас Манн, опираясь на данные польского правительства в изгнании, оповещает своих слушателей, что только «в Варшавском гетто гестапо замучило до смерти семьсот тысяч евреев, из одного только Минска – семьдесят тысяч. Знаете ли вы об этом, немцы?». Немцы и весь мир должны были также знать, что «тысячи евреев из Франции отправляются в товарных вагонах на Восток ..., что есть точный отчет о том, что не менее 11 тысяч польских евреев в течение четверти часа были превращены в трупы»⁶⁶.

Откуда эти цифры у польского правительства в изгнании? Теперь известно, что такие данные поставлял польский офицер Витольд Пилецкий, добровольно заточивший себя в Освенцим и бежавший оттуда в апреле 1943 года. Польское правительство пересылало эту полученную ценой смертельного риска информацию правительству Великобритании. В 1945 году Пилецкий представил полный отчет об Освенциме. Отчет был опубликован через 55 лет в 2000 !!! году. Польская «народная демократия» расстреляла Пилецкого в 1947 году. Сейчас он признан одним из выдающихся героев Второй мировой войны. Другой офицер Армии Крайовой Ян Карский, намеренно попавший в Варшавское и в другие гетто, откуда евреев отправляли в лагеря смерти, побывав и в самом таком лагере, одолев неодолимое, добрался до Лондона. Его отчет о планомерном уничтожении евреев был направлен правительству Великобритании. Весной 1943 года Карскому удается прорваться к Рузвельту. Президент и его окружение предпочитают не верить «таким ужасам». Карский вместе со своим отчетом представил обращенную к правительствам Декларацию еврейских лидеров, в которой предлагалось объявить нацистам, что в ответ на акции уничтожения евреев будет подвергаться бомбардировкам население Германии. Черчилль зачитал Декларацию в парламенте. Дальше общего возмущения и сочувствия дело не пошло. Резон – почему только на еврейские акции? Как к этому отнесутся русские и другие народы, бывшие под оккупацией? Как бы отвечая на этот резон, Томас Манн писал: «Другие народы также испытали на себе безжалостность нацистов... Но только евреи были приговорены к истреблению»⁶⁷.

Голос Томаса Манна не был голосом из хора. Он нарушал вполне злонамеренное замалчивание. Летом того же 1943 года Томас Манн доводит до сведения цивилизованного мира, что число погибших, уже исчисляемое миллионами, «поскольку эти страшные акции проводятся во все больших размерах», продолжает возрастать. «Из них более всего евреев из Восточной Европы, то есть тех людей, кого изобретатели германской расы господ считают вредными насекомыми и потому заявляют, что призваны очистить от них землю. В действительности же восточноевропейское еврейство – резервуар культурных сил и почва, на которой выросли гении и таланты, обогатившие западную науку и искусство». И Томас

⁶⁶ Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 412-414.

⁶⁷ Упорный народ / Там же. С. 425-428.

Манн обращается к окружавшим его столпам демократии: «... мы, которые хвастливо считаем себя борцами за гуманизм и человеческое достоинство, должны спросить себя, делаем ли мы хотя бы все, что в нашей власти, чтобы смягчить неопишуемые страдания, которые обесценивают всякий гуманизм»⁶⁸. Писатель напоминает о корабле с еврейскими беженцами, «который в 1939 году как призрак блуждал по морям, и ни один порт его не принимал, пока наконец эмигрантов не приютили маленькие страны, Голландия и Бельгия. *Мир в лености сердца своего разрешил Гитлеру насмехаться над этим*» (курсив мой – Л.Д.)⁶⁹.

Томас Манн говорит о корабле «Сант Луис» с 930 еврейскими беженцами на борту. Полгода спустя после «хрустальной ночи», в мае 1939 года он взял курс на Кубу. По прибытии оказалось, что все визы пассажиров аннулированы и в Кубу им въезд запрещен. Корабль простоял на рейде несколько дней, в течение которых шли переговоры о разрешении на въезд с правительством США и других стран. Отказ был повсеместным. Правительство Кубы потребовало немедленного отплытия корабля, в противном случае он будет атакован силами военного флота. В июне корабль с истощенными и отчаявшимися людьми вернулся к берегам Европы. Капитан Густав Шредер приложил невероятные усилия, чтобы хоть часть его пассажиров взяли европейские страны. Англия приняла 287 человек. Франция – 224, 214 – Бельгия, 151 – Голландия. Спаслись принятые Англией, остальные разделили судьбу евреев оккупированных нацистами стран.

Томас Манн задается вопросом: «Почему евреям не было предоставлено убежище, когда еще было на это время, в странах, где было достаточно места и где могли пригодиться рабочие руки, хотя бы временное убежище, без обязательства оставить их там навсегда?»⁷⁰. Причина ему известна. «... Кровавая расправа с евреями вызывает всеобщее одобрение, в лучшем случае наталкивается на равнодушие», – признается он в дневнике⁷¹. Других же он убеждает: «Но и сегодня (1943 год) еще не поздно. Иммиграционные законы в крупных демократических государствах установлены для нормального времени... С бюрократическим равнодушием придерживаться их в сегодняшних условиях..., – разъяснял истинный смысл злокачественного бездействия «демократов» Т. Манн, – значит показать фашистским врагам ахиллесову пяту вместо того, чтобы, изменив на время эти законы, доказать, что война действительно ведется во имя гуманности и человеческого достоинства»⁷².

Похоже, подобные соображения вообще не приходили в головы руководителей демократических государств, прибывших на конференцию в Эвиан (Франция) в июле 1938 года. Конференция, на которую прибыли представители 32 государств, была созвана по инициативе Рузвельта и посвящалась одному вопросу –

⁶⁸ Гибель евреев Европы / Там же. С. 417-419.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Манн Т. Из дневников / Там же. С. 415.

⁷² Манн Т. Гибель евреев Европы / Сб. С. 418-419.

о предоставлении убежища политическим беженцам. Речь, прежде всего, шла о евреях, положение которых резко ухудшилось после оккупации Австрии (аншлюс) нацистами в марте 1938 года. Конференция длилась почти две недели (5-16 июля), успели выступить представители многих стран трех континентов – Европы, Америки, Австралии. В результате были приняты решения, которые продемонстрировали, что НИ ОДНА СТРАНА В МИРЕ не хочет впускать евреев. Понятно, такие решения окончательно развязали Гитлеру руки. Об этом и пишет Т. Манн, вероятно, имея в виду Эвианскую конференцию: «Гитлер бросил вызов миру: "Если вы такие гуманисты, почему же вы не принимаете евреев? Но вы не готовы это сделать, ни одна страна не готова"»⁷³.

Многие трактуют, и не без основания, БЕЗ-действие свободного мира как его СО-действие Гитлеру. Во всяком случае, спустя всего четыре месяца после Эвиана, в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года в Германии прошли ужасающие погромы, известные как «Хрустальная ночь». Началось повальное бегство евреев из подвластных Гитлеру территорий. Но бежать было некуда – корабль «Сант Луис» и другие подобные истории тому доказательство.

Отступничество «демократов» показало, что истинные цели войны – сохранение человека и человечности, то есть гуманизм, требуют своего дальнейшего разъяснения. И Томас Манн перемещает бой на другое поле – поле цивилизационного противостояния, на СВОЕ поле. Более адекватным борьбе на этом поле является искусство. И он присоединяет к «писательству» – к прямым своим воззваниям и обращениям – «музицирование». Манн принимает предложение на участие в сборнике, каждый из десяти авторов которого художественно интерпретировал одну из Заповедей Декалога применительно к событиям того времени. Манн написал предисловие к сборнику, оно было названо «Закон».

Закон гуманности – это Декалог, полученный Моисеем на горе Синай. Рассказ о даровании Торы и законодательстве, которое, писал Т. Манн, «я представляю как некий микеланджеловский труд скульптора над необработанной глыбой – народом»⁷⁴. Рассказ этот был закончен 13 марта 1943 года одновременно с завершением цикла романов об Иосифе. Отвечая на письмо израильского писателя и теолога Шалом Бен-Хорина, Томас Манн разъяснял: «...специфически-еврейское не было в моем сознании на первом плане... Важна была для меня идея цивилизации, человеческой нравственности, символ которых – десять слов Закона, полученного с горы Синай». Это письмо составители сборника *Томас Манн о немцах и евреях* получили из рук адресата, но его письма к Т. Манну у него не сохранилось. В своем письме Томас Манн благодарит израильского ученого за «трогательную, приведшую меня в смущение статью ко дню рождения, которая в человеческом и литературном отношении принадлежит к лучшему из дружеских одобрений моей жизни, полученных за эти недели». Далее он пишет:

⁷³ Там же.

⁷⁴ Письмо к А. Мейер / Там же. С. 428-429.

«... Как хорошо я понимаю, что у Вас внутренне есть возражение по поводу тона, в котором я позволил себе рассказать историю Моисея. Туда вторгся, неожиданно для меня самого, вольтеровский элемент, которого еще нет в книгах об Иосифе, хотя и они – нечто вроде юмористической песни о человечестве. Не случайно я перечитывал "Кандида", когда писал "Закон", что, учитывая традиционную еврейскую чувствительность, может произвести плохое впечатление». И он повторяет: «Но специфически еврейское не было в моем сознании на первом плане, точно также, как "Моисей" внешне совершенно не похож на еврея, скорее он выглядит как Микеланджело (не как его "Моисей", а как он сам)»⁷⁵.

Томас Манн придавал большое значение сборнику о «Декалоге». В радиоречи о публикации он говорил, что все его авторы показывают «кошунственное осквернение, которому подвергся основной закон человеческой порядочности со стороны сил, против которых после долгого промедления поднялся с оружием мир, еще приверженный религии и гуманности. Другими словами, в книге речь идет о войне и о том, во имя чего она ведется»⁷⁶.

Естественно, что каждый из народов, вовлеченных в бойню, сражался в первую очередь за свое сохранение и свою свободу. В этой борьбе участвовали и более полутора миллиона евреев, воевавших в составе союзнических армий, и только часть из них думала о спасении евреев как народа.

Томас Манн считает своим долгом показать, что кроме ясной для каждого цели – защиты себя и своего народа, война ведется и во имя общих целей. Именно потому, что целеустремленное истребление еврейства – и по замыслу, и по исполнению, и по результатам – означало крах духовных устоев цивилизованного человечества, защиту и спасение евреев оно должно было осознать как одну из своих общих задач, как задачу общечеловеческую.

Должное, однако, снова – и в разгар Катастрофы, и в послевоенном мире – продолжало далеко отстоять от сущего.

4. Западные державы и их отношение к евреям в послевоенном мире

Война еще не кончилась, но Томас Манн выражал сомнение в способности Организации Объединенных Наций создать после войны лучшее, достойное человека общество, если ООН «окажется виновной в несправедливости и в измене достойному уважению людскому племени, которое под властью общего врага, его презренной одержимости творить зло, с самого начала испытывало страшнейшие страдания»⁷⁷.

Статья «О Белой книге» была написана в 1944 году. «Белая книга» – так назывался отчет британского правительства парламенту о деятельности в подмандат-

⁷⁵ Манн Т. Письмо Ш. Бен-Хорину / Там же. С. 431. В сборнике письмо публикуется впервые и сразу на русском языке в переводе Е. Фрадкиной.

⁷⁶ Манн Т. Немецкие слушатели / Там же. С. 415-416.

⁷⁷ Манн Т. О белой книге / Там же. С. 419-424, 446.

ной Палестине. С 1922 по 1939 гг. было выпущено шесть «Белых книг». Последняя, 1939 года, резко ограничивала еврейскую иммиграцию, а по истечению пяти лет, то есть с марта 1944 года, въезд евреям должен был быть запрещен, «если арабы будут возражать против иммиграции». «Английская "Белая книга" от мая 1939 года, – писал Т. Манн, – превращает обещанный в 1917 году Национальный очаг в Палестине в ограниченное сроком убежище и тем самым уничтожает его смысл и ценность». Что касается арабов, то они «более всего выиграли от созданных там евреями новых промышленных, сельскохозяйственных, агрокультурных, гигиенических предприятий, их численность увеличилась вдвое. ... А если арабы другого мнения, то в их распоряжении территория, в сто раз большая, чем Палестина». Исходя из всего этого, Томас Манн настаивал на отмене английской «Белой книги» и обращался к правительству Соединенных Штатов с просьбой «подтвердить свою постоянную заинтересованность в мандате на Палестину и в развитии Еврейского Национального Дома ... В отношении к еврейству держав, обладающих правом решать, можно усматривать своего рода пробный камень – честно ли они воевали, по праву ли победили, действительно ли представляли лучшую часть человечества против худшей, дано ли им выиграть мир»⁷⁸. Надежду на настоящий мир, основанный на справедливости и человеческом достоинстве, Томас Манн связывает с решением еврейского вопроса, «который, конечно, не есть единственная проблема нашего времени, но он ... может считаться пробным камнем нашей цивилизации и ее желания служить Добру»⁷⁹. «Пробный камень» сработал не в пользу нашей цивилизации. Иммиграция евреев в Палестину пресекалась со все большей жестокостью. А в Европе, констатировал Т. Манн, «ядовитые семена, посеянные Гитлером, глубоко запали в сбитые с толку европейские умы». Антисемитизм, который, казалось бы, должен быть отвергнут всем миром, продолжает существовать, и народ, обреченный принести самые страшные жертвы, «вынужден еще и сегодня вести в Европе жизнь парий и терпеть тяжелейшую нужду»⁸⁰.

Народ, оказавшийся в очередной раз в роли парий, точнее, часть его уцелевшей части, с полной определенностью заявила о своем решении самим и на своей земле распоряжаться своей судьбой. Это стремление, как можно видеть по цитированной выше статье «О "Белой книге"», встретило полную поддержку Томаса Манна.

5. «Самый упорный народ на земле, он есть, он был, он будет...»

Евреи, понесшие самые страшные потери, воспринимались большинством как пассивная масса, покорно шествующая на казнь. На самом же деле какие евреи

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Манн Т. Спасите евреев Европы / Там же. С. 432.

⁸⁰ Там же.

«добровольно» собирались в «массы» (говорили нередко «в стадо, как овцы»), далее гонимые на «коллективную плаху» (Василий Гроссман, «Треблинский ад»)? В подавляющем большинстве это были женщины, старики, дети, были и мужчины, обманутые нацистскими грозными приказами о переселении, за невыполнение которых – расстрел. Но и в среде этих обреченных зрело сопротивление. Сейчас известны многочисленные восстания в гетто и совсем уже невысказанные – в лагерях смерти Собиборе, Треблинке и Освенциме. В результате два крупнейших центра уничтожения евреев – Собибор и Треблинка – перестали существовать. «Да не в конце войны, а из под немцев, налитых еще полной силой – в 1943 году», – пишет историк Катастрофы Анатолий Кардаш⁸¹. В том же 1943 году было не одно обращение к союзникам с просьбой разбомбить хотя бы подъездные пути к фабрикам смерти, но, как известно, они продолжали функционировать на полную мощность почти до самого конца войны, вплоть до их освобождения Красной и армиями союзников.

И только благодаря невысказанному в таких лагерях восстанию самих евреев исполнение «окончательного решения» в двух из них было пресечено. Эти восстания, как и восстание в Варшавском гетто, нельзя расценивать как «бои местного значения». Уничтожение лагерей смерти – это удар по нацизму как таковому, по его целям, по его главным для него планам – планам тотального уничтожения всего еврейского народа с предварительным низведением умиротворяемых людей до животного состояния. Сопротивление евреев, их героизм доказывали их человекостойкость. И недаром мемориал Катастрофы в Иерусалиме Яд ва Шем называется музеем памяти и ГЕРОИЗМА. Но введенный Европарламентом «Международный день памяти жертв Холокоста» называется, как мы видим, иначе. Он отмечается 27 января ежегодно, начиная с 2005 года, в ознаменование годовщины освобождения Освенцима Красной Армией. Полком, первым вошедшим в лагерь смерти, командовал полковник Григорий Давидович Иерусалимский, один из полумиллиона евреев, воевавших в Красной Армии. День памяти Катастрофы в Израиле, кроме Международного, особо отмечается в апреле, он приурочен к началу восстания в Варшавском гетто. Возникает вопрос: не пора ли и на международном уровне перестать культивировать стереотип евреев лишь как беспомощных жертв? (Правильнее – оставленных без помощи жертв механизированной системы уничтожения целого народа.) В общей борьбе с нацизмом евреи были полноценными ее участниками, действенными и результативными партнерами других народов везде – в воюющих армиях (полтора миллиона), в партизанских отрядах, в подполье, в движениях сопротивления и, наконец, самостоятельно в восстаниях в гетто и лагерях смерти.

⁸¹ Аб Мише (А. Кардаш) Преображения еврея. Тель-Авив, 2013. С. 132. В этой книге, посвященной многообразию борьбы евреев с нацизмом, Кардаш пишет о руководителе восстания в Собиборе Александре Печерском – он был у него в Ростове в 1983 году – и с его слов о самом восстании евреев.

Думаю, Томас Манн одобрил бы день памяти Катастрофы, как его принято отмечать в Израиле. Еще в годы войны ему стало известно о восстании в Варшавском гетто. Томас Манн высоко оценил героизм его организаторов и участников. Выступая весной 1944 года на выставке документов, приуроченной к памяtnому дню – 19 апреля 1943 года, годовщине «незабываемого героического восстания евреев Варшавского гетто против их мучителей», – Манн выражает уверенность, в том, что «еврейскому духу и его освященному религией пониманию действительности уготована еще важная роль при созидании социального мира, черты которого постепенно начинают обозначаться»⁸². В том же 1944 году, в сборнике, посвященном семидесятилетию Хаима Вейцмана – «естествоиспытателя высочайшего ранга ..., мудрого и влиятельного руководителя еврейского народа», проявившего такое воодушевление и такой характер, что его «можно считать звеном в неразрывной цепи – от Амоса до Иезекиля», – Томас Манн называет евреев древним, талантливym и необходимым миру народом. «Нет равного еврейскому народу, – пишет он, – в самостоятельности, твердости, храбрости ... Он самый упорный народ на земле, он есть, он был, он будет...»⁸³.

Томас Манн – и это очевидно – не ограничивает вклад евреев в мировую культуру их духовным творчеством в древности. Ему абсолютно чуждо отношение к евреям как к историческому реликту, представление о том, что их живая история давно исчерпалась. Представление, которое на протяжении двух тысячелетий культивировалось христианской церковью и которое нашло также поддержку у некоторых ученых – так, например, считал французский историк раннего христианства Эрнест Ренан. Еще в довоенном 1937 году Т. Манн говорил о принципиально важном участии еврейской части населения Германии в немецкой культуре, и более того, – о «важности, необходимости существования еврейского духа для современности и для будущего нашего континента».

Мир нуждался тогда и нуждается теперь «в еврейской нации и ее своеобразии так же, как он нуждается для своего существования и прогресса во всяком другом варианте и оттенке человеческого и национального характера». Стойкость еврейского народа, его «живое внимание к новому, несущему в себе будущее, окажутся необходимыми и обязательными во все грядущие времена».

⁸² Манн Т. Еврейскому рабочему комитету / Там же. С. 428.

⁸³ Манн. Упорный народ. С. 425-427.

Глава IV. Евреи в жизни и в творчестве Томаса Манна

Евреи гетто, их будущее – европеизация

Столь высокие оценки духа еврейского народа и его вклада в историю, бескомпромиссное «нет» антисемитизму отнюдь не означали манновского «да» всем и всякого рода евреям. Томасу Манну чуждо абсолютное, легко переходящее в свою противоположность юдофильство, когда о евреях, как о покойниках, говорят хорошо или никак. «Нет», как «и да, и нет» могло относиться к современным евреям, которых писатель хоть и считал потомками их древних праотцов, но относился к ним иначе, чем к евреям библейских времен. Различие в оценках древнего и современного еврейства – явление довольно распространенное, прежде всего в определенных сионистских кругах, но не только. Сионисты (не все) стремились радикально порвать с еврейским бытием в диаспоре и прежде всего с жизнью и жителями гетто. И Томас Манн тоже различает евреев гетто и современных ему европеизированных немецких евреев. Но, в отличие от сионистов, в начале века, в статье 1907 года он видит решение еврейского вопроса не в репатриации в Палестину, а в европеизации. Даже не столько в ассимиляции, подчеркивает он, «сколько в *европеизации*», ибо именно она, «равнозначна облагораживанию, достижению более высокого положения в обществе расы, несомненно, выродившейся и обнищавшей в условиях гетто, в возвращении к возвышенному и облагороженному типу еврея...» (Курсив Т. Манна). (Во время написания статьи понятие "раса" часто употреблялось наряду и вместо понятий «нация», «народ») ⁸⁴.

Хотя в этой статье Т. Манн говорит о себе: «я убежденный и непоколебимый "филосемит"» (беря, впрочем, это понятие в кавычки), его отношение к «евреям гетто» явно отличается от отношения к европеизированным евреям. «Две тысячи лет позорной замкнутости» привели к появлению такого типа еврея, который порождает представление о нем «как о существе горестном и одновременно беззастенчивом, чужеродном и нечистоплотном... физически антипатичном». Но за последние сто лет среди экономически процветающего еврейства все больше появляется молодых людей, «с детства приученных к английскому спорту, выросших в условиях во всех отношениях благоприятных, таких стройных и привлекательных, что каждой милой немецкой девушке или каждому юноше должна показаться вполне приемлемой мысль о смешанных браках» ⁸⁵.

⁸⁴ Манн Т. О решении еврейского вопроса. Там же. С. 361.

⁸⁵ Там же. С. 361, 362.

Новелла «Кровь Вельзунгов» и ее роль в жизни и формировании убеждений Томаса Манна

Томас Манн и есть тот самый немецкий юноша, для которого, впрочем, не просто была приемлема мысль о смешанном браке, а который почти год добивался согласия еврейской девушки на этот брак. После долгого периода неопределенности, для него и тягостного, и, возможно, его уязвляющего, Томас Манн женился на очаровательной Кате Прингсхайм, дочери крупного ученого, профессора математики Альфреда Прингсхайма, очень богатого человека, владельца музейной ценности и красоты дома, собирателя ценнейших коллекций произведений искусства, одного из основателей вагнеровских фестивалей в Байрейте. Мать Кати – дочь писательницы Хедвиг Дом, сама не чуждая литературных интересов, в описании зятя, «красавица в ленбаховском вкусе». Брат-близнец Кати Клаус – музыкант, старший брат – ученый. Сама она была первой девушкой, допущенной в Мюнхенский университет для изучения математики. Как можно видеть, все в доме и семействе Прингсхаймов вполне соответствовало манновскому представлению о европеизированных евреях.

Но... спустя всего несколько месяцев после свадьбы, состоявшейся в феврале 1905 года, счастливый брак мог развалиться. Виной тому была новелла «Кровь Вельзунгов», подготовленная к печати в январском номере 1906 года в журнале *Нойе Рундшау*. Писалась она по следам томительного ожидания решения Кати, и не исключено, что некоторые из переживаний того времени отразились в пародийности фабулы новеллы и в обрисовке ее персонажей. Сам автор назвал ее в письме брату Генриху от 28 февраля 1905 года «историей на еврейскую тему»⁸⁶.

Герои новеллы – члены богатой еврейской семьи Ааренхольдов. По составу она такая же, как и семья Прингсхаймов, однако все ее персонажи, как будто имевшие своих прототипов в семье Прингсхаймов, были абсолютно на них не похожи. Но сам дом-музей Ааренхольда и своей архитектурой, и своим изысканным убранством, и наличием художественных коллекций был почти копией дома Прингсхаймов. Это подобие, так же как некоторые общие черты семейной истории герра Ааренхольда и профессора Прингсхайма, детальнейшим образом описаны в статьях Евгения Берковича, одного из самых основательных исследователей еврейской темы в творчестве Томаса Манна, в частности, в новелле «Кровь Вельзунгов». Д-р Беркович (моя дискуссия с ним длится не первый год) утверждает, что «Кровь Вельзунгов», как и другие ранние новеллы Томаса Манна, демонстрирует «двуликость Волшебника», его антисемитизм, который, считает он, сохранялся на протяжении всей жизни писателя⁸⁷. Оказалось, что это мнение разделяется и многими другими, также, как и Е. Беркович, не понимающими то-

⁸⁶ Цит. по статье Берковича Е. Томас Манн глазами математика // Семь искусств. 2015. № 12(69).

⁸⁷ Беркович Е. Двуликий волшебник // Еврейская старина. 2017. № 4.

го, что отличает тотальный идеологический антисемитизм, нацеливающий на уничтожение евреев как народа, от эмоционального неприятия евреев, подпитываемого порой негативными еврейскими стереотипами. С тотальным антисемитизмом, как было показано выше, Томас Манн боролся с первых его проявлений. В ранних же новеллах образы еврейских персонажей действительно включали черты негативных стереотипов, но «Кровь Вельзунгов», написанная в 1905 году, была последней в этом ряду.

Теперь к самой новелле. События, происходящие в доме Ааренхольдов, в чем-то подобны тому, что происходило в доме Прингсхаймов. Заканчивается время помолвки дочери Ааренхольда Зиглинды и близится день ее свадьбы с фон Бекератом – чиновником «из хорошей немецкой семьи». Единственный немец среди действующих лиц, он не менее пародиен, чем еврейские персонажи. «Маленький, желтый, как канарейка, с остренькой бородкой и усердно учтивый» он явно нелюб невесте, и вместе с братом-близнецом Зигфридом она откровенно потешается над ним во время изысканной семейной трапезы. Зигфрид просит у незадачливого жениха разрешения пойти вдвоем с сестрой в оперу – дают «Валькирию» Вагнера. Близнецы после спектакля возвращаются в свой нагретый горящим камином будуар, и здесь, на расстеленной перед камином медвежьей шкуре происходит инцест. После чего возникает вопрос: «а как же Бекерат?». Были два варианта концовки, подробно рассмотренные Е. Берковичем во всех изданиях новеллы. Первый вариант авторский – Манн специально консультировался у тещи, как на идише сказать «обмануть», «обворовать». Получив ответ, он, неправильно используя глагол на идише, завершает новеллу так: он «обманут» или, точнее, «обворован» – «Беганефт мы его – гоя!». Редактор журнала доктор Оскар Би запротестовал против такой концовки как «оскарбляющей чувство стиля». В результате появился второй вариант: «Ну, он должен быть нам благодарен. Теперь у него жизнь будет менее тривиальной».

Доктор Би к своему обоснованному аргументу мог бы добавить еще один. Авторская концовка не только не соответствовала стилю всего рассказа, но и нарушала цельность образов близнецов. Вряд ли они знали идиш и тем паче использовали его. Как пишет Т. Манн, «они презирали отца за происхождение, за кровь, что текла в его жилах и которую они от него унаследовали, за способ, каким он достиг богатства, за его пристрастия, которые ему не подошли ... Он знал это и считал их в какой-то мере правыми: он не был свободен от чувства вины перед ними»⁸⁸. При таком национальном самопрезрении, которое, кстати, претило самому Манну, кто бы стал обучать детей идишу?! Языку гетто, где по признанию самого Ааренхольда, он ощущал себя «червяком, вошью, но именно способность ощущать это так глубоко и презирать себя стала причиной упорного и никогда не

⁸⁸ Манн Т. Кровь Вельзунгов // Зеркало. Тель Авив. 1995. № 124, май. С. 45. Перевод Е. Фрадкиной.

удовлетворенного стремления, которое сделало его большим человеком»⁸⁹. И такой еврей стал бы обучать своих детей языку гетто, то есть как бы возвращать их в свое жалкое исходное состояние? Это бы никак не соответствовало реальности – известно, что в семьях, устремленных к ассимиляции, родители, знавшие идиш, при детях на нем говорили в тех редких случаях, когда что-то нужно было от них скрыть.

Герр Ааренхольд принадлежит к первому поколению евреев, вышедших из гетто, то есть он принадлежит к тем восточным евреям, которых Т. Манн противопоставлял европеизированным немецким. Богатство профессора Прингсхайма досталось ему в наследство от деда, тоже выходца из восточных евреев, который нажил свое огромное состояние путем, похожим на путь герра Ааренхольда, то есть, как сказано в новелле, «благодаря смелым и умным операциям, великолепным махинациям с рудниками и разведкой каменного угля»⁹⁰. На том подобие семейных историй литературного персонажа и ошибочно считавшегося его прототипом профессора Прингсхайма исчерпываются. Подобие Ааренхольда тестю Манна исключено еще и потому, что никакого национального отступничества, тем более национального самопрезрения у такой самодостаточной личности как Альфред Прингсхайм не было и быть не могло. Он категорически отказался креститься, хотя было хорошо известно, насколько такой шаг способствовал бы укреплению профессионального статуса еврея ученого. И у других персонажей новеллы с членами семейства Прингсхаймов никакого подобия не наблюдается. Также как единственный немец в новелле, жених Зигмунды, не мог быть хоть в чем-то похож на жениха, а потом многолетнего спутника жизни Кати Прингсхайм. Так что слухи о том, что Томас Манн карикатурно изобразил семейство своей невесты, а потом жены, были лишены основания.

Первый перевод новеллы «Кровь Вельзунгов» на русский язык был сделан светлой памяти Евгенией Семеновной Фрадкиной, превосходным германистом, моей коллегой по составлению сборника публицистики Томаса Манна, названного нами *Томас Манн о немцах и евреях*. Перевод публиковался в 1995 году в израильском журнале *Зеркало* (№ 124) с вторым вариантом концовки и в сопровождении статьи Е. Фрадкиной «Человеческий материал», в которой было показано, как Томас Манн решает проблему связи, соотношения прототипа и художественного образа, в чем необоснованность претензий «прототипов» к писателю.

Отношение Томаса Манна к евреям было темой остро дискуссионной, и после одного диспута в Еврейском университете нам стало ясно, что необходим не только перевод новеллы, но и подробный комментарий к ней. Один из докладчиков рассуждал об антисемитизме Томаса Манна, основываясь в первую очередь на новелле, но и приводя примеры негативных образов евреев из других произведений писателя. Он даже назвал чуть ли не позорным решение посвятить одну

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

из роцц возле Хайфы памяти Томаса Манна. При этом, говоря об антисемитизме Томаса Манна, докладчик основывался лишь на характеристике негативных персонажей в художественных произведениях писателя, не касаясь концептуального контекста этих произведений, и применял обобщенное понятие «антисемитизм», не делая различий между идеологическим антисемитизмом и эмоциональным, нередко определяемым негативными стереотипами неприятия тех или иных евреев. При этом полностью игнорировалась борьба Томаса Манна именно с идеологическим антисемитизмом, прежде всего с тотальным нацистским, нацеленным на уничтожение евреев как народа.

А сейчас снова о новелле. Ее, как и все произведения Томаса Манна, нельзя рассматривать вне тех концепций, которые в то или иное время были в центре размышлений писателя. Декаданс как особенность эпохи – вот что концептуально объединяет «Будденброки» и «Кровь Вельзунгов». Но декаданс разных, хотя и сосуществующих, и сопряженных друг с другом миров. И декаданс еврейской семьи, сами его стадии – от дееспособности отца к сибаритству и вседозволенности детей (инцест) – существенно отличаются от стадий декаданса немецкой семьи. И отношение к ним писателя тоже совершенно иное: в немецком варианте – это печаль, глубокое сопереживание, в еврейском – акцент на его неэстетичности, но главное – это его пародийность по отношению к истинно трагичному немецкому. Вторичность всего еврейского, прежде всего в творчестве, – один из основных мотивов антисемитской брошюры Вагнера *Еврейство в музыке*. Близнецы Зигмунд и Зиглинда (так звали и близнецов, персонажей оперы Вагнера «Валькирия») отправляются слушать эту оперу перед пародийным воспроизведением ее либретто. Вместо урагана в лесу – будуар с натопленным камином, вместо звериной шкуры – одеяния оперного Зигфрида – медвежья шкура перед камином, вместо стихийной и неподдельной страсти вагнеровских близнецов – безвольный инцест манновских.

Так на кого же пародия у Томаса Манна? Как и у Вагнера, евреи вторичны по отношению к немецким реалиям, именно их они пародируют. Это общее с Вагнером, но гораздо важнее то, что их разделяет принципиально. Вагнер от вторичности евреев в музыке переходит к еврейству как таковому и, «доказывая» его вредоносность, призывает к борьбе с ним на уничтожение. У Томаса Манна негативизация образов евреев строится на его импульсивном, эмоциональном неприятии того, что ему неприятно в них. В новелле это относится к выходцам из гетто, знакомым ему, скорее всего, понаслышке, образы которых включали в себя и расхожие негативные стереотипы, вероятно, в чем-то соответствующие его эмоциям. Пародийное противопоставление изнеженности еврейских близнецов «истинным» страстям немецких, к тому же изображенных Манном в не менее пародийном ключе в спектакле, вряд ли тянет на противопоставление двух народов. И манновское обобщение, в отличие от вагнеровского, относится лишь к евреям гетто, противопоставляемым не немцам и всему человечеству, а европеизированным, хорошо знакомым Манну немецким евреям, с одной из семей

которых он породнился. Но и у евреев гетто есть будущее – оно в европеизации. Однако в новелле она выглядит пародийно и, главное, приравнивается декадансу. У евреев Европы, особенно Восточной, большинство которых все еще пребывало в гетто, нет будущего? Таким ли было кредо автора?

Возможно, до и при написании новеллы оно еще не сформировалось. Возможно, его заставил задуматься скандал, разразившийся в связи с ней. Так или иначе свое кредо, ставшее его КОНСТАНТОЙ в отношении к еврейству, Томас Манн изложил в уже цитированной статье «О решении еврейского вопроса». Она была написана в 1907 году, то есть по следам разразившегося и связанного с новеллой скандала. Именно тогда пошли слухи об антисемитизме ее автора, якобы избравшего объектом своей сатиры семью евреев Прингсхаймов. Возможно, поэтому Томас Манн посчитал своевременным заявить о своем понимании вопроса, который «вызывает у него жгучий интерес». Именно здесь он заявляет: «... я убежденный и непоколебимый "филосемит" и абсолютно уверен, что такой исход, о котором мечтают бескомпромиссные сионисты, означал бы, пожалуй, самое большое несчастье, которое могло бы постичь нашу Европу. Оспаривать еще сегодня необходимость этого незаменимого в Европе культурного стимула – имя ему еврейство – да к тому же в Германии, которая в нем так остро нуждается, дискутировать об этом, придавая дискуссии недоброжелательный, враждебный смысл, я считаю такой бесцеремонностью и бесвкусицей, что не чувствую себя подходящим для роли ее участника и не собираюсь в нее вступать»⁹¹.

Тем не менее, Т. Манн в эту дискуссию вступил. Ее начало связывают с появлением статьи весьма известного преподавателя истории берлинского университета профессора Генриха фон Трейчке. Статья появилась в ноябре 1879 года под названием «Наши перспективы». В ней автор «научно» доказывал несовместимость «людей восточного происхождения и культуры» – евреев – с европейцами и прежде всего с немцами. Тезис из этой статьи «Евреи – это наше несчастье» стал лозунгом антисемитов в Германии и не только там. Дискуссия, вызванная публикациями Трейчке и других дипломированных антисемитов, предшествовала дискуссии во Франции, связанной с делом Дрейфуса. В берлинском заявлении за подписью 75 человек решительно осуждался антисемитизм Трейчке и иже с ним. «Неожиданно и глубоко постыдным образом в различных местах империи, в частности, в больших городах, вновь возбуждается средневековый фанатизм и расовая ненависть, направленные против наших еврейских сограждан»⁹². Леонид Люкс, анализирующий немецкую дискуссию, считает, что это обращение предшествовало написанному в 1898 году письму Эмиля Золя "Я обвиняю", также, как и вся дискуссия предваряла спор дрейфусаров с антидрейфусарами. Среди 75

⁹¹ Манн Т. О решении еврейского вопроса / Сб. С. 359.

⁹² Цит. по Люкс Л. Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма / Исторические исследования. Книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Т. 1. Айхштетт, 2014. С. 19.

подписавших обращение, опубликованное в ноябре 1880 года, были и знаменитые коллеги Трейчке – Теодор Моммзен, Иоган Дрейзен, Рудольф Фирхоф, Рудольф фон Гнайст.

Томас Манн, полагаю, знал об этой дискуссии и других, подобных ей. Чью сторону он занимал? С апреля 1895 по декабрь 1896 года он вместе с братом Генрихом работал в журнале *Двадцатый век*. Журнал был явно антисемитский, и Генрих, тогда главный редактор, и своими публикациями, и подбором публикуемых материалов фактически определял его позиции. Томас, по свидетельствам, придерживался более умеренных взглядов, но само его участие в работе такого журнала было достаточно красноречивым. Но относились ли взгляды двадцатилетнего Манна, пользуясь его же понятиями, к «мнениям» или к «убеждениям»? Судя по всему, его дальнейшему творчеству, впервые он выразил свои убеждения (не исключено, что они кристаллизовались во время семейного кризиса, связанного с «еврейской» новеллой,) в статье «О решении еврейского вопроса». Как бы возражая против основополагающего тезиса немецкого идеологического антисемитизма «Евреи – наше несчастье», нацеленного не на отдельных евреев, а на народ как таковой, он пишет о будущем еврейства – оно в его европеизации, которая началась «всего сто лет назад» и охватывает максимум три поколения. Но этот процесс нельзя рассматривать в изоляции, ибо «еврейский вопрос – это вопрос общего развития культуры. Мы не решим его, не сможем ответить на него, если будем рассматривать его как отдельный вопрос. Мы работаем над его разрешением, служа, каждый по-своему, цивилизации»⁹³. Видимо понимая антисемитизм как негативное отношение ко всему и всякому еврейству, Манн удивлялся обвинениям его в антисемитизме, появившимся в связи с новеллой. В письме Генриху от 17 января 1906 года он пишет: «Вернувшись из декабрьской поездки, я застал здесь слух, будто я написал какую-то резко "антисемитскую новеллу"». Правда, тут же он самокритично добавляет, что она «не очень-то способна поддаться этому слуху». Именно по этой причине Томас Манн возражал против включения «еврейской новеллы» в ряд последующих изданий его работ.

3. Хаим Брейзахер в контексте романа «Доктор Фаустус». Кто они – «пораженцы рода человеческого»?

Толки об антисемитизме писателя шли и в связи с появлением негативных еврейских персонажей в других его произведениях. Были ли для этого основания? Важно, по-моему, помнить, что Манну было чуждо всепринятие всего и всякого в современных ему евреях. «Евреи слишком разные, чтобы я мог назвать себя филосемитом», – писал Томас Манн в 1936 году⁹⁴.

⁹³ Манн Т. О решении еврейского вопроса / Сб. С. 363.

⁹⁴ Манн Т. Почему еврейскому народу не надо отчаиваться / Там же. С. 385.

Человек, глубоко приверженный своей национальной культуре, «страдавший Германией», но никогда не отрекавшийся от нее, Томас Манн не понимал стремления некоторых евреев бежать от собственного «я», не любил «гениев с подавленными комплексами», готовых видеть антисемитизм уже в том, что «кто-то не оставляет без внимания такой яркий феномен как еврейство и не отрицает его существование в мире»⁹⁵.

В сионизме он видел процесс еврейского национального возрождения. И его, немецкого писателя, с готовностью подписавшего воззвание немецкого Палестинского комитета и вошедшего в его состав, глубоко поразили резкие антисионистские выступления евреев из либеральных кругов Германии. «Мне совершенно непонятно, как могут евреи выступать против еврейских национальных идеалов», – искренне недоумевал Томас Манн⁹⁶. Со своей стороны, он считал, что «для еврея, даже если он не соглашается отказаться от своей современной западной формы существования, национальная основа, которую ему предоставляет сионистское возрождение Палестины, должна быть благословением, укреплять и развивать его самосознание»⁹⁷.

Томас Манн писал, что его связывает с евреями – «и связывает навсегда» – их любовь к интеллекту, «их природная чуткость ко всему, в чем есть изысканность, дерзание, утонченность и свобода». Но он отмечал также и то, что интеллектуальный дар евреев и их особая чувствительность к новому, которое они «были склонны приветствовать безоговорочно, просто как новое», ставили их порой «во главе греховных и пагубных движений»⁹⁸.

Уже после прихода нацистов к власти он много думал, пишет Томас Манн, «о нелепости того, что евреи, которых в Германии лишают прав и изгоняют из страны, принимают большое участие в событиях духовной жизни, находящих свое выражение, – в известной мере, разумеется, и очень искаженно, – в политической системе». К тем, кто участвовал в духовной подготовке антилиберального поворота, Томас Манн относил востоковеда и теолога Оскара Гольдберга, который «явно принадлежит господствующему духу времени своей книгой "Действительность евреев" – антигуманистической, антиуниверсалистской, националистической, в религиозных выражениях восхваляющей технику. Давид и Соломон для него религиозные вырожденцы»⁹⁹. Оскар Гольдберг стал прототипом Хаима Брейзахера – одного из двух еврейских персонажей романа «Доктор Фаустус».

«Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом», – таков подзаголовок книги, которую Томас Манн назвал «романом моей эпохи»¹⁰⁰. Серенус Цейтблом, друг и биограф Леверкюна, начинает его жизне-

⁹⁵ Манн. О еврейском вопросе. С. 367-368.

⁹⁶ Манн Т. Интервью польской газете «Ционистише Вельт» / Там же. С. 371.

⁹⁷ Манн Т. Живая человеческая реальность / Там же. С. 380.

⁹⁸ Манн. О еврейском вопросе. С. 367.

⁹⁹ Манн. Из дневников. Там же. С. 382.

¹⁰⁰ См. Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / его же. Собр. соч. Т. 9.

описание 13 марта 1943 года – в тот самый день, когда был закончен «Закон» и когда Томас Манн, упаковав «мифологические и востоковедческие материалы к "Иосифу"», приступил к своему роману «Доктор Фаустус». Это не просто временная непрерывность – это цельность творческой коллеи, магистрального пути мыслителя Томаса Манна, это продолжение его битвы за духовное достоинство человека. В повествовании совмещены два времени – то, когда оно ведется, – годы военного разгрома нацистской Германии, – и то, когда подготавливалось торжество нацизма и осуществлялось его господство. Автор передоверяет «тишайшему» учителю Цейтблому свою горько-ироническую хронику завершающего этапа «той чудовищной катастрофы», в которую Германия вовлекла мир, и вместе с тем ищет разгадку «характера и судьбы народа, принесшего миру столько неоспоримо прекрасного и великого и в то же время неоднократно становившегося роковым препятствием на пути его развития»¹⁰¹.

Томас Манн отвергает существование двух Германий – доброй и злой. Весь роман – это повествование о том, как лучшие свойства немецкого духа и национального характера – стремление к внутренней свободе, самоуглубленность, романтизм, исконный универсализм и космополитизм, – как все эти достоинства «под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла»¹⁰². Но «дьявольская хитрость», она же черт, покупающий душу Фаустуса-Левверкюна и всего «злополучного народа», – не потусторонняя сила, он не вне, а внутри него самого. Томас Манн шаг за шагом прослеживает внутренний процесс перерождения доброй Германии в злую. В центре его внимания – те интеллектуалы, на совести которых готовность нации пойти «по пути бедствий и преступлений», те, кто непосредственно участвовал в процессе перерождения национально-гуманистического духа в расистско-каннибальское варварство. Томас Манн устами Цейтблома рассказывает о немецких салонах кануна Первой мировой войны и 20-х годов, об их участниках – генераторах, интерпретаторах и распространителях концепций, восхваляющих язычество, возвращение к радикально враждебному гуманности культу природы, отвергающих дух как убивающее жизнь начало – словом, исповедующих именно то, что было освоено национал-социализмом и без чего он вряд ли смог бы «угасить разум» и стать выразителем «продиктованных чувством убеждений масс»¹⁰³.

«Варварство», «козыри атавизма», апологетика «старо-нового архаизированного мира» – так Томас Манн определяет и пропаганду язычества, и призыв к «исполненному новизны возврату к теократически-средневековому укладу жизни». Вторую «концепцию» исповедовали немецкие «консервативные революционеры». Обе «концепции» вошли в идейный арсенал нацизма. Но почему языческую идеологию с яркой критикой Библии провозглашает еврей Хаим Брейзахер,

¹⁰¹ Манн Т. Германия и немцы / его же. Собр. соч. Т. 10. С. 103-126.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Манн Т. Немецкая речь. Призыв к разуму / Сб. С. 123.

а вернуться к теократически-средневековому укладу призывают именно и только немцы? Об этом ниже. А пока о самих дебатах.

В салонах разыгрываются судебные процессы, в которых апологеты «нового», сами «люди науки», подвергают разгрому и осмеянию «доводы критицизма и разума, доводы честной объективной истины». «Правосудию, за которым было последнее место и окончательный приговор, повеселевшие участники диспута не замедлили приписать такое же *самоотрицание*, каким они занимались сами»¹⁰⁴.

САМООТРИЦАНИЕ гуманистической культуры проникает и в «святая святых» национального духа – в немецкую музыку. Преображение претерпевает творчество гениального композитора Адриана Левекюна. Судьбоносные изменения происходят в процессе тяжелой болезни – его мозг поражен «бледной Венерой». Так черт, покупающий душу музыканта, называет бледную спирохету. Он является в 1922 году к уже зараженному бациллой Адриану и предлагает контракт на двадцать четыре года, то есть до 1946 года. Начальная дата совпадает с первыми публичными проявлениями нацизма, вторая – с его полным разгромом и ужасающей трагедией народа в разрушенной стране. Таким образом в повествовании синхронно разворачиваются две истории: 1) история болезни гениального музыканта, сокрушаемого болезнью мозга и совращаемого чертом, спекулирующим на страданиях больного и соблазняющим его творческим всесилием; 2) история болезни народа и страны, сокрушаемых болезнью духа, то есть душевной болезнью, и совращаемых нацизмом, спекулирующим, как и черт, на страданиях народа и соблазняющим массы манией величия – призраком мирового владычества

Болезнь композитора проходит те же стадии, что проходит и болезнь немецкого народа и Германии, совращаемых нацизмом. Это процесс САМООТРИЦАНИЯ, то есть изживания самыми больными накопленных их историей гуманистических ценностей. Пик отрицания в творчестве Левекюна приходится на 1929 и 1930 годы, и, по свидетельству Серенуса, он совпадает «с возвышением и самоутверждением зла, овладевшего нашей страной и ныне гибнущего в крови и пламени»¹⁰⁵.

В эти годы Адриан завершает работу над своим последним творением – симфонической кантатой «Плач доктора Фаустуса». Доскональная музыковедческая оценка этого творения, проделанная Манном-Серенусом, убеждает в том, что разрушительный заказ дьявола выполнен. У них «нет ни капли сомнения в том, что кантата была задумана и записана как антипод бетховенской Девятой симфонии, в самом трагическом значении этого слова»¹⁰⁶. Речь идет о самом оптими-

¹⁰⁴ Манн Т. Доктор Фаустус / его же. Собр. соч. Т. 5. С. 474. Разбивка моя – Л.Д.

¹⁰⁵ Манн. Доктор Фаустус. С. 623.

¹⁰⁶ Там же. С. 633.

стическом творении Бетховена, в финале которого звучит могучий хор «Ода к радости».

Замысел кантаты вызревал по мере гибели тех, кого любил Адриан, – такой ценой осуществлялся договор с чертом, нацеленный на концентрацию разрушительных сил и эмоций творца. После мучительной смерти любимого малыша, племянника Адриана Серенус услышал:

«-Я понял, *этого быть не должно* .

- Чего, Адриан, не должно быть?

- Доброго и благородного, – отвечал он, – того, что зовется человеческим, хотя оно добро и благородно. Того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Оно будет отнято. Я его отниму.

- Я не совсем тебя понимаю, дорогой. Что ты хочешь отнять?

- Девятую симфонию, – отвечал он».

Так происходило самоотрицание и саморазрушение самого духа нации, угасание ее разума. Так шло превращение доброй Германии в злую,

«Хорически-симфоническое» творение Адриана никогда не исполнялось. Сам он по завершении работы пригласил на прослушивание лишь близкий круг людей, в большинстве завсегдатаев «новаторских» салонов. Музыкальную часть Адриан предварил своей исповедью, в которой раскрыл дьявольский источник разрушительного самоотрицания немецкой музыки в его творении. Исповедь завершилась роковым припадком, после которого Леверкюн уже не оправился. Разум его угас в 1930 году. Именно тогда произошло «сенсационное голосование» в пользу нацистов, и именно тогда Томас Манн произнес свой полный тревоги предупреждающий «Призыв к разуму». Окончательный уход из жизни Адриана Леверкюна происходит в 1940 году. Это второй год развернутой нацизмом Второй мировой войны, губительной не только для Германии, но и ставшей угрозой всей европейской цивилизации.

О последних этапах жизни своего великого друга Серенус пишет в апреле 1945 года. Тогда были «взломаны стены застенка, в который превратила Германию власть ..., и наш позор предстал перед глазами всего мира ... И увиденное по мерзостной жестокости превосходит все, что может вообразить себе человек». И Манн-Серенус произносит проклятие – «проклятие погубителям, что обучали в школе зла некогда честную, законопослушную, немного заумную, слишком теоретизирующую породу людей»¹⁰⁷.

Проклятие должно пасть на тех интеллектуалов и пропагандистов, на совести которых – готовность нации пойти «по пути бедствий и преступлений».

Видное место среди подобного рода деятелей предоставляется доктору Хаиму Брейзахеру – «человеку ярко выраженной расы, интеллектуально весьма развитому, даже смелому, впечатляюще безобразной наружности, который – явно не

¹⁰⁷ Там же. С. 622.

без злорадства – играл роль чужеродной закваски». Вместе с другими «разношерстными элементами», заполнявшими немецкие салоны, Брейзахер исповедует ультрареволюционный консерватизм и фрондирует против буржуазно-либеральных ценностей и вкусов. Культурфилософ, «настроенный, однако, против культуры», он не видел в ее истории ничего, кроме процесса упадка. В культурно-критических разглагольствованиях Брейзахера о Ветхом Завете – «сфере личного происхождения оратора» – Томас Манн воспроизводит основные идеи Оскара Гольдберга, не скрывая того возмущения, которое вызвал в нем еврей интеллектуал, демонстрирующий «злостный консерватизм в отношении своего народа и его духовной истории», интеллектуал, для которого «почитаемые каждым христианином библейские цари Давид и Соломон» – не более чем «либеральные вырожденцы». «Вырожденцы» именно потому, что они причастны к «проповеди абстрактного единого Бога» – идеи, которая, согласно культурфилософу, знаменовала деградацию истинно народной религии с ее осязаемым – «шествующим в огненном столпе» и требующим «жертвы из крови и мяса» богом. Томас Манн, точнее, его «доверенное лицо» Цейтблом, оценивает эти «козыри атавизма», эту апологетику язычества как «охранительный радикализм», который благодаря своей революционности, сочетаемой с «похвально консервативной личиной», подрывал устои опаснее, чем всякий «неконсервативный» революционизм. Разоблачая поклеп культурфилософа на духовную историю его народа, Томас Манн, считавший высшим вкладом евреев в цивилизацию идею единобожия и десять заповедей, устами Цейтблома утверждает, что «не только у пророков, но уже в самом Пятикнижии, а именно у Моисея», во главу угла ставится не жертва (языческий анахронизм), а «послушание Богу, исполнение его заповедей». Вспомним, что под религиозностью сам Томас Манн понимает «вдумчивость и послушание», позволяющие распознать «скверну» и избежать ее.

Среди тех, кого интересует еврейская тема в работах Томаса Манна, есть критики, утверждающие, что образ Брейзахера свидетельствует об антисемитизме автора романа. Такие мнения разделяет мой оппонент Евгений Беркович, который, обобщая, утверждает, что в романе о войне «евреи без Холокоста и Германия без антисемитизма». Описания Катастрофы в романе действительно нет. Но это потому, что весь роман посвящен иной теме и иному уровню реальности. Это уровень духовности человека, поле боя Томаса Манна – духовная культура нации, его противники – участники ее саморазрушения. И на этом уровне тема Катастрофы сообразно общему контексту возникает при озвучивании центральной антисемитской ИДЕИ нацизма = ИДЕИ «гигиены народа и расы». Без картин реализации этой идеи Катастрофа была показана напрямую и в соответствующем жанре – в публицистике. Озвучивает идею «гигиены расы» еврей Брейзахер, и Беркович расценивает именно это как антисемитизм Томаса Манна.

Сам Томас Манн не исключал возможности «п р е в р а т н о г о антисемитского толкования еврейских персонажей в романе». (Разрядка моя – Л.Д.) Более то-

го, он признавал, что то, как описан «гнусный Брейзахер, этот хитроумный сеятель великой беды, дает повод заподозрить его самого в юдофобстве»¹⁰⁸.

Отвергая подобного рода предположения, Томас Манн объясняет, что и выведенные в романе немцы – «настоящая кунсткамера диковеннейших созданий отжившей эпохи», – дают такие же основания упрекать его в антинемецкости, как отрицательные еврейские персонажи – в антисемитизме. Эти пояснения, а также заверение в том, что Саул Фительберг (еще один еврейский персонаж, коммивояжер от музыки) ему «куда милее чистокровных немецких масок, дискутирующих о капризах своего времени», видимо, далеко не всем казались достаточно убедительными. Это видно из того, что писал Томас Манн израильскому исследователю его творчества Курту Левенштейну: «Я вполне сознаю, что не воздал должного еврейству и его часто столь высокой и серьезной духовности и что упустил – д о л ж е н б ы л у п у с т и т ь – в качестве противовеса Фительбергу и Брейзахеру вывести в книге образ другого еврея (я думаю о пророческом типе Бубера). Опасность, что это может быть воспринято как антисемитизм, по крайней мере, людьми более простыми, нельзя вовсе отбросить, и хорошие друзья указывали мне на это еще во время работы над романом». Томас Манн повторяет, что «арийцы» в его книге тоже «отнюдь не заслуживают самого большого доверия». Далее, переходя от частного к общему, он формулирует свой главный аргумент: «Общий дух книги дает слишком мало пищи для обвинения автора в антисемитизме»¹⁰⁹.

Почему автор д о л ж е н был упустить образ «противовеса» Брейзахеру и причем тут «общий дух книги»? По своему общему духу книга направлена против агрессивного ДУАЛИЗМА, персонифицирующего разрушительные силы в образе внешнего врага с призывом его уничтожения. Дуализму как мировоззрению и его идеологическому воплощению в нацизме Манн протвоставляет свой монизм. В н у т р и национальной культуры сосуществуют и противоборствуют разные тенденции. При определенных обстоятельствах может возобладать одна из них – разрушительная. Так случилось при победе нацизма в Германии, так произошло при победе большевизма в России.

Может это абстрактное умствование? Напомню знаменитый спор историков 80-х годов прошлого века. Тогда был поставлен вопрос: нацизм в Германии – это реакция на «еврейский большевизм» в России и ТОЛЬКО или у него были и собственные национальные корни? Начавший спор немецкий историк европейского фашизма Эрнст Нольте вместе с другими его коллегами утверждал, что нацизм – это прежде всего и главным образом реакция на победу большевизма. Гитлер трактовал ее как начало еврейского завоевания мира и отсюда его устремленность к тотальному уничтожению еврейства. А откуда взялся сам Гитлер – «мой братец», как писал о нем Томас Манн? Историков, которые не могут примирить-

¹⁰⁸ Манн. История «Доктора Фаустуса». С. 142.

¹⁰⁹ Он же. Письмо К. Левенштейну / Сб. С. 62.

ся с тем, что зло нарождалось внутри самой нации, что нацизм – это внутренняя болезнь, возбуждению которой большевизм лишь способствовал, я назвала реабилитантами. Таким же реабилитантом, но русским, был Солженицын. Часть его «Красного колеса» названа «Ленин в Цюрихе». Там большой дьявол Парвус берет на службу Ленина (в котором «всего на четверть русской крови»), чтобы вместе с ним революцией сокрушить Россию.

Каким же был иной подход? Мне кажется, его можно выразить вопросами: 1) Призрак коммунизма бродил по всей Европе, почему же он воплотился в «диктаторско-террористический режим» именно и только в России? 2) Фашизм тоже распространялся по всей Европе. Почему он стал нацизмом именно и только в Германии?

Манн, отвечая на такие вопросы, предложил действенное средство преодоления таких зол. Для этого нужно понять их культурно-историческую национальную имманентность, распознать их внутренние корни, без этого их иссечение невозможно. Только усвоением такого подхода, усвоением уроков Томаса Манна можно объяснить успешное возрождение Германии. Отсутствие такого подхода в России во многом объясняет ее нынешнее состояние.

Вернемся к самой книге, о которой Томас Манн писал: «Будучи от начала до конца исповедью и жертвоприношением, она выходит за рамки искусства и является подлинной действительностью». Какой же была действительность в преднацистской и нацистской Германии? Была ли в ней борьба с надвигающимся варварством, было ли в ней *з н а ч и м о е* противодействие ему в среде интеллектуалов? Нет, этого, несомненно, к гневу и скорби автора, не было. Действительным и превалирующим был процесс саморазрушения, самоотрицания гуманистической культуры. В соответствии с этой реальностью и в книге нет противостояния саморазрушению, как нет и художественной персонификации такого противостояния. Персонифицированы лишь «сеятели беды», и Брейзахер – один из них. В салоне, где он разглагольствует в унисон с другими «сеятелями», у него нет оппонентов.

Е. Беркович утверждает, что такой оппонент имеется – это Серенус Цейтблом. В интерпретации Е. Берковича слова Цейтблома о том, что «мир антигуманизма для него впервые приоткрылся ... как раз благодаря Брейзахеру», выглядят так: «Цейтблом корит себя, что не нашелся как возразить этому наглому еврею, проповедующему нацистские идеи». Таким, считает Беркович, был замысел самого Томаса Манна. «В романе преступником, – пишет он, – выступает еврей, а жертвой выглядит невинный Цейтблом»¹¹⁰.

Убеждена – Томас Манн, мягко говоря, был бы поражен такой интерпретацией. Впрочем, как и большинство непредубежденных читателей. Серенус Цейтблом вообще не действующее лицо. Он *alter ego* автора, резонер и хроникер событий, рассказчик, выражающий в своих эмоциях и оценках реакцию и пони-

¹¹⁰ Беркович Е. Двудликий волшебник // Еврейская старина. 2017. № 4.

мание событий автором. Вот что пишет сам Томас Манн в статье о романе. «... Я решил поставить между собой и героем посредника – "друга", то есть не рассказывать жизнь Адриана Леверкюна самолично, а заставить другое лицо ее рассказать... Это давало мне возможность как-то опосредовать свою взволнованность всем тем непосредственно личным, знакомым, что лежало в основе моего жуткого замысла и пародийно передать собственную взволнованность в смятении и трепете этой робкой души». «Такая техника монтажа, – пишет Манн далее, – входит в сам замысел, в самую "идею" книги, она связана с той редкой душевной свободой и широтой, что вызвала к жизни этот роман, связана с его хоть и сказочной, а все-таки неподдельной прямоотой, связана, наконец, с тем смыслом тайной исповеди, который в него вложен...». В такой «технике монтажа» – несравненное мастерство художника, избирающего жанр и сюжеты, полностью адекватные замыслу, идее и исповедальности романа.

Исповедальность лежит в основе всего творчества писателя-наставника¹¹¹. Оценивая свой роман как пример немецкой самокритики, Томас Манн выражает уверенность, что ни на каком ином пути он не мог бы сохранить большую верность немецкой традиции. Возводя ее к Гете, Гельдерлину, Ницше, Томас Манн отказывается видеть первопричину зла в некоей сторонней силе, совращающей на путь бедствий и преступлений беспорочных индивидуумов и добродетельные народы. Он на собственном опыте познал «таинственную связь немецкого национального характера с демонизмом». «Черт Лютера, черт Фауста представляется мне, – пишет Томас Манн, – в высшей степени немецким персонажем. И договор с ним, прозакладывание души черту, отказ от спасения души во имя того, чтобы ... владеть всеми сокровищами, всею властью мира, подобный договор, как мне кажется, весьма соблазнителен для немца в силу самой его натуры»¹¹².

В мире Томаса Манна, в мире, где почитаются «вдумчивость и послушание», где разум и критический дух, отвергая мистику и идолов, постигают истинную связь причин и следствий, нет места мифам о злокозненном и всесильном, устремленном к всемирному владычеству еврействе. Привнесение в мир зла, совращение и покорение народов – так представлена в антисемитских мифах роль евреев в мировой истории. Привнесение в мир идей, заложивших основу гуманистической европейской культуры, – в этом видит вклад еврейства в историю человечества Томас Манн. Быть евреем – значит сохранять и приумножать этот вклад, не уходить из еврейской истории и уж, конечно, не осквернять ее, а способствовать ее продолжению. А персонаж его романа – «хитроумный сеятель беды» Хаим Брейзахер – не только не следует еврейско-гуманистической традиции, но подобно своим арийским собеседникам, сеющим беду вместе с ним, изменяет своему народу и его культуре. Брейзахер – наглядное подтверждение все-

¹¹¹ Подробнее об этом см. Дымерская-Цигельман Л. Томас Манн и Василий Гроссман: уроки исповедальной литературы // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2008. № 1.

¹¹² Манн. Германия и немцы.

общности «дьявольского парадокса – порождения зла добром», парадокса, воплотившегося в трагедию перерождения «доброй» Германии в «злую». Брейзахер являет собой пример того же перехода в свою противоположность высших свойств еврейского духа, какой происходит в сфере метаморфоз немецкого духа. «Так же, как немецкий романтизм, опустившись до жалкого уровня черни, до уровня Гитлера ... выродился в истерическое варварство, безумие расизма и жажду убийства» («Германия и немцы»), так и в случае Брейзахера «вдумчивость и послушание», «чуткая иудейская восприимчивость к новому и грядущему» вырождаются в суетное приспособление к «господствующему духу», в апологетику исподволь возникающего старо-нового, революционно-архаизированного мира, где «ценности, связанные с идеей индивидуума ... переосмыслены, поставлены в связь с куда более высокой инстанцией насилия, авторитета, основанной на вере диктатуры»¹¹³.

Брейзахер принадлежит к тем, кто, прорицая будущее, ничего не делает, чтобы предостеречь от него и предотвратить его. Более того, он относится к грядущему с интересом и даже, может быть, с сочувствием. «Раз оно новое, не наше дело ему препятствовать». На его примере продемонстрирована самоубийственность непротивления варварству в его зародыше. Именно Брейзахеру – еврею, народ которого шестью миллионами жизней оплатил «гигиену арийской расы», – Томас Манн предоставляет слово о «гигиенической точке зрения». Без признаков страха и озабоченности, ничего не противопоставляя предрекаемому, Брейзахер уведомляет, что «если когда-нибудь приступят к устранению больного элемента в широком плане ..., то и под это подведут такие основания, как гигиена народа и расы, хотя в действительности ... дело будет идти о гораздо более глубоких преобразованиях, об отказе от всякой гуманной мягкотелости ..., об инстинктивной самоподготовке человечества к суровой и мрачной, глумящейся над гуманностью эре»¹¹⁴.

Столь покорное принятие мира, избавленного от «гуманной мягкотелости», отвращает Томаса Манна и от немецких консервативных революционеров, и от немецкого прорицателя заката Европы Освальда Шпенглера, и от еврейского апологета революционно-архаизированного мира Оскара Гольдберга-Брейзахера. Для него они все пораженцы рода человеческого именно потому, что отступают от гуманистических принципов своих народов, сдают без всякого сопротивления ценности своих национальных культур – немецкой и еврейской.

¹¹³ Манн. Доктор Фаустус. С. 475, 476.

¹¹⁴ Там же. С. 478.

Глава V. Томас Манн о еврейском государстве

1. Диалектика универсального и национального в еврейской истории и сионизм

Отвращение к национальному отступничеству, как и к тупо-апологетическому, построенному на ненависти к инородцам агрессивному национализму, сочетается у Томаса Манна с уважением гуманистических начал и принципов любой национальной культуры, будь то немецкая, русская или еврейская. В развитии национально-духовного он видел путь к служению универсальному – общечеловеческому.

Такое понимание диалектики национального и универсального объясняет отношение Томаса Манна к сионизму. В мире, писал он, наблюдаются две мощные тенденции: устремленность к универсальному и устремленность к национальному. Евреи много сделали в первом направлении, и пришло время заняться собственными национальными проблемами. Таким путем «еврейский гений сможет лучше всего служить универсальному», ибо «мировая культура – мозаика, в которую каждый народ вносит свою собственную краску»¹¹⁵.

«Свою собственную краску» евреи вносят в мировую культуру, превращая Палестину – «колыбель современного человечества» – в еврейский национальный дом, где, считал Томас Манн, еврейский народ сможет «жить свободно и беспрепятственно и создавать для себя и для всего мира великие человеческие и культурные ценности»¹¹⁶. Не входя сейчас в оценку осуществимости этих надежд и прогнозов, отмечу, что еще в 20-х годах Томас Манн видел в сионизме «культурный фактор большого гуманистического значения» и от этого своего убеждения не отказывался никогда.

Но в отношении сионизма как способа решения еврейского вопроса, его роли в жизни и судьбе современного еврейства оценки Томаса Манна претерпели явную эволюцию. Он принимал как факт исторически сложившуюся двойственность еврейского существования – жизнь одной части еврейства в диаспоре и другой (численно значительно меньшей) – в своем национальном доме. До Первой мировой войны Томас Манн считал господствующей тенденцией в жизни еврейства его европеизацию – процесс, совпадающий с общим культурным развитием народов Европы. Но уже в 20-х годах Томас Манн признает историческую значимость сионизма, оценивая его как «важный исторический процесс национального возрождения одного из культурнейших и древнейших народов мира»¹¹⁷.

Приехав в Палестину в связи с работой над «Иосифом» (март – апрель 1930 года), Томас Манн, по его словам, убедился, что у этой страны есть будущее.

¹¹⁵ Манн. Интервью польской газете «Ционистише Вельт». С. 371.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

«Тот, кто видел эту страну, знает, что это не романтическая мечта, а живая человеческая реальность, – суммировал он свои впечатления. – Эксперимент возрождения языка иврит превзошел все ожидания, и молодые люди, которые говорят на иврите, как французы по-французски ... сильное, деятельное, прекрасное поколение...»¹¹⁸. Томас Манн высоко оценил созидательную работу евреев, превращающих свою «историческую родину» в цветущую страну. Особый интерес вызвал у него Еврейский университет в Иерусалиме. «Он проникнут деятельным научным духом, научные исследования во многих областях сочетаются с постижением иудаизма»¹¹⁹.

Томас Манн считал, однако, нереальным массовое возвращение евреев в Палестину. «Такое требование противоречило бы здравому смыслу, – писал он – ибо большинство евреев слишком глубоко укоренено в западной цивилизации и культуре стран их проживания, чтобы оторваться от них и суметь прижиться в стране их праотцев»¹²⁰. Этой же позиции он частично придерживался еще и в 1944 году, полагая, что идея национального объединения встречает сопротивление «главным образом из-за ошибочного представления, будто сионизм намеревается репатриировать всех евреев в Палестину!». Повторяя, что «репатриация в Палестину не соответствует желаниям многих евреев, столетиями укоренившихся в западном мире», Т. Манн одновременно заверяет, что она и не в интересах тех стран, где евреи проживают. «Я не сомневаюсь, – утверждает он, – что если после войны евреи не вернуться в Германию, она очень пострадает от отсутствия своих еврейских граждан, как ранее Испания веками страдала от последствий изгнания евреев и арабов»¹²¹.

Пережившим войну очевидно, что и на этот раз должное не стало сущим. Наставничество, стремление изменить реальность, показать, какой она должна стать, все же не помешало Томасу Манну трезво оценить послевоенную ситуацию. В речи на митинге в Нью-Йорке (октябрь 1945 года), проходившем под лозунгом «Спасите евреев Европы», Томас Манн заявил, что «после военного краха европейского фашизма ... надежда на настоящий мир, который должен быть основан на справедливости и человеческом достоинстве, может быть осуществлен лишь при условии решения еврейского вопроса, который, конечно, не есть единственная проблема нашего времени, но именно он может стать пробным камнем зрелости нашей цивилизации и ее желания служить Добру»¹²². Свою солидарность с такой трактовкой еврейского вопроса выразили присутствовавшие на митинге Трумэн, Альберт Эйнштейн и многие другие политические и общественные деятели Америки.

¹¹⁸ Манн. Живая человеческая реальность. С. 380.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Манн. Упорный народ. С. 427.

¹²² Манн. Спасите евреев Европы. С. 432.

2. Еврейское государство – гарант сохранения народа и продолжения его истории. Томас Манн об отношении западных держав к государству Израиль

Антисемитизм, «глубоко запавший в европейские умы», отступничество западных держав, отказавших евреям в убежище, их непростительное бездействие в годы Катастрофы, а также преступные действия англичан по недопущению выживших в Катастрофе евреев в подмандатную Палестину – все это приводит Т. Манна к переоценке роли сионизма в жизни современного еврейства. Под влиянием Катастрофы европейского еврейства, не только укорененного в Европе, но и погребенного в ней, Томас Манн приходит к выводу о необходимости создания еврейского государства как силы, гарантирующей выживание и дальнейшее существование еврейского народа. Можно сказать, что эволюция взглядов Томаса Манна на сионизм как бы повторяет этапы общей эволюции его мировоззрения. И здесь он от аполитичности (игнорирование политического аспекта национального возрождения) приходит к идее национального государства как единственно возможной в современных условиях формы самозащиты нации. Сущность этого государства – демократия, ибо лишь она создает условия для сохранения и приумножения главного достояния народа – его духовности, его культуры.

Решение Англии ограничить, а с 1944 года практически пресечь еврейскую иммиграцию в Палестину Томас Манн оценивает как измену, как отказ от тех обязательств, которые приняла Англия вместе с мандатом на Палестину. «Английская "Белая книга" от мая 1939 года превращает обещанный в 1917 году национальный очаг в Палестине в ограниченное сроком убежище и тем самым, – утверждал Томас Манн, – уничтожает его смысл и ценность». Так обстояло дело с принятием «Белой книги» в мае 1939 года. «А сегодня? Спустя пять лет после начала гитлеровской войны против евреев Европы? После освобождения из-под нацистского ига от семи-восьми миллионов, которые там жили, останется еще кто-то, кто не "ликвидирован", не погиб от голода, не отравлен газом, – все-таки кто-нибудь еще останется. Они будут лишены корней, имущества и крова, и разгромленная, обедневшая после войны Европа вряд ли будет для них подходящим местом... Настоящим местом для них будет Палестина, древняя и, согласно декларации Бальфура, новая обетованная земля. Но как раз в этот момент установления "Белой книги" должны свести на нет эти обетования»¹²³. Америка, убежден Томас Манн, должна была сказать свое слово. Слово протеста. Но, как известно, этого не произошло. Своекорыстное отношение ее руководителей к возрождению «еврейского дома» вполне рельефно выразилось после принятия решения ООН от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское.

Томас Манн приветствует это решение. Он глубоко убежден в созидательных устремлениях евреев: еврейское государство в Палестине, писал он, «будет де-

¹²³ Манн Т. О Белой книге / Сб. С. 419-424.

мократией людей, которые полны желания работать и строить свою культуру»¹²⁴. В 1930 году во время своей поездки в Палестину Томас Манн сблизился с доктором Иехудой Магнесом, возглавлявшим Еврейский университет в Иерусалиме. Доктор Магнес ратовал за создание двунационального государства в Эрец-Исраэль и активно выступил против раздела страны на два государства. При знакомстве Томас Манн во многом разделял взгляды Магнеса – сторонника духовного сионизма. Но, как мы знаем, ко времени решения ООН о разделе позиция Т. Манна радикально изменилась. Магнес же по-прежнему был против раздела, полагая, что, не проводя его, можно было бы избежать межнациональных столкновений. Возражая доктору Магнесу в письме к нему Томас Манн выражал уверенность в том, что «создание еврейского государства в крайне скромных границах могло быть осуществлено без особых конфликтов, если бы маленькая территория не стала очагом борьбы великих держав за нефть и базы»¹²⁵. На основании данных, «точность которых не подлежит сомнению», Томас Манн утверждал: арабское восстание, начатое сразу же после принятия решения в ООН, разжигалось англичанами, заинтересованными в восстановлении своего мандата на Палестину.

19 марта 1948 года, в критический период, когда до истечения срока мандата оставалось менее двух месяцев, американская делегация в ООН отозвала свое согласие на раздел Палестины. «Последнее решение США никак не связано с Палестиной, а только с военными планами против СССР», – писал Томас Манн. Еще не родившееся еврейское государство становилось разменной монетой в «большой политике». Решение американской делегации Томас Манн расценил как «самое возмутительное политическое событие со времени предательства Чехословакии в 1938 году... Это способствует деморализации мира, что раньше или позже, – предупреждает Томас Манн, – приведет к всеобъемлющей катастрофе»¹²⁶.

В статье «Призраки 1938 года», опубликованной 26 марта 1948 года, – неделю спустя после оглашения решения США об отказе от раздела Палестины, – писатель призывал американскую общественность выступить против этого решения. «Почему же мы осуждены поддерживать везде отвратительную, грязную реакцию, ненавистную народам, – в данном случае арабских шейхов, – и разрушать демократию, изображая дело так, будто мы ее защищаем?»¹²⁷.

¹²⁴ Манн Т. Призраки 1938 года / Там же. С. 433.

¹²⁵ Манн Т. Письмо И. Магнесу / Там же. С. 435.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Манн. Призраки 1938 года. С. 433.

Глава VI. Томас Манн и наше время

1. Томас Манн: Израиль – еврейское демократическое государство

В одной из дневниковых записей в переломные двадцатые годы Томас Манн пишет о своей «сейсмической чувствительности». Она и вправду у него была и проявилась уже тогда, когда при первых же толчках цивилизационного землетрясения, то есть при первых же шагах «диктаторско-террористических режимов» он предсказал, какими цивилизационными обвалами такие режимы чреваты. Эта же «чувствительность» проявилась и тогда, когда он писал о Европе, допустившей Катастрофу, как месте, ставшим губительным для еврейского народа, и утверждал, что гарантом продолжения его истории и самого его существования может быть собственное государство.

Возрождение еврейского государства знаменовало начало нового этапа в истории еврейства и его взаимоотношений с другими народами и государствами. После двухтысячелетнего пребывания в качестве бездомного и беззащитного пришельца, ОБЪЕКТА действий и воздействий «народов-хозяев», завершившегося Катастрофой европейского еврейства, с возрождением собственного государства еврейский народ возвращает себе статус СУБЪЕКТА истории. Вследствие гибели европейского еврейства центр еврейского существования перемещается из Европы на Ближний Восток. Им становится государство Израиль.

Т. Манн считал, что Израиль должен быть национальным государством, основанным на демократических принципах европейских государств и США. Это будет, как было определено при его создании, еврейское демократическое государство.

2. Томас Манн о противостоянии США и СССР. Советский нацифицированный антисиионизм и делегитимация Израиля

Со второй половины XX века, после гибели евреев Европы, начинается новый этап не только в самой истории еврейского народа, но и в его взаимоотношениях с другими народами и государствами. Формируются и принципиально новые идеология и политика тотального, то есть направленного на народ как таковой, антисемитизма. Это идеология и политика антисиионизма и антиизраилизма. Их главная мишень – центр существования современного еврейства – Израиль. Они разрабатывались в СССР, но получили широкое распространение и на Западе, и на Востоке.

Израиль, возвращаясь в историю, должен строить себя в контексте взаимоотношений с большими и малыми государствами. При этом формируется широкий диапазон отношений – от союзнических до смертельно враждебных. Среди государств были и те, кто сохранял свои утилитарные своекорыстные интересы, эко-

номические и политические, которыми они руководствовались прежде. Томас Манн и тут проявляет свою «сейсмическую чувствительность», сразу же отмечая эту ново-старую тенденцию, определявшую отношение к Израилю при его создании и сохраняющуюся поныне. Он показал, сколь трагичным для евреев было противодействие англичан еврейской репатриации до и во время войны и сколь катастрофичным оно становилось, когда уцелевшие в Катастрофе евреи пытались добраться до своего единственного в мире отечества-убежища.

Уже первая война Израиля – война за независимость (1948 г.) доказала адекватность оценок Томаса Манна. Он писал: «Война разжигалась англичанами, заинтересованными в сохранении своего мандата на Палестину». Но особую роль, считал писатель, играет противостояние СССР и США. Нападение арабских стран на новорожденный Израиль, утверждал он, во многом было спровоцировано «борьбой великих держав за нефть и базы». Решение же США об отказе от своего согласия на раздел Палестины, писал он, «никак не связано с Палестиной, а только с военными планами против СССР»¹²⁸.

Только еще нарождавшийся Израиль становится разменной монетой в большой политической игре. Возмущаясь цинизмом этой игры, отвергая манипуляционный своекорыстный подход к евреям, на этот раз к их государству, Томас Манн не закрывал глаза на принципиальные отличия игроков. О США он писал: «Мы здесь ведем трудную борьбу против тенденций, которые, как мы опасаемся, могли бы морально и физически разрушить эту безусловно порядочную страну». Послевоенный СССР Томас Манн оценивал как страну, где укоренена «тоталитарная политика, которой присягнул и которой силой добивается коммунизм». Противостояние двух антиподов – США и СССР – становится определяющим политическим контекстом всей последующей истории Израиля.

СССР из кратковременного союзника (проголосовал в 1947 году за раздел Палестины) превращается в самого ярого противника Израиля. Во всех арабо-израильских войнах он снабжает арабов оружием, организует им военное обучение и руководство, разрабатывает стратегию и тактику террора как нового вида войны, превращающейся в гибридную, обеспечивает арабским представителям политическую поддержку во всех возможных инстанциях, и главное – создает нацифицированную идеологию антисионизма, нацеливающую на уничтожение Израиля – жизненного центра современного еврейства. Часто говорят, что антисионизм – не более чем легитимная критика Израиля, подобная критике других государств. Еще чаще можно услышать, что антисионизм – это маска, которой прикрывают прежний «классический» антисемитизм. Это не так. В ряде работ специалистов показывается, чем отличается современный политико-идеологический антисионизм от легитимной критики государства. Он нацеливает на делегитимацию Израиля, то есть на ликвидацию самого права на существование еврейского государства. При этом важно понять, что он – никакая ни мас-

¹²⁸ Манн. Письмо И. Магнесу. С. 435.

ка, а принципиально новый вид тотального антисемитизма, хотя, понятно, преемственно связанный с ранее существовавшими его разновидностями, прежде всего с нацифицированной советской.

Антисионизм, разрабатываемый в СССР в ходе антисемитских кампаний времен позднего сталинизма, прежде всего, отличался своим объектом, своей трактовкой врага – это не только народ как таковой, а созданное им «преступное государство» Израиль, его «человеконенавистническая» идеология – сионизм-расизм, его «подрывная политика». Таким образом, вместе с объявлением Израиля главным врагом СССР, а затем и всего «прогрессивного человечества» кардинально меняется антисемитская идеология, правда, с сохранением главной парадигмы тотального антисемитизма – парадигмы «всемирного еврейского заговора». Сообразно этим изменениям разрабатываются новая политика, стратегия и тактика борьбы с новым врагом. В дополнение к террору разрабатывается также и пропаганда, рассчитанная не только на советские массы, но и на вербовку союзников за рубежом, используемых в холодной войне с США. Таким образом, в необъявленной войне с Израилем именно в СССР воссоздается синтез террора, идеологии и пропаганды – этого типового отличия тоталитарных режимов, который становится и главной особенностью их модернизированных последователей¹²⁹.

Ханна Арендт, довоенная соотечественница Томаса Манна, принадлежащая к крупнейшим политическим философам XX века, в своем анализе восьми послевоенных лет сталинского тоталитаризма заключала, что институт террора, сложившийся в 30-е годы, оставался и после войны органической частью режима. Но на этом этапе, подчеркивает она, происходит «кардинальный переворот в идеологии». В чем его сущность? Он выразился, считает Ханна Арендт, в признании «существования всемирного заговора евреев». Идеологический поворот воплотился в цепь судебных процессов – Анны Паукер в Румынии, Рудольфа Сланского в Чехословакии и других. Все эти евреи руководители компартий обвинялись в сионизме, и в то же время все сионисты объявлялись «наемниками американского империализма». Того же рода обвинения предъявлялись и советским евреям и должны были стать обоснованием смертного приговора «врачам-вредителям». И Ханна Арендт резюмирует: «Открытое, бесстыдное принятие того, что весь мир считал существеннейшим отличием нацизма, было последним комплиментом Сталина его покойному коллеге и сопернику в деле тоталитарного господства, с которым он, к своему великому сожалению, не смог достичь долговременного соглашения»¹³⁰.

О сталинских антисемитских кампаниях Томас Манн не писал – они пришлись на последние нелегкие годы его жизни, омраченные потерей близких и

¹²⁹ См. Дымерская-Цигельман Л. Советские корни современного антисемитизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2.

¹³⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Киев, 2002. С. 28-29.

собственным нездоровьем. Но внимания к интересовавшим его всю жизнь вопросам – родство нацизма и русского коммунизма – он не утрачивает и тогда. В этом сходство позиций его и Ханны Арендт. В 1948 году он пишет о разительном сходстве разгромных кампаний против творческой интеллигенции в нацистской Германии и в СССР. И там, и там эти кампании служили прологом главного действия – тотальных репрессий против евреев.

В феврале 1948 года в письме Гансу Майеру Томас Манн рекомендует ему прочесть статью в журнале *Штимер*, автор которой, потрясенный, показывает, «что московские оценки искусства и предписания искусству в точности совпадают с оценками нацистов, и что русская революция клеветает на тех же ведущих представителей современного искусства, которых изгнал и запретил Геббельс – от имени народа».

От себя он добавляет: «Когда я вижу, как русские композиторы стоят на коленях, и слышу, как пустыми голосами они каются: да, да, мы были формалистами, и наше искусство было диссонантно, мы грешили, батюшка, и раскаиваемся, – мне становится жутко». И заключает: «От московской политики на меня веяло ужасом»¹³¹.

Разгромные идеологические кампании, целенаправленная травля композиторов и литераторов, генетиков и физиков плавно переросла в борьбу с «безродными космополитами», истинный объект которой обозначил чуткий фольклор: «чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». Советский антисемитизм, существовавший ранее латентно, в ходе кампаний 1948-1953 годов становится широко пропагандируемой государственной идеологией. Антисионизм, инициированный Сталиным, продолжал служить средством внутренней и в особенности внешней политики на всем протяжении существования СССР.

В годы стагнации ("застой") изобретается "фашизм под голубой звездой", и СССР - главный антисемит нового времени - тем самым обретает былой нибб главного антифашиста эпохи. И именно в таком качестве - "неоантифашизма" - нацеленный на еврейское государство антисемитизм получает широкое распространение как на исламистском Востоке, так и среди разнокалиберных леволиберальных движений на Западе. Начали проявляться симптомы цивилизационного зла XXI века.

Одоление цивилизационного Зла – нацизма – досталось невероятно дорогой ценой, а неистребимые корни тоталитаризма дают побеги и в наше время.

Великий провидец Томас Манн с самого начала постиг, насколько тесно переплетены судьбы еврейские с судьбами общечеловеческими. Он одним из первых

¹³¹ Манн Т. Письмо Г. Майеру / Сб. С. 327.

продемонстрировал цивилизационное измерение не только еврейского вклада в культуру, но и Катастрофы европейского еврейства. Он показал, каким предательским в отношении к собственной культуре и стране было бездействие демократий, превращавшееся в самоубийственное содействие нацизму, нацеленному на их уничтожение.

И я спрашиваю, не столкнулись ли мы, живущие в XXI веке, со схожими цивилизационными проблемами? Понимаем ли мы, что существует цивилизационное Зло нашего времени, изучаем ли мы его идеологию и политику, знакомы ли нам его вершители и его пособники? И, наконец, понимаем ли мы, какое значимое наследство оставил нам Томас Манн – великий мыслитель и наставник, великий писатель и художник, великий европеец? Ведь именно он своей жизнью и своим творчеством показал, как можно и нужно активно противостоять цивилизационному Злу и его пособникам – «пораженцам рода человеческого».

Хочется надеяться, что среди нынешнего и последующих поколений найдутся мыслители ранга Томаса Манна, способные освоить и преподать своим современникам его уроки, что среди них найдется достаточно тех, кто последует этим урокам, и что среди этих поколений появятся политики ранга Черчилля, способные сделать так, чтобы имя Европы, да и всей европейской цивилизации не осталось только «именем в истории».

IV. Политология

Михаил Минаков

Выбор 1991 года: как украинцы оценивают выбор в пользу национального государства, демократии и капитализма

Постсоветское пространство и время можно рассматривать как своеобразную «лабораторию истории», где на судьбах людей, малых групп и целых обществ ставили политические и экономические «эксперименты». В нашем случае эксперимент – это своеобразный жанр отношения элит к населению. В этом экспериментировании «теории» (националистические, неолиберальные и т.д.) задавали и цели, и методы для внедрения в практику государственного и национального строительства, проведения реформ, нормализации жизни после радикальных исторических событий. Но в отличие от советского периода с его «тоталитарным экспериментом» постсоветские процессы не имели единой руководящей силы, своего рода «экспериментатора», который бы планировал, осуществлял и отвечал за эти попытки. Постсоветские руководители и группы элит вокруг них (экспериментаторы), а также новые общества (подопытные) формировались вместе с программами собственных экспериментов, конкурировали за контроль над ними и участвовали в создании специфических идеологий нашей эпохи.

Внедрение институтов, которые делали бы демократию, национальные государства и капитализм функциональными, происходило в форме экспериментов начала 1990-х годов. Политическое воображение постсоветских элит о свободе, собственности и нации формировало политические и экономические практики первых лет независимости Украины и ее соседей. Жизнь больших и малых обществ распавшегося Советского Союза стала заложником политического воображения элит, в котором перемешались неолиберальные теории, националистические идеи начала XX века и элементы, присущие советской политической культуре.

После более 20 лет развития в отдельной стране, опыт жизни в новых условиях значительно изменил украинское общество по отношению к свободе, индивидуальной независимости, государственному суверенитету, безопасности, социальной безопасности, бедности и достатку. В этом отношении сформировался неповторимый современный «украинский опыт» и его идеологическое оформление.

Во время трагических событий Евромайдана я начал собирать данные, которые бы позволили понять идеологическое измерение «украинского опыта». Эта работа была продолжена во времена развертывания Донбасской войны и превращения ее в часть повседневности украинского общества. В результате собранных десятков интервью представителей противоборствующих групп и слоев населения современной Украины у меня собралось достаточно материалов, на основании которых можно провести своеобразное картографирование общества в терминах идеологических позиций касательно определенных событий и идей, которые наши современники признают важными и которые разделяют нас на солидарные, конкурирующие, а иногда враждующие лагеря.

В этой статье – на примере Украины – я рассмотрю, как фрагментируется постсоветское общество относительно событий, которые условно можно обозначить как *Выбор 1991 года*. То есть, речь пойдет о том, какие позиции возникают среди жителей Украины при оценке распада СССР, получения независимости, попытки установления демократического строя и свободного рынка, и тех последствий, к которым эти попытки привели. Моя гипотеза состоит в том, что принадлежность к общественным группам, сформированным во время Евромайдана и Донбасской войны, устанавливается одновременно с оценкой *Выбора 1991 года* и в значительной мере в зависимости от нее. А исследовательским вопросом является то, как именно организуется украинское общество под влиянием идеологической оценки *Выбора 1991 года* и его последствий, в частности, в долгий кризисный период между 2013 и 2017 годами? В соответствии с этими вопросами, в первой части статьи я опишу основные понятия, использованные в данном тексте; во второй части речь пойдет о методе сбора и анализа данных об оценках *Выбора 1991 года*; а в третьей будет дано описание обнаруженных идеологических позиций в украинском обществе.

В поисках общего блага: идеология и политика

Политическая коммуникация, идеологическое мышление и коллективная память – ключевые концепции для этого исследования. Поэтому в этой части я проясню, в каком именно смысле употребляются эти понятия. Кроме того, здесь будет рассмотрена значимость именно *Выбора 1991 года* как ключевого события для жителей Украины.

В этом исследовании я исхожу из коммуникативного понимания политики. Его основы были заложены еще Аристотелем¹. Аристотель определяет политику как нацеленную коммуникацию, которая одновременно является и взаимодействием,

¹ Aristoteles. (350 bce). Politics. 1252a / Perseus Greek edition. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0057>. Последнее посещение 1.06.2018.

и обменом информацией, и конкуренцией видения общего блага, и конструированием сообщества людей, признающих друг друга легитимными участниками и указанного обмена, и упомянутой конкуренции. Таким образом, политическое общение – это процесс построения сферы пребывания и взаимодействия людей вместе, в противостоянии и единстве, происходящий вокруг «наивысшего из благ».

Хотя понимание того, чем именно является это благо (безопасность, социальная справедливость, историческая справедливость, индивидуальная свобода, этническое превосходство, расовая чистота, «наш образ жизни» и т.п.) и различно, важно то, что политическое сообщество структурируется одновременно и как единый «политический организм»², и как группы несогласных между собой людей (например, социальные классы, конкурентные группы, гендерные группы, группы с разным доступом к ресурсам)³. Неоднородность и фрагментированность неизбежны в политических обществах, которые также имеют и общую политическую тождественность. Конкуренция групп происходит в виде борьбы партий, движений, сетей, клубов и тайных организаций, ставящих целью получение власти в определенной политической системе. А политическая идентичность проявляется в представлении об одном сообществе-нации и о едином государстве как группе властных институций, которые одновременно поддерживают режим монополии на насилие на определенной территории, предоставляют услуги контролируемому населению и имеют социальную, правовую и культурную легитимность (то есть люди в этих институтах и остальное население верят в свою общность и воспроизводят эту общность во взаимодействии и борьбе).

Политические идеологии проявляют себя как наборы убеждений, фрагментирующих население, привлекающих его к поддержке различных политических групп и делающих возможным динамику политических процессов, направляя политическую коммуникацию на конкретный результат. Этот результат можно описать как «коллективное выживание»⁴, или меньшую зависимость от естественной среды обитания, или справедливость доступа к имеющимся ресурсам⁵,

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. С.12.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т.4. С. 419–459; Hayek F. von. *Social Justice, Socialism and Democracy*. Sydney, Australia, 1979; Butler J. *Bodies that matter: On the discursive limits of sex*. L., 2011; и North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2009.

⁴ Moore B. *The Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966; Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. N.Y., 1990.

⁵ North D.C., Summerhill W., Weingast B.R. *Order, Disorder, and Economic Change: Latin America versus North America* // *Governing for Prosperity* / Ed. Mesquita B.B. de, Root H.L. New Haven, CT, 2000. P. 23-46.

или большее пространство для самовыражения человека⁶, или же, наконец, победу над другими политическими сообществами врагов⁷. Как бы отдельные политические идеологии не мотивировали конкуренцию между различными партиями внутри политического сообщества, одним из их общих результатов является продолжение существования этого сообщества и способность оно успешно конкурировать с другими в международной политике.

В последние десятилетия политическая эпистемология претерпела значительное развитие, что, в частности, привело и к различению политического и идеологического мышления-действия. Политическое мышление-действие связано с направленностью на принятие решения, воплощенного в реальность в случае успеха (получение властной позиции и реализация определенной программы действий). Идеологическое мышление – это «мышление о политике» и «касается форм и разнообразия взглядов людей... относительно центральных вопросов и проблем, с которыми встретились их общества: демократия, бедность, война, частная и публичная сферы, за которого из кандидатов голосовать и т.д., а также когда они конкурируют за значения применяемого ими языка и результатов, к которым ведут его ограничения и возможности»⁸. Это различие важно для того, чтобы понимать, что изъятое из непосредственного процесса принятия решений население тем не менее остается вовлеченным в «политическую коммуникацию» благодаря именно «идеологическому мышлению».

В современной сверхцентрализованной украинской олигополии, которая мало внимания уделяет даже базовым вопросам выживания населения и где у граждан ограничены возможности участия в принятии решений, идеологическая конкуренция тем не менее успешно привлекает граждан к участию в политической коммуникации. Несмотря на слабость партий и постоянное сомнительное качество выборов, украинские граждане достаточно активно участвуют в этих выборах⁹. Население все больше поддерживает государственную независимость¹⁰. Активность граждан преимущественно поощряют не столько политические институты, сколько коммуникативные. Именно СМИ, старые и новые, поддерживают вовлеченность и влияние украинской политической идентичности¹¹.

⁶ Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. N.Y., 2005.

⁷ Schmitt C. *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. Bonn, 1922.

⁸ Freedman M. Editorial: Thinking politically and thinking ideologically // *Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13:1. P. 1.

⁹ Пивоваров Ю. Чинники суспільно-політичної активності громадян України в дискурсі “розкол/розмежування” // *Політичний менеджмент*. 2009. № 1. С. 2-12.

¹⁰ Київський міжнародний інститут соціології. Зміни у ставленні громадян до суверенітету України: підсумки четвертого п'ятиріччя незалежності, серпень, 2006-2011, 12.12.2011 // <http://old.kiis.com.ua/pub/2011/August/08-01.doc>. Последнее посещение 12.01.2018.

¹¹ Заславська О.О. Засоби масової інформації як інструмент моделювання політичної свідомості у виборчій кампанії (на матеріалах президентських і парламентських виборів 2004–2006 рр.). Дисертація на здобуття ступеня канд. політ. наук: спец. 23.00.03 «Політична культура та ідеологія». К., 2009.

Это участие почти не влияет на пространство свобод или дохода граждан Украины, но постоянно находится на высоком уровне.

Наконец, учитывая нашу тему, к концепциям политической коммуникации и идеологического мышления следует добавить понятие памяти о важных событиях, которые учреждают политическую идентичность и начинают эру политической коммуникации именно этого сообщества. Среди большого количества исследований коллективной памяти для целей этого исследования важны суждения Джеффри Олика, который указывает на особую важность памяти об определенных ключевых событиях для функционирования политического сообщества в определенные периоды¹². Так, для Германии начала XXI века такими событиями являются Холокост и Поворот (Wende, воссоединение 1989 года). Память о Холокосте и Повороте фокусирует немецкие идеологические споры таким образом, что универсальные ценности свободы, ответственности, справедливости и солидарности артикулируются для сегодняшних активных поколений граждан языком этих коллективных «воспоминаний».

В украинских реалиях подобным ключевым событием является именно распад СССР, постсоветский социально-экономический кризис и начало независимости украинского государства. *Выбор 1991 года* выглядит своего рода «космическим событием», задающим коллективную перспективу политических, экономических и идеологических дискуссий – вместе с ее оптикой и языком. Именно это событие выглядит как начало для «нас» (политического сообщества) и именно с него начинаются те события, которые привели к существующему положению дел. Итак, для идеологического мышления современное состояние дел важно начинать описывать с самого «Начала», то есть *Выбора 1991 года*. Следовательно, оценивание этого выбора нужно и для понимания современности, и для видения будущего Украины.

Отдельно следует отметить, что социологические исследования последнего десятилетия подтверждают важность темы *Выбора 1991 года*. Так, данные Киевского международного института социологии (КМИС), социологической группы «Рейтинг» и Международного исследовательского центра Пью (The Pew Research Center), собранные и проанализированные посредством количественных методов, доказывают, что украинское общество разделяет мнение о важности этого выбора и делится на группы, по-разному оценивающие этот выбор¹³.

Вместе с тем, важность *Выбора 1991 года* еще не означает его одобрения. Исследование Центра Пью показало, например, что почти два десятилетия спустя

¹² Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. NY, L., 2007. P. 6ff.

¹³ Київський міжнародний інститут соціології. Зміни у ставленні громадян до суверенітету України: підсумки четвертого п'ятиріччя незалежності, серпень, 2006-2011, 12.12.2011 // <http://old.kiis.com.ua/pub/2011/August/08-01.doc>. Последнее посещение 12.01.2018; The Pew Research Center. Two Decades After the Wall's Fall: End of Communism Cheered But Now With More Reservations, 2009 // <http://www.pewglobal.org/files/pdf/267.pdf>. Последнее посещение 1.06.2018.

после обретения независимости одобрительное отношение к выбору в пользу демократии среди украинцев уменьшилось с 72% в 1991 г. до 30% в 2009 г.; выбор в пользу капитализма, то есть переход к свободному рынку, неолиберальной экономике, обществу рисков и частной инициативы уменьшился с 52% в 1991 г. до 36% в 2009 г.¹⁴

На фоне разочарования в украинских реалиях политических и экономических свобод парадоксальным выглядит тот факт, что поддержка выбора независимости медленно росла в 2000-х годах. Так, несмотря на значительный экономический кризис 2009 г., между 2006 и 2011 годами более 50% украинского населения устойчиво одобряло обретение независимости в 1991¹⁵.

По моему убеждению, сосуществование таких разных оценок независимости, демократии и рынка не является парадоксальным. Наоборот, здесь проявляется идеологическое мышление во всей своей силе. Личный и коллективный опыт пользования экономическими и политическими свободами украинцев свидетельствовал, что эти свободы не ведут ни к увеличению выбора, ни к реализации индивидуального решения на основе этого выбора. Как показывает исследование Европейского банка реконструкции и развития «Переход для всех: равные возможности в мире неравенства» и анализ данных этого исследования по Украине Сергея Гуриева, скептицизм украинцев по крайней мере относительно «выбора в пользу капитализма» вполне логичен: ни одна значительная социальная группа украинского населения, в отличие от большинства других посткоммунистических и постсоветских стран, от этого выбора не выиграла¹⁶. Таким образом, исследование Центра Пью говорит о достаточно рациональной оценке своего постсоветского опыта украинцами. Но идеологическое мышление работает так, что в момент перехода от опыта личного и общего опыта малых групп к выводу, касающегося своеобразного «метафизического» уровня – места в историческом времени и геополитическом пространстве сообщества, – этот личный опыт подчиняется анонимным структурам идентичности больших групп. Этот уровень как раз и описан в указанном выше исследовании КМИС. Анонимные структуры идеологии объединяют несовместимое, личный опыт и коллективные идентичности, надежду и бесперспективность, свободу и смирение. Именно поэтому, по моему мнению, так важно обращаться к анализу событий, которые структуриру-

¹⁴ The Pew Research Center. Two Decades After the Wall's Fall: End of Communism Cheered But Now With More Reservations, 2009 // <http://www.pewglobal.org/files/pdf/267.pdf>. Последнее посещение 1.06.2018.

¹⁵ Київський міжнародний інститут соціології. Зміни у ставленні громадян до суверенітету України: підсумки четвертого п'ятиріччя незалежності, серпень, 2006-2011, 12.12.2011 // <http://old.kiis.com.ua/pub/2011/August/08-01.doc>. Последнее посещение 12.01.2018.

¹⁶ European Bank of Reconstruction and Development. Transition report 2016-17: Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. Paris: EBRD, 2017 // <http://www.ebrd.com/transition-report>. Последнее посещение 1.06.2018; Гуриев С. Украинская катастрофа // Vox Ukraine. 11.01.2017. <https://voxukraine.org/2017/01/11/sergei-gurievs-speech-ru/>. Последнее посещение 1.06.2018.

ют общественные идентичности и проявляют разделения не только на социальные классы и слои, но и идеологически обусловленные группы. Как раз последние проявляют себя политически активными акторами – следовательно, понимание того, какие смыслы их формируют, важно и для понимания общества в целом.

Как спрашивать об общем благе: методы сбора и анализа данных

Данные, проанализированные в этой статье, были собраны в разговорах с людьми, которые живут в Украине и активно участвовали в политических событиях с декабря 2013 г. по январь 2017 г.

Проведение интервью и сбор информации были основаны на методе когнитивного интервьюирования. Когнитивное интервью – это одновременно: (а) сбор информации в разговоре с человеком, который понимает цель беседы, во время которой активизируются воспоминания о прошлом (личные и / или приобретенные коллективные) и происходит рефлексия относительно них¹⁷, а также (б) проверка интервьюером самого себя, собственных методов и установок, набора вопросов и искренности в прояснении задач своего исследования во время разговора с собеседниками¹⁸. Хотя этот метод связан с рефлексивной социологией и ее качественными методами исследований, а также с современными следственными практиками проведения допросов свидетелей, для меня, как политического философа и исследователя идеологий, этот метод является еще и утонченной герменевтической практикой откровенного разговора людей, переживающих общий опыт и общую ситуацию. Определенным образом, когнитивное интервью является чем-то обратным к сократовским диалогам, где хитроумный философ отчасти мистифицирует, отчасти ведет собеседников через вопросы-вехи к заранее известной истине. В мире идеологий, где на статус истины претендует каждое утверждение, исследование может происходить только через другой ориентир – достижение соглашения и взаимопонимания собеседников. По результатам же многих бесед со многими респондентами появляется возможность понять наше общество в определенный период его существования. И именно этим хорош метод когнитивного интервью.

Набор вопросов для интервью был несколько раз пересмотрен и уточнен, что также является частью метода¹⁹. В первом наборе вопросов говорилось о широком круге идеологических маркеров, включая отношение к: 1) частной собственности, 2) статусам украинского, русского и других используемых в Украине язы-

¹⁷ Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Boston, 1992. P. 12-13.

¹⁸ Willis G.B. Analysis of the cognitive interview in questionnaire design. Oxford, 2015. P. 16.

¹⁹ Ibid. P. 5.

ков, 3) выбору между президентской или парламентской республиками, 4) интеграции с Европой или Россией (или самоизоляции), 5) роли церкви в политике (и вопрос одной поместной православной церкви), 6) выбор в пользу демократии и рынка в 1991 г., 7) отношение к СССР, 8) отношение к сторонам Второй мировой войны (Красная Армия, УПА)²⁰. Однако в ходе интервьюирования уже в 2014 г. стало очевидным изменение отношения многих участников и к самим темам, и к готовности откровенно говорить на раздражающие темы. С началом войны (весна-лето 2014 года) и принятием «декоммунизационных» законов (весна 2015 года), которые по-своему символизируют установление идеологической монополии в Украине, а также политически и юридически питали рост подозрительности различных групп украинского общества друг к другу, немало собеседников начали отказываться от разговора уже после его начала не из-за недостатка времени или усталости, а из-за боязни высказывать собственные убеждения. Если во время интервью на Евромайдане был только один случай отказа от продолжения разговора после первого получаса, то с августа 2014 г. таких отказов стало примерно треть, а с июня 2015 г. – более половины. Подозрительнее всего мои собеседники относились к вопросам о советском прошлом, кризисе 1990-х годов и отношению к России.

Если в начале работы я ориентировался на рекомендации Фишера, Бреннан и Макколи по подготовке вопросов и работы с собеседниками, то в 2015 г. я ориентировался на более мягкие формы опроса и более долгий подготовительный период для выстраивания доверия между интервьюером и собеседником по советам Гордона Уиллиса²¹.

Все интервью, в соответствии с этапами развития противостояния и войны, а также и поведения собеседников, я разделил на несколько периодов:

период	время	собеседники (а) количество, б) язык общения укр. / рус., в) пол м / ж, д) основные позиции, е) возраст – старше 16 лет до 1991 / после 1991 года)	особенность проведения интервью
---------------	--------------	---	--

²⁰ Подробное описание начального метода сбора данных описано в: Minakov M. Utopian Images of the West and Russia Among Supporters and Opponents of the Euromaidan // Russian Politics & Law. 2015. Vol. 53:3. P. 68-85.

²¹ Fisher R.P., Brennan K.H., McCauley M.R. The cognitive interview method to enhance eyewitness recall // Memory and suggestibility in the forensic interview. 2002. Vol. 2:1, P. 23ff.

период Евромайдана	12.2013 – 02.2014	89 40/49 61/28 Евромайдан / Антимайдан 42/47 активисты обоих лагерей	собеседники мотиви- рованы говорить, лег- ко идут на контакт и откровенны в своих суждениях; сильно ангажированы в от- стаивании своей идео- логической и обще- ственной позиции
период от аннексии Крыма до начала ак- тивных бое- вых действий	03.2014 – 07.2014	40 18/22 19/21 Евромайдан / Антимайдан / все-неправы 24/16 активисты обоих лагерей, публичные интеллектуалы среди неприсоединившихся	собеседники мотиви- рованы говорить, лег- ко идут на контакт и откровенны в своих суждениях; часто при- знаются в дезориента- ции и наличии «не- скольких позиций в себе», не готовы от- стаивать свою заяв- ленную позицию, ча- сто меняют мнение во время разговора- рефлексии
период от Иловайской битвы до «декоммуни- зационных законов»	08.2014 – 06.2015	51 25/26 23/28 за Украину / за сепаратистов / не моя война 21/30 проукраинские активисты, сторонники сепаратизма (но не участники боевых орга- низаций), активные критики обеих сторон, народные де- путаты (7), госслужащие 1-2 категорий (7), военные (7), участники добровольческих батальонов (12)	активные боевые дей- ствия и поиск «рус- ских агентов в тылу» уменьшили готовность собеседников откро- венно говорить о части тем интервью; часто переспрашивают о том, где и каким обра- зом будут обнародова- ны данные о разговоре

период «привычной войны»	07.2015 – 01.2017	60 32/28 33/27 основные позиции 29/31 проукраинские активисты, интеллектуалы среди бежен- цев, активные критики сто- рон конфликта, народные депутаты (9), госслужащие 1-2 категорий (8), военные (12), участники доброволь- ческих батальонов (4), лиде- ры криминального мира (7)	война и определенная общественная подо- зрительность стали привычными и мень- ше влияют на (не)готовность гово- рить; вместе с тем от- крытость разговора часто требует завере- ний от интервьюера о безопасности данных; собеседники легко от- казываются от своих суждений, если слы- шат вопросы по про- верке уже сказанного
--------------------------------	----------------------	--	---

В этих интервью меня интересовала не репрезентативность, но откровенность и убедительность ответов, в которых есть данные о идеологических ориентирах собеседников, а также возможность экстраполяции данных из этих ответов на идеологическую ориентацию значительной части населения Украины.

Наконец, собранные ответы были проанализированы с помощью метода анализа речевых актов относительно политических и исторических событий, предложенного Квентином Скиннером²². В частности, я проверял ответы собеседников в трех измерениях применяемых ими оценочных высказываний: 1) употребление слова, характерное для этого собеседника в связи с заявленной позицией и своим пониманием «общего блага» (идеологический смысл); 2) соотношение понятия «со всей областью референций» (значение / референция к событиям прошлого) и 3) соотношение смысла и значения в выражениях.

Применив указанные методы и подходы, я получил следующие результаты.

Выбор 1991: конкуренция оценок

Собранные материалы по *Выбору 1991 года* позволяют говорить о том, что это событие ассоциируется у моих собеседников с несколькими совокупностями

²² Skinner Q. *Language and Political Change* // *Political Innovation and Conceptual Change* / Ed. Ball T., Farr J. et al. Cambridge, 1995. P. 6-23, P. 11ff.

слов и референций. В течение всего периода интервьюирования *Выбор 1991 года* ассоциировался со следующими узлами значений:

- 1) начало / конец порядка,
- 2) национальная государственность и независимость,
- 3) демократия и свобода,
- 4) капитализм и деньги.

Начало, конец и порядок. Одним из первых значений *Выбора 1991 года* является именно то, что он знаменовал собою начало нынешнего состояния дел в Украине. Как бы собеседники ни оценивали сложившееся положение, и как бы ни аргументировали в пользу своей оценки, 1991 год символизирует начало существующего порядка для всех.

Единственным исключением из этого является группа криминальных авторитетов, для которых начало связано с периодом 1988 г. (в общесоюзном смысле) или 1994-95 гг. (в сугубо украинском контексте). Первая дата ассоциируется со временем «реальной свободы», когда милиция уменьшила давление на уголовное сообщество, а экономические свободы и кооперативное движение создали новые источники обогащения. Другим «началом» эта группа называет середину 1990-х годов и приватизацию, по тем же обстоятельствам. Эта группа довольно интересно указывает на неразрывность позднесоветского и постсоветского политического и экономического порядка. Источники обогащения, поведение правоохранителей и условия заключения, по оценкам всех семерых собеседников, не изменились с 1988 по 1998 годы.

Несмотря на то, что собеседники называли 1991 г. началом, он одновременно назывался и концом – концом советской эпохи и предыдущего порядка. Для части респондентов это был конец легитимного порядка, для других концом «кошмара», периода неприемлемых условий существования.

Характерным для всех (кроме криминальных авторитетов) было равнодушное отношение к периоду до 1991 года. Судя по ответам, нормализация постсоветского политического и социально-экономического строя состоялась для всех социализированных жителей Украины, а нормы этого строя интернализированы в значительной степени. Именно поэтому, невзирая на критику отдельных аспектов этого строя, за ним признается статус порядка, легитимного положения дел и неоспоримой реальности.

Национальная государственность и независимость. Национальная государственность и независимость ассоциируются также с национализмом, потерей взаимопонимания между украино- и русскоязычными гражданами и неуверенностью в будущем. Фактически, в начале разговора с подавляющим большинством собеседников независимость оценивалась положительно и как важное начало, исходя из связи *независимости* и *порядка*. Вместе с тем, когда собеседники рефлексировали по поводу независимости и национальной государственности, они переходили к тому, что национальное государство становится также и проблемой для части населения, которое чаще всего в беседах называли «русскоязычными

украинцами». Разрыв между украинско- и русскоязычными группами признают все и связывают его с национальной природой государства. Но оценку этому дают по-разному: для части – это «естественный процесс», направленный на реализацию исторической справедливости (оправданной дискриминации) в отношении русскоязычных украинцев; для другой части – этот конфликт является результатом неправильной национальной политики и должен быть исправлен.

Следует отметить, что в период с 2015 г. слово «национализм» все более приобретает положительную окраску среди собеседников. Этим словом обозначают как стремление установить превосходство одной этноязыковой группы над другой на территории Украины, так и патриотизм, и поддержку украинской армии, и лояльность к правительству, и право на установление цензуры в СМИ, и контроль за гражданами по языковому и идеологическому признаку. В этой смеси рождается новое современное поле идеологических значений. Об этом поле пока рано судить детально, но очевидно, что общее представление о политико-идеологическом центре сдвинулось сильно к правому экстремуму.

Альтернативное видение национальных государств представили уголовные авторитеты. Они, в частности, ставили под сомнение важность установления национальных государств. Так, в шести из семи интервью мои собеседники говорили об иллюзорности государственных границ. Вместо этого они указывали на то, что «настоящие границы» – это границы влияния криминальных групп. Границы носят не всегда географический характер; они могут быть секторными или отраслевыми (игорный бизнес, коммерческий секс, контрабанда и т.д.). На фоне этих признанных уголовным миром границ государственные же являются менее устойчивыми и солидными. Но и эти уголовные пределы, по словам «авторитетов», имеют временную и изменчивую природу: изменение соотношения сил тех или иных группировок меняет и территорию или сектор влияния.

Таким образом, кроме криминальной группы, все собеседники утверждали, что национальное государство – важный элемент порядка и, отчасти, источник имеющихся в обществе конфликтов. Отношение к этому конфликту в значительной степени определяет границы идеологически оформленных групп.

Демократия и свобода. Важность демократии и свободы признали все группы, включая криминальную. Однако почти все собеседники связывали украинскую демократию с безответственностью и коррупцией. Нормативная значимость и практическая неубедительность демократических свобод создают своеобразное поле идеологического напряжения для украинцев.

Демократию мои собеседники в основном определяли как представление о форме правления «на Западе» и связанную с ней нормативностью. Эта форма правления для части из них является желанной для установления в Украине, а для части – крайне нежеланной. Однако каким бы ни было отношение к демократии, во время рефлексии раз за разом возникали сомнения относительно того, возможна ли демократия в Украине. Это сомнение уменьшалось, когда я предлагал сравнить положение дел с политическими свободами в России, Беларуси и

Украине: на фоне других восточноевропейских соседей наша страна оценивалась однозначно как «наиболее демократическая». Вместе с тем, сравнение Украины с «Западом» вело к признанию того, что «мы еще не готовы к демократии». Эти пространственно-временные сравнения работали одинаково в рефлексиях и этнонационалистически настроенных собеседников, и сверхтребовательных «против-всехов» (активных избирателей, отказывающихся поддерживать зарегистрированных кандидатов), и снисходительных «гражданских националистов».

Кроме того, для многих собеседников попытки установить демократию и практиковать политические свободы были важными событиями для страны и общества. Оранжевая революция и Евромайдан для информантов были попытками реализовать на практике *Выбор 1991 года*. Однако каждый раз выполнению обещаний политических свобод «что-то препятствовало». Как правило, препятствия возникали со стороны коррумпированных политиков и олигархов, которые забывали об обещанном на баррикадах.

Коррупция во всех группах признавалась, прежде всего, как недостаток демократии, отсутствие ответственности лидеров перед остальными гражданами, что проявляется во взяточничестве и кумовстве. Коррупция представляется как нечто связанное с невыполнением *Выбора 1991 года*, чем его проявлением. Очень часто источниками коррупции мои собеседники называли советский опыт. Только ностальгически настроенные по советскому прошлому называли коррупцию собственно инновацией, характерной для эпохи независимости Украины.

Уголовные авторитеты пренебрежительно отзывались о демократии, но с большим уважением – о свободе. Правда, для этой группы свобода является чем-то альтернативным политике и праву. Идеальная свобода – это «пребывание вне влияния государства и общества», в группе товарищей, которые разделяют общие правила и взгляды на жизнь.

Капитализм и деньги. К ряду первостепенных ассоциаций с капитализмом и деньгами принадлежат олигархия, предпринимательство и богатство / бедность.

Само слово «капитализм» вызывало негативное или, реже, нейтральное отношение. Для всех собеседников капитализм означает строй, где во главе угла – деньги и частная собственность, сосредоточенные в руках меньшинства-олигархов. Реже связывают капитализм со свободным рынком или предпринимательством. Все без исключения связывают капитализм с разделением на бедных и богатых, но характерным для всех собеседников является «естественность» и «нейтральность» этого разделения. Бедность не вызывает бурных негативных эмоций, а богатство почти для всех желанно.

Олигархия – явление, которое имеет общую негативную оценку. Для большинства собеседников олигархи – это те, кто воспользовался *Выбором 1991 года* и «свернул» или «испоганил» его. Даже при появлении «патриотических олигархов» (2014-15 гг.) мои респонденты продолжали называть их нелегитимными владельцами имущества, чей успех представляется как результат «кражи народ-

ного имущества» или «преступлений». Существование олигархов воспринимается как погрешность истории после *Выбора 1991 года*.

Среди криминальных авторитетов часть олигархов снискала уважение, а часть – пренебрежительное отношение. Здесь именно «наглость» поведения олигарха в 1990-е годы приобретает высокую оценку. А получение имущества посредством контроля властного поста не приносит олигарху уважения со стороны воровского общества.

Хотя разделение на бедных и богатых признавалось безоговорочным большинством моих собеседников, феномен бедности имеет общую негативную оценку. Радикально негативное отношение бедность вызвала среди радикальных этнонационалистов и тех собеседников, которые относились к СССР с ностальгией. У подавляющего большинства собеседников во время рефлексии возникали сомнения относительно неприкосновенности права собственности на имущество олигархов.

Отдельно следует отметить положительное или позитивно-нейтральное отношение к предпринимателям (собственно, мелким предпринимателям, неолигархам) и предпринимательству как таковым. Если «человек сам заработал своим трудом», то и «радикалы», и «ностальгические», и «против-всеихи» одинаково положительно относились к незыблемости права собственности таких предпринимателей.

В конце концов, капитализм и все, что с ним связано, также прочно ассоциируется с *Выбором 1991 года*. Даже среди воровских авторитетов наблюдается соглашение с тем, что приватизация – во многом «заслуга независимости». Однако именно этот аспект выбора вызвал наибольшие противоречия и разногласия.

Согласно указанному выше были определены шесть идеологически обусловленных групп украинского общества в отношении к *Выбору 1991 года* и ассоциированных с ним смысло-референционных узлов:

группа	отношение к независимости	отношение к демократии	отношение к капитализму
группа незавершенного выбора или «этнонационалисты»	положительное, но необходимо привести государственность и состав населения к этноязычной «чистоте»	негативное, пренебрежительное, может быть хорошим, если будет иметь этнонациональное содержание	хорошо, что люди могут зарабатывать; плохо, что делит нацию на бедных и богатых

<p>группа защитников <i>Выбора 1991 года</i> или «гражданские националисты»</p>	<p>одобрительное, «правильные решения» 1991 г. еще не все воплощены, шансам на осуществление мешают этнонационалисты и просоветские; союз «украино- и русскоязычных граждан» – ключевой для успеха Украины</p>	<p>положительное, демократия очень важна, свобода и толерантность возможны только при действенной демократии</p>	<p>положительное, свобода и толерантность возможны только при защищенной частной собственности и сильной экономике</p>
<p>группа с требованиями выполнить в полной мере интенции <i>Выбора 1991 года</i> или «противовсехи»</p>	<p>важное событие, могло быть хорошим началом, но не стало, надо воплотить обещания 1991 г. в реальность, нет никакой политсилы, способной на такое воплощение</p>	<p>очень одобрительное, свобода и толерантность возможны только при действенной демократии; необходимы реформы для установления «полной демократии»</p>	<p>сдержанно-одобрительное, «у нас неправильный (дикий) капитализм, порождающий олигархию», нужен капитализм для демократии</p>
<p>группа ностальгирующих по СССР или «советские»</p>	<p>негативное, источник социальных проблем и коррупции</p>	<p>сдержанно-одобрительное, «во времена Перестройки демократии было больше»</p>	<p>негативное, источник бедности и бесправия «народа»</p>
<p>славянофилы или «пророссийские»</p>	<p>негативное, неестественной разрыв Украины и России, источник всех проблем современности</p>	<p>отрицательное, «потому что это ненастоящая демократия», это – контроль Запада над Востоком; свобода важна, важно единство и сила в отношениях с Западом</p>	<p>важно для усиления экономики и взаимодействия Украины и России, отрицательный эффект через экономическое влияние Запада на Украину и Россию</p>

альтернативные или «криминал»	неважное событие, важнее были возникновение новой криминальной культуры, кооперативное движение и приватизация	нейтрально-негативное, коррупционный эффект демократии и межэтническая толерантность оценена положительно, уменьшение уважения к «старым» правилам и уважения к «старшим» – отрицательно	одобрительное отношение к приватизации, а также возможности «договариваться» с правоохранителями и судьями
-------------------------------	--	--	--

У этого деления есть определенные ограничения, учитывая, что по отношению к другим идеологическим маркерам (продажа земли, один или два государственных языка, вступление в НАТО, отношение к СССР и т.д.) эти группы иногда оказываются на общих позициях. Так, «советские» и «этнонационалисты» одинаково негативно и с похожей аргументацией выступают против частной собственности на землю и ее свободную продажу. Однако эти маркеры сами по себе не выступают ключевыми по определению идеологических позиций в украинском обществе.

Влиятельность *Выбора 1991 года* соотносима только с *Войной 2014-18* гг. Оба события во многом определяют группы в их отношении к политическим силам и мобилизуют к участию в политике невзирая на непосредственные личные интересы. Однако собранные материалы показывают, что группы, сформированные под влиянием оценок *Войны*, быстро меняются. Пока нет временного расстояния до идеологизированного события, это событие будет как источником идеологических разделений в обществе, так и источником неопределенности и непредсказуемости этих разделов.

Выводы

Собранные материалы и их анализ свидетельствуют о том, что в идеологической плоскости именно *Выбор 1991 года* выступает началом, истоком современного политического порядка и социально-экономического строя. Обретение независимости, начало политических реформ и экономическая трансформация стали теми событиями, которые заложили основание существующей социальной реальности и пространства политической коммуникации.

Именно в рамках этой реальности и в структурах этой коммуникации возникает и идеологически оформляется постсоветский украинский политический опыт. Этот опыт уточняется в виде фрагментирования украинского общества по отношению к тем событиям, которые были условно обозначены как *Выбор 1991 года*. Важно отметить, что выделенные выше шесть групп активно показали свое присутствие в трагических событиях последних трех лет. Несмотря на то, что тип мобилизации, действия или удержания от действий членов этих групп проясняется и относительно к Евромайдану, и к Донбасской войне, но прежде всего формируется по отношению к событиям 1991 года. В нарративах каждой из групп оценка текущих событий происходит через референцию к *Выбору 1991 года* как началу существующего порядка.

V. Страницы новейшей истории

Игорь Баринов

«Создать новый дух белорусской нации»: жизнь и смерть Фабиана Акинчица

Ранним мартовским утром 1943 г. в самом центре Минска, на третьем этаже дома номер 2 по Кирхенштрассе¹ раздались выстрелы. Через несколько минут двое молодых людей выскочили из подъезда и запрыгнули в поджидавший их автомобиль. Казалось, у них не было ни одного шанса покинуть место преступления: на втором этаже находилась казарма, в здании напротив – опорный пункт полиции, а недалеко располагался офис Вильгельма Кубе, генерального комиссара оккупированной Белоруссии, где всегда было полно охраны. Однако нападавшие смогли не только скрыться, но и благополучно покинуть город.

Уже к полудню весь Минск знал о том, что убит Фабиан Акинчиц, чьи резкие и желчные публикации не раз появлялись на страницах *Белорусской газеты*. Акинчиц был известен своими антисоветскими взглядами и вообще имел стойкую репутацию последовательного сторонника нацистов. Поговаривали, что у него был выход к политической верхушке рейха. Тем не менее, после убийства белорусская пресса – как в Минске, так и в Берлине – хранила гробовое молчание. Некролог в итоге так и не появился ни в одной из газет. Только немногочисленные соратники Акинчица выпустили в память о нем тоненький сборник, больше напоминавший подпольную брошюру².

Кем же, собственно, был погибший? Для участников белорусского движения Акинчиц, несмотря на свои броские национальные лозунги, был чужаком, у которого не было ни друзей, ни единомышленников³. В послевоенной диаспоре от него стремились отмежеваться, в первую очередь, из-за его сотрудничества с нацистами⁴. Наряду с этим, Акинчица выставляли беспринципным провокатором, готовым уничтожить белорусское движение изнутри ради собственной вы-

¹ Так после оккупации города в 1941 г. была переименована улица Революционная. У нее также существовало белорусское название – улица Рогнеды.

² Фабян Акінчыц. Ягонае жыццё і думкі. Менск, 1943.

³ Вініцкі А. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939-1951 гг. Мінск, 1994. С. 18.

⁴ Whiteruthenia (Bielarussia). Outlines of Whiteruthenia and the Whiteruthenian National Movement. [West Germany], 1947. P. 33.

годы⁵. По словам американского историка Александра Даллина, это был «патологический фанатик, бывший большевик, обернувшийся фашистом»⁶, хотя первые два определения не соответствовали действительности, а последнее было таковым лишь отчасти. У советских историков Акинчиц порой представлял в образе ни много ни мало «главы белорусских буржуазных националистов»⁷, при том, что когда-то он был в числе первых защитников советской власти.

Как представляется, масштаб личности Акинчица и значение его деятельности уже постфактум были сильно преувеличены. Его ликвидацию в разное время приписывали себе и «красные» партизаны, и даже сами националисты⁸. Обе стороны стремились преподнести это событие как свой значительный успех. На этом фоне слухи о связях Акинчица с нацистскими партийными структурами, а позже и спецслужбами, породили устойчивые мифы о нем, хотя ещё при его жизни немецкие авторы указывали, что никакого влияния он не имел⁹. Периодически он становился то кадровым разведчиком, то сотрудником одного из министерств рейха, претендуя чуть ли не на место центральной фигуры среди белорусских националистов.

Тем не менее, более пристальный анализ биографии Акинчица показывает, что он был тщеславным авантюристом с непомерными амбициями, который мало что представлял собой с политической точки зрения. Как и многие представители его поколения, успевшие пожить сразу в нескольких эпохах, Акинчиц то и дело оказывался в гуще событий. При этом его имя, как и в случае с Геростратом, осталось в истории скорее вопреки происходящему, чем благодаря ему.

Ad fontes

Согласно официальной биографии, Фабиан Окинчиц (тогда он еще писался через «о», на польский манер) родился 20 января 1886 г. на хуторе Окинчицы Минской губернии¹⁰, который почти сто лет спустя вошел в черту близлежащего городка Столбцы. Впоследствии это место будет всемирно известным. За четыре года до Фабиана на этом же хуторе в семье Михаила Мицкевича, местного лесника, родился сын Константин, который много позже под псевдонимом Якуб Колас станет классиком белорусской литературы. Напротив, как следует из документов,

⁵ Библиотека-музей Франциска Скорины в Лондоне (БМФС). Коллекция документов Рады БНР. Liste nominative des agents camouflés au service des étrangers contre le Mouvement de la Liberation Nationale Biélorussienne sur la terretoire Biélorussie Occidentale (polonaise). [Paris, 1949]. P. 1-2.

⁶ Dallin A. German rule in Russia, 1941-1945: a study of occupation policies. L., 1957. P. 213.

⁷ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. Минск, 1984. С. 357.

⁸ Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 351; Whiteruthenia (Bielarussia). P. 33.

⁹ Engelhardt E.v. Weißruthenien: Volk und Land. Berlin, 1943. P. 177.

¹⁰ Новы шлях. 1937. № 2. С. 1.

Окинчиц родился в Минске и был крещен в архикафедральном соборе Девы Марии в самом центре города. Много лет спустя его жизнь оборвется буквально в соседнем здании. Это не единственное странное совпадение в жизни Окинчица, которых будет еще достаточно. Родителями мальчика были потомственный дворянин Иван Окинчиц и его супруга Эмилия-Розалия Осмольская¹¹. Помимо сына в семье было еще три дочери.

Хотя в 1930-х гг. первенствующими для Окинчица стали «интересы белорусского народа»¹², значительная часть его жизни была связана с русским Северо-Западом. На рубеже веков семья Окинчицев оказалась в Великом Новгороде, где жила на улицах Забавской и Людогоще, известных еще со Средневековья. В Новгороде Фабиан посещал реальное училище, а в июне 1906 г. получил аттестат в местной мужской гимназии. Из десяти отметок «пять» было только по закону Божьему, в остальном – «4» и «3» (в последнем случае в том числе по русскому и немецкому языкам)¹³. Осенью 1907 г. он стал студентом юридического факультета Петербургского университета и следующие четыре года провел в столице империи.

Фабиан Окинчиц в студенческие годы. Петербург, 1907 г. Публикуется впервые.

¹¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 7, 18.

¹² Новы шлях. 1933. № 1. С. 2-3.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 7, 9, 17.

Параллельно с основной учебой Окинчиц с августа 1908 г. посещал в качестве вольнослушателя Археологический институт и тогда же успел жениться на Екатерине Ивановне Яксиной¹⁴, от которой впоследствии имел двоих детей¹⁵. Чтобы кормить семью, Окинчиц устроился вольнонаемным чиновником во 2-й департамент Правительствующего Сената, где прослужил около трех лет¹⁶. Армейская служба студенту не грозила – еще в юности ему был удален правый глаз, а левым он плохо видел¹⁷. Из-за этого еще до поступления Окинчиц был зачислен в запас¹⁸, а в возрасте из-за проблем со зрением стал носить темные очки.

Внешне жизнь Окинчица, старательного студента из хорошей семьи, рассчитывавшего сделать карьеру в столице, казалась вполне благополучной. Тем не менее, у нее была и другая сторона. Год между окончанием гимназии и поступлением в университет он провел в тюрьме. Как следует из материалов дела, 7 июня 1906 г., буквально через четыре дня после получения аттестата, Окинчиц был арестован по обвинению в «противоправительственной агитации» среди нижних чинов 199-го резервного Свирского полка, стоявшего в Аракчеевских казармах села Медведь близ Новгорода. По результатам расследования вчерашний школьник был признан виновным и 17 октября 1906 г. приговорен к году заключения в крепости¹⁹. Учитывая, что ему зачли срок предварительного содержания под стражей, освобожден Окинчиц как раз к моменту очередного набора в университет.

Насколько видно из материалов дела, в данном случае речь шла об эсеровской агитации. Партия социалистов-революционеров (сокращенно – эсеры) оформилась в первые годы XX в. и стала продолжателем старых народнических традиций, прежде всего, перехода к социализму некапиталистическим путем. Центральным пунктом в программе эсеров была социализация земли, то есть равный доступ к ней всех трудящихся с последующей организацией самоуправления. Определяющим моментом было то, что социализм в России должен начать свое развитие на селе. В этой связи важными в представлении эсеров были вопросы крестьянской самоорганизации, прежде всего, потребительской кооперации.

Разрабатывая свою программу, ранние эсеры имплицитно отталкивались от опыта знакомой им великорусской сердцевины страны, где имперская культура была главенствующей. Напротив, чем дальше на запад, тем больше империи приходилось конкурировать с носителями другой культурной парадигмы, которые могли выступить в роли альтернативных центров притяжения (в случае с немцами Балтики или поляками в Белоруссии и Литве). Это не могло не отра-

¹⁴ Там же. Л. 22, 26.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 9-9 об.

¹⁷ Там же. Л. 42 об, 60-61.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 5.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 124, оп. 44, д. 2887. Л. 1-4.

зяться на сообществах с другими культурами, которые, таким образом, оказывались между двух огней. Со временем это способствовало появлению в их среде двух движений – национального и социалистического.

Сила каждого из этих движений зависела от ряда факторов, не в последнюю очередь от исторической и политической традиции конкретного региона. Важно, однако, подчеркнуть, что указанные течения не противоречили одно другому – напротив, они шли параллельно, периодически пересекаясь. Так, в балтийских провинциях в революцию 1905-1907 гг. латышские крестьяне громили усадьбы помещиков-немцев, причем каждый выбирал, что ему больше не нравится – происхождение или социальный статус оппонента, или и то, и другое сразу. Программа Украинской народной партии, образованной в 1902 г. выходцами из Полтавской губернии, повторяла эсеровский тезис о социализации земли, но при этом оговаривала, что ее хозяевами могут быть только украинцы. В этом смысле случай белорусских губерний не был уникальным. Более того, уже в 1884 г. петербургские студенты-народовольцы, выпуская в Минске нелегальную газету *Гомон*, выдвигали, помимо прочего, требование культурной автономии для Белоруссии²⁰. Примечательно, что эти процессы пережили империю, в которой формировались.

В данном контексте, однако, нас будет интересовать иной вопрос. Длительное соперничество русско-имперского и польского интеграционных проектов на белорусской территории имело неожиданные последствия. В условиях неразвитости национального сознания и политического мышления у белорусов обе стороны становились для них проводниками самых разных идейных течений. С одной стороны, здесь нужно отметить роль традиции «краёвого» патриотизма и общепольского романтизма первой половины – середины XIX в.²¹ Считая, вслед за немецкими романтиками, что душа народа заключена в его фольклоре, образованные польские шляхтичи начинали интересоваться народным творчеством и историей родного края, постепенно ассоциируя себя с ним. Так сложилась белорусская литературная школа, ярким представителем которой стал Винценты Дунин-Марцинкевич²². Впоследствии она дала ощутимый стимул для формирования белорусской национальной идеи. Ее развили уже дети старых «краёвых» патриотов из числа шляхты – братья Луцкевичи, Иван Луцевич (Янка Купала) и другие.

С другой стороны, в начале XX в. новое поколение (прежде всего, уроженцы 1880-х гг., в том числе и Окинчиц) рассматривало свои задачи в более практическом и приближенном к реальности ключе. При этом, как отмечает историк Николай Вакар, исследовавший белорусское национальное движение, «для многих

²⁰ Vakar N. *Belorussia: The Making of a Nation*. Cambridge (Mass.), 1956. P. 83.

²¹ Лецька К.І. Вытокі і генезіс беларускага рамантызму XIX стагоддзя. Гродна, 2003. С. 20-30.

²² Gołabek J. *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz, poeta polsko-białoruski*. Wilno, 1932. P. 8-12. Об аналогичной украинской школе см.: Kwapiszewski M. *Późny romantyzm i Ukraina. Z dziejów motywu i życia literackiego*. Warszawa, 2006. P. 8-10.

было более естественным работать над всеобщим освобождением, чем над узко региональными интересами», из-за чего «русскую революционную литературу предпочитали националистическим памфлетам, изданным за рубежом»²³. В этом отношении неудивительно, что ряд персонажей, чьи имена стали известны уже во времена революции 1917 г., принадлежали скорее к общероссийским, чем к региональным социалистам. Среди прочих здесь можно назвать Всеволода Игнатовского, будущего академика и автора учебника по истории Белоруссии, и земляков Окинчица – Якуба Коласа и Язэпа Лёсика. Насколько можно судить, белорусская национальная компонента в равном объеме добавилась в их мышлении к социалистической уже после падения «тюрьмы народов».

К этой же когорте относился и Окинчиц. 26 января 1911 г. он был арестован при выходе из студенческой столовой и препровожден в Васильевскую полицейскую часть. Как считало следствие, еще в январе 1908 г. подозреваемый ездил в Новгород, где был избран членом райкома партии эсеров и участвовал в собрании, обсуждавшем вопрос организации местного отдела Всероссийского железнодорожного союза (хотя союз к тому времени уже почти год как не действовал). В 1909 г. его квартира якобы служила местом для временного хранения партийных изданий. Также, по версии следствия, Окинчиц являлся членом студенческой фракции и городской организации партии эсеров, агитировал за прекращение занятий и принимал участие в срыве лекций. В день ареста он, как предполагалось, посетил нелегальную студенческую сходку, после чего его решено было брать. После месяца предварительного заключения 26 февраля 1911 г. Окинчиц был приговорен к трехлетней ссылке в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции²⁴.

Изначально подозреваемый пытался все отрицать. Уже 29 января он написал премьер-министру Петру Столыпину, отметив, что «семейное и материальное положение» не могло толкнуть его «на столь скользкий и нерациональный путь»²⁵. Также Окинчиц направил пространное письмо в Особое совещание при Министерстве внутренних дел (оно рассматривало дела по преступлениям против государства). В нем проситель указывал, что обвинение ни на чем не основано, поскольку он все это время ходил на занятия, сдавал экзамены, в университете появлялся на час-полтора, на сходках никогда не бывал и вообще «по своим убеждениям» не может принять эсеровскую программу²⁶.

Тем не менее, Окинчицу не повезло: его арест произошел в годы министерства Льва Кассо (1910-1914), когда к политически неблагонадежным студентам относились особенно сурово. Из-за этого оба обращения Окинчица, равно как и прошение его матери отпустить сына к ней на поруки²⁷, не получили положитель-

²³ Vakar N. *Belorussia: The Making of a Nation*. P. 85, 91-92.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 2, 26 об; там же. 102 Д. 6, оп. 173, д. 132. Л. 3-3 об.

²⁵ Там же. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 14-15.

²⁶ Там же. Л. 9-10 об.

²⁷ Там же. 8-8 об.

го ответа. Уже в марте 1911 г. бывший студент прибыл по этапу к месту ссылки, в район Петрозаводска. По странному совпадению, в Петербурге Окинчиц жил на Петрозаводской улице²⁸.

Возникает вопрос, какое место занимала белорусская тема в сознании будущего лидера белорусских радикалов. Некоторые выводы на этот счет позволяют сделать публикации Окинчица, подготовленные им в ссылке. Большую часть срока он провел в селе Кондопога, а затем был переведен в другой волостной центр – Сямозеро²⁹. В этот период Окинчиц активно публикуется в местной земской печати, иногда под своей фамилией, но чаще под псевдонимом «Ф.О.». Всего за два года (с февраля 1912 по февраль 1914) из-под пера Окинчица вышло семь объёмных статей, по большей части на тему крестьянской повседневности. За это время речь ни разу не заходила о Белоруссии – напротив, автор обращался либо к опыту хорошо знакомой ему Новгородчины³⁰, либо делился впечатлениями от окружающего ландшафта, который даже порой называл «наш Олонецкий край»³¹. Более того, в одной из публикаций Окинчиц называет себя «русским»³².

Уже в своих ранних статьях недоучившийся студент предстает весьма амбициозными и самоуверенным. Обычный политический ссыльный, Окинчиц покровительственно рассуждает о важности просвещения для «поднятия умственного и культурного уровня нашего крестьянства», дает рекомендации по организации в провинции библиотечного дела и потребкооперации³³. Из раза в раз он подчеркивает невежество и предрассудки местных крестьян и ужасается депрессивности олонецкой глуши³⁴, учитывая, что он жил не так далеко от губернской столицы и, судя по всему, имел возможность свободно заниматься самообразованием и общественной деятельностью.

Как представляется, эта амбициозность, смешанная с непомерным самомнением, и тогда, и в дальнейшем являлась определяющей чертой характера Окинчица, сделав собственно политическую составляющую в его мировоззрении второстепенной. Кроме того, его характеризовало стремление быть единственным

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 22. Окинчиц был зарегистрирован в доме № 3, квартира 32.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 60; там же. Ф. 102 Д. 6, оп. 173, д. 132. Л. 1 об.

³⁰ Ф.О. [Фабиян Окинчиц] К вопросу о борьбе с пьянством // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 10. С. 3-5; № 11. С. 5-7; № 13. С. 22-24; № 15. С. 16-17.

³¹ Ф.О. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня) // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 3. С. 17-19; № 4. С. 15-17.

³² Окинчиц Ф. Излишний оптимизм // Вестник Олонецкого губернского земства. 1913. № 12. С.3.

³³ Ф.О. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня); Окинчиц Ф. Спектакль в пользу земской библиотеки-читальни в селе Кондопоге Петрозаводского уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 9. С. 18-19; Ф.О. О потребительских обществах // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 13. С. 7-9; № 15. С. 12-14; № 17. С. 7-10.

³⁴ Ф.О. Из деревенских впечатлений // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 13. С. 4-6; № 15. С. 7-9; № 16. С. 13-15; № 17. С. 18-19; Окинчиц Ф. Оздоровление деревни // Вестник Олонецкого губернского земства. 1914. № 3. С. 7-9; № 4. С. 3-6.

авторитетом в тех областях, которыми он интересовался. Впоследствии Окинчиц не раз будет, не стесняясь в выражениях, упрекать своих недавних соратников в недобросовестности, стремясь выставить себя обманувшимся в ожиданиях. При этом неясно, понимал ли он сам, что таким образом выглядит увлекающимся и неразборчивым в людях и средствах.

Тем временем, несмотря на пафос повествования об угнетенных обездоленных крестьянах, Окинчиц не оставлял надежды на собственную реабилитацию и возвращение в правовое поле империи. Так, 15 июня 1911 г. он отправил прошение на Высочайшее имя, в котором признавал свою принадлежность к эсерам. Как следовало из текста, проситель осознавал, «как сильно заблуждался и как виновен много перед престолом и Отечеством, принимая по своей неопытности и незнакомству с жизнью и истинной наукой вредные и преступные учения спасительными и полезными для народа» и обещал вновь стать «верным слугой престола и Отечества»³⁵. В письме на имя заместителя Столыпина, бывшего минского губернатора Павла Курлова, отправленном на следующий день, Окинчиц повторно каялся и просил помиловать его и за участие в сходке, и за старое дело 1906 г., и говорил, что хочет «безвозвратно порвать со своим прошлым и начать жить новой жизнью»³⁶.

Тем не менее, и ни эти, ни последующие прошения, ни три письма матери Окинчица не имели последствий³⁷. Лишь в январе 1913 г. из-за ухудшения зрения ссыльному было разрешено переехать в Вологду для отбывания остатка срока. Там его и застала амнистия по случаю 300-летия Дома Романовых. Ровно за год до окончания ссылки, 21 февраля 1913 г., Окинчиц был освобожден³⁸. Поскольку путь в Петербургский университет для него отныне был закрыт, в конце 1913 или начале 1914 гг. он сдал государственные экзамены в испытательной комиссии при Казанском университете и следующие два года работал помощником присяжного поверенного в Новгороде, откуда в апреле 1916 г. по неизвестной причине переехал в Уфу³⁹.

Казалось, что карьера и будущее безвозвратно загублены. Однако, менее чем через год разразилась Февральская революция, которая должна была стать звездным часом Окинчица. Он был избран в исполком Уфимского городского совета рабочих и солдатских депутатов⁴⁰, а после октябрьских событий в том же качестве стал членом губернского совета в родном Новгороде. Левые эсеры, к которым примыкал Окинчиц, создали коалицию с захватившими власть большевика-

³⁵ ГАРФ. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 29 об.-30.

³⁶ Там же. Л. 26 об.-27.

³⁷ Там же. Л. 36-40, 47-49, 53-55 об.

³⁸ Там же. Л. 60-61, 68-69.

³⁹ Там же. Л. 70; Там же. Ф. 102 Д. 6, оп. 173, д. 132. Л. 20.

⁴⁰ Мордвинцев Г.В. Март 1917 г. в Башкирии: хроника событий. Уфа, 1997. С. 62.

ми, и 4 декабря 1917 г. он был утвержден в должности новгородского губернского комиссара⁴¹.

Вероятно, тогда на собравшихся произвел впечатление интеллектуализм Окинчица. Тем не менее, его назидательные высказывания времен олонецкой ссылки имели мало общего с реальной властью, которую он получил. Один из старых соратников Окинчица по Новгороду, впоследствии репрессированный Клавдий Завалишин, вспоминал, что тот, оказавшись фактически в губернаторском кресле, просто не знал, как себя вести⁴². В этом смысле неудивительно, что Окинчиц достаточно быстро оставил свой ответственный пост. Секретарь Новгородского губкома партии большевиков Михаил Рошаль в своих мемуарах упоминал о каких-то «неблаговидных поступках» Окинчица, после которых тот был выведен из состава исполкома⁴³. Завалишин при этом уточняет, что речь шла о банальном пьянстве⁴⁴.

В течение весны 1918 г. отношения большевиков и левых эсеров прошли путь от противоречий вокруг заключения Брестского мира до полноценного конфликта, связанного с политикой на селе. Его высшей точкой стало эсеровское восстание в Москве и других городах в июле того же года. Примерно в это же время Окинчиц исчез, чтобы пять лет спустя появиться в Польше.

На пути в политику

До сих пор доподлинно неизвестно, где находился и что делал Окинчиц между сложением полномочий в Новгороде и появлением на исторической родине. По его собственному утверждению, все это время он жил в Киеве, где трудился в качестве обычного рабочего, пока в 1923 г. не выехал в Польшу⁴⁵. Тем не менее, среди документов госорганов Белорусской народной республики (БНР) сохранилась регистрационная карточка, предположительно заведенная в ноябре 1918 г. Как следует из нее, в Минск из «Великороссии» прибыл «бывший мировой судья и присяжный поверенный», окончивший «университет в Петрограде», «белорус» Фабиан Иванович Окинчиц⁴⁶. Учитывая, что он приехал один, непонятно, что стало с его семьей. В польских полицейских документах по состоянию на 1927 г.

⁴¹ Установление и упрочение Советской власти в Новгородской губернии, 1917-1918. Л., 1989. С. 42, 107-109.

⁴² Ярыш Т.Н. Революционные события 1917 года в воспоминаниях граждан. По документам Государственного архива новейшей политической истории Новгородской области // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998. С. 93.

⁴³ Рошаль М.Г. На путях революции: воспоминания большевика. М., 1957. С. 198.

⁴⁴ Ярыш. Революционные события 1917 года. С. 93.

⁴⁵ Новы шлях. 1937. № 2. С. 1.

⁴⁶ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Склад. С. Шупа. Т. 1. Вільня, 1998. С. 312-313.

он числился холостым⁴⁷. Вместе с Окинчицем в Польшу перебрался его сын Константин (родился 9 февраля 1911 г.), который, очевидно, не разделял его взглядов. Так, в годы обучения в Виленской белорусской гимназии Окинчиц-младший учился плохо (оставался на второй год). Продолжив образование в Варшаве, он вступил в польскую ультранационалистическую организацию «Фаланга» и стал одним из руководителей её боевых студенческих отрядов. Тем не менее, в годы войны Константин Окинчиц (вероятно, не без протекции отца) работал в белорусской редакции службы пропаганды «Винета» при министерстве Геббельса⁴⁸.

Перейдя на польскую сторону, Окинчиц поселился в районе Столбцов, где, по некоторым данным, устроился на работу школьным учителем⁴⁹. Оказавшись на белорусской территории, он стал писаться на местный манер – «Акинчиц». Изменив одну букву фамилии, он тем самым изменил себе всю биографию. Из «старой жизни» он теперь предпочитал упоминать только учебу в Петербурге и членство в партии эсеров, где он якобы занимал руководящие посты⁵⁰. Тем не менее, прошлое тяготело над Акинчицем, и впоследствии ему приходилось доказывать, что он не занимал политических постов у большевиков⁵¹.

Сложно однозначно судить, насколько в ту пору Акинчиц интересовался белорусским национальным движением. Как уже говорилось, до революции он писал о себе как о русском. В глазах старого имперского центра он, дворянин-католик из Минской губернии, безусловно, был поляком. Неслучайно анализ более поздней публицистики Акинчица выявляет его патерналистское отношение к белорусам. Не совсем ясно, какими именно факторами – национальными или социальными – была больше обусловлена его солидаризация с белорусским сообществом. Возможно, у Акинчица, попавшего на историческую родину, пробудился «краёвый» патриотизм, предполагавший общность судеб жителей «восточных кресов» старой Речи Посполитой независимо от их этнокультурного и социального происхождения⁵². В этом отношении показателен случай другого деятеля белорусского движения, Вацлава Ивановского. Выросший в дворянской католической семье на Виленщине, он относил себя к белорусам, при том, что его младший брат искренне считал себя литовцем. Примеры Окинчицев и Ивановских как раз наглядно характеризуют «плавающую» идентичность уроженцев бывших северо-западных губерний, когда человек мог под влиянием обстоятель-

⁴⁷ Российской государственной военной архив (РГВА). Ф. 312к, оп. 1, д. 2575, л. 113 об. (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 326. 16. kwietnia 1927. P. 6).

⁴⁸ Галяк Л. Успаміны. Кн. 1. [Нью-Ёрк], 1982. С. 54, 108-109. По словам автора, одноклассника Окинчица-младшего, после войны он выехал в США и жил в Детройте.

⁴⁹ Туронак Ю. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943) // Беларускі гістарычны агляд. 2007. Сш. 1-2. С. 81.

⁵⁰ Новы шлях. 1937. № 2. С. 1.

⁵¹ Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Минск, 1929. С. 181.

⁵² Смалянчук А.Ф. «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск, 2017. С. 10-11.

ств отказаться от своей изначальной «польскости». Этничность, как можно видеть, здесь не играла решающей роли.

Вместе с тем, не подлежит сомнению то, что Акинчица как эсера со стажем едва ли вдохновляла политика центрального польского правительства по отношению к белорусскому меньшинству. Известно, что его авторству иногда приписывали брошюру «Спекулянты белорусской душой», направленную против поляков и белорусских политиков-полонофилов⁵³. Поскольку она была выпущена «Союзом белорусского трудового крестьянства» (одной из радикальных белорусских эсеровских организаций) и по стилю отдаленно напоминала более поздние публикации Акинчица, можно предположить, что в начале 1920-х гг. он уже участвовал в политических баталиях на территории Польши. Установить это определенно пока что не удалось. Вместе с тем, в этом смысле интерес Акинчица к существованию Белорусской крестьянско-рабочей Громады стал закономерным. В 1926 г. он вступил в ряды этой организации и начал работать в качестве юрисконсульта в ее центральном аппарате.

Двухлетнее существование Громады (1925-1927) было по-своему уникальным и неповторимым. Фактически ее деятельность носила трансграничный характер и перекликалась с проходившей в Советском Союзе политикой белорусизации. Учитывая, что в Польше Громада была организацией меньшинства, национальный символизм здесь был более рельефным: как образно выразился Николай Вакар, «красные флаги свободно соседствовали с бело-красно-белыми»⁵⁴. В обоих случаях заметное место занимали некоторые бывшие эсеры, которые после промежуточного этапа – распада царской империи – сменили прежний общероссийский вектор на региональный.

Стоит отметить, что совмещение элементов национального романтизма (в рамках самоопределения) и социалистических идей здесь было совершенно естественным. Так, академик Игнатовский, ранняя биография которого напоминала жизненный путь Акинчица, находил конфликт буржуазии и трудящихся уже в раннефеодальной Полоцкой Руси. При этом, как считал Игнатовский, Великое княжество Литовское переняло высокую белорусскую культуру и язык Полоцкого княжества, которые белорусы сохранили и в ходе польской экспансии⁵⁵. Безусловно, такой подход был возможен только в первые годы советской власти, пока не наступила эпоха школы Покровского с девизом ее основателя «история – это политика, опрокинутая в прошлое».

Именно соответствие ряда политических устремлений Громады элементам тогдашней «генеральной линии» большевистской партии вызвало у польских властей подозрение в инспирировании и поддержке деятельности Громады со стороны Москвы. В этой связи возникали вопросы к источникам финансирования

⁵³ Спекулянты беларускай душой. [Вільня], 1921. С. 5-8, 14-18.

⁵⁴ Vakar. Belorussia: The Making of a Nation. P. 127.

⁵⁵ Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Вільня, 1927. С. 11, 35.

Громады, которые, по мнению поляков, не могли быть покрыты из собственных средств⁵⁶. Пугала Варшаву и массовость организации на фоне остальных белорусских структур. В итоге в январе 1927 г. руководство и ряд активистов Громады были арестованы, а сама она через два месяца запрещена польским правительством. Сам Акинчиц оказался под арестом еще раньше, 15 декабря 1926 г. – по официальным данным за участие в коммунистической (!) демонстрации под стенами виленской Лукишской тюрьмы четырьмя днями ранее⁵⁷.

На громком процессе по делу Громады, начавшимся 23 февраля 1928 г., она была названа организацией, «покушавшейся на государственное устройство Польши и ее территориальную целостность» с целью «установления советского строя и отрыва от Польши ее северо-восточных воеводств путем вооруженного восстания». По мнению следствия, активисты Громады «пообещали правительству Советской России военную помощь против Польши в случае начала войны между этими государствами»⁵⁸. Приговор, вынесенный Акинчицу 22 мая 1928 г., оказался суровым – восемь лет тюремного заключения⁵⁹. Однако менее чем через год по решению апелляционного суда его сократили на шесть лет⁶⁰, а к июню 1930 г. все обвиняемые оказались на свободе⁶¹.

Скорее всего, это решение было продиктовано вопросами общественной стабильности. Вместе с тем, оно стало одним из главных звеньев в цепи событий, которые обусловили окончательное расхождение сторонников национального и социалистического течений белорусского национального движения. Уже в июне 1930 г. в Белорусской ССР прошли первые аресты национально ориентированной интеллигенции и номенклатуры по сфабрикованному делу «Союза освобождения Белоруссии». Для тех политиков, которые допускали сосуществование национальной идеи и «социалистического строительства», был введен термин «национал-демократическая контрреволюция». Их обвиняли в том, что, являясь наследниками белорусского национального движения начала XX в., они продвигали местный культурный регионализм, «идеологию мелкой шляхты и деревенского кулачества»⁶².

Не осталось в стороне и дело Громады. По мнению советской стороны, туда с самого начала намеренно «пролезли» социалисты небольшевистского направления, прежде всего эсеры, которые боролись против «революционного движения

⁵⁶ Ełski S. Sprawa białoruska: zarys historyczno-polityczny. Warszawa, 1931. P. 63-64.

⁵⁷ РГВА. Ф. 312к, оп. 1, д. 2575, л. 113 об. (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 326. 16. kwietnia 1927. P. 6).

⁵⁸ Proces białoruskiej włościańsko-robotniczej Hramady. Wilno, 1928. P. 3.

⁵⁹ РГВА. Ф. 312к, оп. 1, д. 2576, л. 196 об. (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 388. 23. czerwca 1928. P. 14).

⁶⁰ Там же. Л. 541 (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 431. 20. kwietnia 1929. P. 15).

⁶¹ Ełski. Sprawa białoruska. P. 66.

⁶² Вольфсон С.Я. «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі. Т. 1. Ч. 1. Менск, 1931. С.8-11.

рабочих и крестьян»⁶³, и теперь вместе с «польским империализмом» готовили «почву для нападения на СССР»⁶⁴. В условиях подавления польскими властями белорусских организаций Москве было важно отделить зерна от плевел. Те активисты Громады, кто после освобождения не покинули польскую территорию и не задекларировали своей прокоммунистической позиции (как это сделал, к примеру, Тарашкевич⁶⁵), автоматически зачислялись в «согласатели» и польские шпионы. Так произошло и с Акинчицем. С того момента он фигурировал в советской печати в качестве «агента дефензивы» (польской разведки и контрразведки)⁶⁶, хотя всего пару лет назад, во время процесса Громады, о нем писали весьма сочувственно⁶⁷. При этом реально польские спецслужбы едва ли интересовались им. По крайней мере, среди сохранившихся документов агентуры и осведомителей его дело отсутствует⁶⁸. Напротив, в послевоенном меморандуме Рады БНР подчёркивалось, что в своё время Акинчиц успел побывать и шпионом Коминтерна, и агентом польской тайной полиции⁶⁹.

Несмотря на разгром Громады, Акинчиц считал, что с «польским обществом» по-прежнему можно было вести диалог. Осенью 1930 г. он вошел в Центральный союз культурных и хозяйственных организаций (Центросоюз), претендовавший на «наследие» Громады. Как вскоре оказалось, это было не самое лучшее решение. Центросоюз оказался неповоротливым в тактическом и слабым в политическом отношении, а различные группы внутри него сталкивались между собой, что в итоге привело к расколу организации. Уже весной 1931 г. Акинчиц покинул его ряды и попытался создать собственную массовую политическую организацию «Возрождение», однако дело не пошло⁷⁰.

Что же мешало Акинчицу воплотить в жизнь свои лидерские амбиции? Насколько можно судить, свою роль здесь сыграли как общие, так и более частные, личные факторы. В первом случае Акинчиц продолжал действовать в рамках старой, еще левоэсеровской концепции, в которой социалистические преобразования для всех не отрицали развитие национального самоопределения отдельного сообщества. Тем временем, авторитарный поворот 1920-30-х гг., затронувший большинство европейских стран и происходивший одновременно с упрочением Советского Союза, подверг ревизии само понятие «социализм». Наиболее характерным стал пример Германии, где «национал-социализм» подразумевал построение благополучия для отдельной взятой нации.

⁶³ Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. Минск, 1935. С.263.

⁶⁴ Сологуб Ал. Классовая борьба в литературе Западной Белоруссии // Литература и искусство. 1931. № 9-10. С. 42.

⁶⁵ Ełski. Sprawa białoruska. P. 67-69.

⁶⁶ Вольфсон. «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі. С. 78.

⁶⁷ Западная Белоруссия на скамье подсудимых. С. 107-108, 181.

⁶⁸ РГВА. Ф. 308к, оп. 7 (отдел II-B).

⁶⁹ БМФС. Коллекция документов Рады БНР. Liste nominative... P. 1-2.

⁷⁰ Туронак. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943). С. 81.

Напротив, в СССР построением коммунизма, как следовало из официальной позиции советского руководства, занималась «братская семья народов», среди которых на тот момент еще не было «старшего русского брата». Европейские социалисты, не разделявшие подход большевиков, рассматривались ими как союзники буржуазии, а, следовательно, фашизма. Эта схема действовала и в обратном направлении – у себя на родине человек социалистических взглядов неминуемо навлекал на себя подозрение в симпатиях к советской России, даже несмотря на то, что в самом СССР он мог восприниматься как идейный противник.

С другой стороны, Акинчицу могло элементарно не хватать тех качеств, которые нужны харизматическому лидеру. Очевидно, большинство людей не могло оценить его интеллектуальных построений, а заносчивость отталкивала от него соратников. Чтобы скрыть нехватку чутья и оправдать свою политическую близорукость, Акинчиц каждый раз стремился представлять себя прямолинейным и благородным борцом за истину. Так, своих бывших соратников по Громаде и Центросоюзу он клеймил за лицемерие и финансовую нечистоплотность⁷¹, именую их «шайкой аферистов, не имеющих никакой идеологии»⁷².

Скорее всего, поворот к радикальному национализму в сознании Акинчица произошел именно в начале 1930-х гг. Этому, очевидно, способствовали две основных причины. В первую очередь, речь шла о действиях советской власти. Первичными здесь опять же были события, связанные с коллективизацией⁷³, осуждение репрессий по отношению к белорусской интеллигенции добавилось позднее⁷⁴. Свое влияние оказало и равнодушие к белорусской теме польской общественности, с которой предполагалось сотрудничать⁷⁵. На этом фоне Акинчиц, не найдя себя ни в одном из идейных лагерей, решил создать свое собственное, ни на что не похожее движение – белорусский национал-социализм.

Свой среди чужих, чужой среди своих

В начале 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты, а уже в ноябре того же года в Вильно вышел первый номер газеты *Новый путь*, органа «белорусской национал-социалистической мысли». Хотя впоследствии она будет выходить нерегулярно, общее впечатление можно было составить уже по первым выпускам. Так, новая платформа предполагала «перестройку социально-экономической и общественной жизни на социалистических основаниях, прежде всего имея в виду интересы белорусского народа». При этом общество мыслилось как «бесклассовая рабочая семья», государство – как «республика трудящихся», а отно-

⁷¹ Акінчыц. Правакацыя беларускага народу. Вільня, 1933. С. 6-9.

⁷² Беларуская праўда (Вільня, 12 траўня 1931). С. 1-2.

⁷³ Акінчыц Ф. На аграрныя тэмы // Беларускі звон. 1931. № 7. С. 2.

⁷⁴ Акінчыц. Правакацыя беларускага народу. С. 9-10.

⁷⁵ Новы шлях. 1937. № 2. С. 2.

шения с другими народами должны были строиться исходя из того, как «они относятся к белорусам»⁷⁶. В дальнейшем сюда добавились идеи ликвидации крупной частной собственности, «освобождения от капитала», антипарламентаристские и антиклерикальные лозунги⁷⁷.

Как можно видеть, концепция «белорусского национала-социализма», предложенная Акинчицем, была весьма своеобразной. На первый взгляд может показаться, что она представляла собой идейную мешанину из элементов нацизма и итальянского фашизма с добавлением локальной специфики. Именно так и думали советские авторы, считая партию Акинчица продолжением «польского фашизма»⁷⁸, при том, что польская полиция периодически арестовывала тиражи *Нового пути*. Тем не менее, в основе движения лежало стремление его предводителя усидеть сразу на двух стульях, быть одновременно и ультраправым, и ультралевым. Выдвигая тезис о восстановлении независимой и суверенной Белоруссии в этнографических границах⁷⁹, Акинчиц видел в качестве основы будущего государства самоуправляемые общины, представления о которых черпал у Оуэна и Фурье⁸⁰.

Фабиан Акинчиц в окружении соратников. Вильно, 1937 г.

Очевидно, Акинчиц и его соратники вполне искренне полагали, что Гитлер будет работать в обоих направлениях – и национальном, и социалистическом, как было заявлено в названии его партии. Более того, белорусские национал-социалисты считали Гитлера левым (!), которому еще предстоит борьба с «капиталистической реакцией»⁸¹. В этом смысле антисемитские публикации Акинчи-

⁷⁶ Новы шлях. 1933. № 1. С. 2-3.

⁷⁷ Новы шлях. 1933. № 1. С. 3; 1934. № 3. С. 1-2.

⁷⁸ Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. С. 278.

⁷⁹ Новы шлях. 1934. № 3. С. 1.

⁸⁰ Подробнее см.: Акинчыц Ф. Аграрна-кааператыўная палітыка будучыні. Вільня, 1936.

⁸¹ Новы шлях. 1934. № 5. С. 6; 1935. № 1. С. 4.

ца⁸² выглядят скорее попыткой реверанса в сторону «коллеги» – тот факт, что все это время одним из государственных языков Белорусской ССР был идиш, Акинчица не смущало. С другой стороны, белорусские национал-социалисты не стремились слепо подражать нацизму, и некоторые планы Гитлера, в частности, идея экспансии на Восток, даже вызывали у них опасения⁸³. Изначальная ориентация на Германию была обусловлена скорее разочарованием в Польше, чем вероятной идеологической близостью, которой по сути не было.

Следует отметить, что у германской стороны действительно существовало опасение по поводу того, что Польша может оспорить территориальную целостность рейха. Созданное при Прусском государственном архиве в Берлине бюро публикаций (*Publikationsstelle*) отслеживало все, что печаталось в Польше и имело хоть какое-то отношение к указанной теме. В этом отношении вопрос меньшинств (за исключением еврейского) в качестве инструмента вероятной дестабилизации польского государства в определенной степени интересовал нацистов. Белорусская тематика тоже рассматривалась в этом разрезе, однако ею занимались не политические, а экономико-демографические структуры, особенно если речь шла о непосредственном соприкосновении белорусских регионов с рейхом⁸⁴.

В любом случае, до начала 1939 г., когда германо-польский конфликт перешел в «горячую» стадию, белорусский фактор оставался для нацистов глубоко периферийным. В этой связи информация о контактах Акинчица с нацистскими структурами и его вербовке со стороны гестапо, которую можно встретить как в литературе, так и документах⁸⁵, представляется сильно преувеличенной. Видимо, в заблуждение здесь вводит совпадение названий двух партий. Тем не менее, группа Акинчица была «настолько незначительной, что немцы не связывали с ней никаких надежд»⁸⁶. Примечательно, что и польские власти не ассоциировали белорусских национал-социалистов с Германией, когда в 1937 г. запретили их деятельность в 150-километровой полосе советской, а не немецкой границы⁸⁷.

Неизвестно, на что рассчитывал Акинчиц, когда в 1939 г. прибыл в Берлин. Организуя белорусские структуры, нацисты стремились отталкиваться от действующего политического представительства в диаспоре. Так, первым руководителем Белорусского комитета самопомощи стал бывший консул БНР в Берлине Андрей Боровский. Впоследствии комитет возглавил Николай Абрамчик, будущий глава Рады БНР. В созданном накануне вторжения в СССР Белорусском

⁸² Ф.А. Жыды на Беларусі // Новы шлях. 1934. № 3. С. 7-8.

⁸³ Новы шлях. 1934. № 1. С. 7.

⁸⁴ Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem nahen Osten. Berlin, 1940. P. 31.

⁸⁵ Туронак. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943). С. 82; БМФС. Коллекция документов Рады БНР. Liste nominative... P. 2.

⁸⁶ Dallin. German rule in Russia. P. 213.

⁸⁷ Туронак. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943). С. 81.

национальном центре заметную роль играли представители белорусского комитета, заседавшего в Вильно.

Ни в одну из этих организаций Акинчиц не попал. Ему не доверили возглавить даже чисто техническое по своей сути Белорусское представительство, призванное выявлять и сортировать людей белорусского происхождения на территориях, подконтрольных Германии. Очевидно, немцы полностью отдавали себе отчет в том, что перед ними – предводитель маргинальной политической группы с весьма смутной программой. Вероятно, они и не стали бы прибегать к услугам Акинчица, однако ему помогла общая идеология гитлеровской бюрократии. Ее главные особенности заключались в полном охвате политического поля и дублировании компетенций во избежание концентрации власти в одних руках. Узнав о журналистской активности Акинчица, власти рейха предложили ему работу по специальности, и он некоторое время участвовал в выпуске белорусской газеты *Раніца* («Утро»)»⁸⁸. В этом отношении стремление советских авторов видеть в Акинчице «крупного немецкого агента»⁸⁹ было скорее желаемым, чем действительным.

Как известно, краеугольным камнем всей нацистской оккупационной политики на Востоке был вопрос, давать ли местным сообществам политическую самостоятельность. Представители вермахта и СС считали, что белорусская территория в первую очередь должна обеспечивать текущие военно-экономические потребности рейха. Их оппоненты из Министерства по делам оккупированных восточных областей, напротив, рассматривали возможность уступок местному населению⁹⁰. Гражданская администрация в лице генерального комиссара Вильгельма Кубе поддерживала создание легальных белорусских институций для демонстрации доброй воли оккупационных властей, а также для лучшего контроля над захваченной территорией. Так, на территории Белоруссии были открыты школы (их инспектором стал член Белорусского национального центра Винцент Годлевский) и организована Белорусская народная самопомощь, занимавшаяся вопросами социальной политики (ее возглавил известный в диаспоре бывший дипломатический работник БНР Иван Ермаченко).

Несмотря на это, в среде белорусских националистов шли дискуссии относительно будущего сотрудничества с нацистами. Уже после войны в изданиях диаспоры указывалось, что «разумные люди» в Белоруссии осознавали, что немцы ничем не отличались от прежней власти, и стремились «задавить белорусское движение, набравшее силу после ухода большевиков». С целью не допустить этого при непосредственном участии Годлевского начала свою работу Белорусская партия независимости (Беларуская Незалежніцкая Партыя, БНП)⁹¹.

⁸⁸ Вініцкі А. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне. С. 12.

⁸⁹ Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1959. С. 34.

⁹⁰ Dallin. German rule in Russia. P. 201f.

⁹¹ Whiteruthenia (Bielarussia). P. 30-32.

Эта организация во многом остается загадочной – точно неизвестно, когда и где она была основана и сколько людей в ней состояло. Вопрос о сотрудничестве руководства партии с немецкими спецслужбами также остается дискуссионным. Идеино и структурно БНП напоминала украинских националистов из волянской Полесской сечи, которые ради идеи независимой Украины могли ситуативно сотрудничать и с нацистами, и с советскими партизанами. Напротив, Ермаченко продолжал работать с оккупационными властями в ранге советника Кубе, видевшего в нем «белорусского Квислинга»⁹².

Эта сложная ситуация развивалась на фоне перманентного противоборства двух указанных оккупационных структур. Каждый раз попытки реализовать собственную программу действий приводили к серьезным столкновениям силовых и гражданских ведомств, взаимному игнорированию распоряжений и политическим интригам на самом верху. В данном случае ситуация крутилась вокруг соперничества Розенберга и Гимmlера. Каждый из них не только олицетворял свою концепцию, но и стремился стать главным куратором оккупационной политики на Востоке. Тем не менее, в отличие от имперского министра, Гимmlер был куда более искусен в кадровой политике и методично расставлял своих людей на ключевые посты. Свой кандидат у него были и на место Кубе, чье нахождение на посту генерального комиссара укрепляло позиции Розенберга.

Именно в этот момент Акинчиц по роковому для него (впрочем, как и для других участников событий) совпадению оказался в нужное время и в нужном месте. Деятельность Годлевского и Ермаченко неподдельно раздражала его, так как он сам намеревался быть «строителем белорусского государства под немецким протекторатом»⁹³, но пока что ничего осязаемого для этого не сделал. Существует предположение, что и в лагерь для подготовки пропагандистов Акинчиц напросился специально, чтобы создать себе ударную группу сторонников и упрочить свое положение⁹⁴. Те же эмоции Ермаченко и Годлевский вызывали и у сторонников «силовой» линии в оккупационной политике, с той лишь разницей, что они не допускали существования белорусской государственности ни в какой форме.

Остается неизвестным, возник ли тогда непосредственный контакт между Акинчицем и представителями германской службы безопасности (СД). Более вероятен тот сценарий, что его использовали вслепую. В любом случае, тщеславие и самоуверенность вновь сыграли с Акинчицем злую шутку. Убежденный в своей незаменимости, он и предложить не мог, что является не единственным участником в разыгранной спецслужбами партии. В характерной для себя манере Акинчиц громогласно именовал Ермаченко саботажником, что позволило СД обвинить последнего в государственной измене⁹⁵. В это же время начальник бело-

⁹² Dallin. *German rule in Russia*. P. 217.

⁹³ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 90.

⁹⁴ Вініцкі. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне. С. 17.

⁹⁵ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 90.

русской полиции в Минске Юлиан Сакович спокойно, но методично компрометировал перед властями Годлевского, который в итоге был арестован и впоследствии ликвидирован⁹⁶.

Не стоит говорить о том, что Гимmlера не интересовали белорусы, и его действия в реальности были направлены против Кубе и далее – против Розенберга. Тем не менее, активисты БНП рассудили по-своему. Шумная газетная кампания, начатая Акинчицем, навлекла на него подозрение в организации ареста Годлевского. Одновременно с этим антипартизанская риторика публикаций привлекла к его персоне внимание советского подполья. Примечательно, что в этом случае даже не приходится говорить о совпадении намерений двух сторон. Хотя БНП в целом стояла на антисоветских позициях, есть сведения, что часть ее членов все же сотрудничала с коммунистами⁹⁷. Из-за этого трудно говорить о том, кто же был непосредственным ликвидатором – «незалежник», переметнувшийся к советским партизанам, или наоборот.

Что касается самого убийства, то даже по прошествии многих десятилетий с его обстоятельствами по-прежнему много неясного. Так, не является очевидным, кто был заинтересован в устранении Акинчица. Как уже говорилось, в советской печати он превратился в центральную фигуру белорусских радикалов уже после своей гибели. Очевидно, тем самым советская сторона стремилась подчеркнуть, что партизаны не тратили силы на мелких и незначительных гитлеровских агентов. Та же самая аргументация применима и к БНП. В литературе высказывалось предположение, что покушение на Акинчица в целях самообороны организовал Ермаченко⁹⁸, при этом остается неясным, какие средства он мог использовать.

Нельзя до конца отвергать и версию об участии германских спецслужб. Непонятно, в какой еще степени СД планировала использовать Акинчица. Вполне возможно, что мертвый он был выгоднее нацистам, чем живой. В пользу этой версии говорят сразу несколько фактов. Во-первых, в ведомстве Гимmlера знали наверняка, когда Акинчиц снова отправится в Белоруссию и где будет жить. Стоит отметить, что в беллетризованных материалах о подпольщиках их показания разнятся. В одном случае говорится, что покушение планировалось на Владислава Козловского, главного редактора *Белорусской газеты*, а ночевавшего в его квартире Акинчица обнаружили чуть ли не случайно⁹⁹. При этом в более ранней версии покушавшиеся шли убивать именно последнего¹⁰⁰. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Козловский уцелел, хотя кроме них в квартире никого не было.

⁹⁶ Dallin. German rule in Russia. P. 216.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 92.

⁹⁹ Всенародная борьба в Белоруссии... С. 358.

¹⁰⁰ Герои подполья: о подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. М., 1970. С. 65.

С другой стороны, СД могло воспользоваться уверенностью Акинчица в том, что он находится под ее покровительством. По воспоминаниям, полуслепой журналист без колебаний открыл дверь ранним визитерам. Стрелявшие, в свою очередь, смогли беспрепятственно покинуть место происшествия. Примечательно, что в июне 1943 г., через три месяца после смерти Акинчица, в Лиде при невыясненных обстоятельствах был убит и Сакович. Очевидно, после достижения своей цели (Годлевский погиб, а Ермаченко был арестован и выслан из Белоруссии) СД могла самоустраниться, чтобы таким образом избавиться от своих агентов чужими руками. В любом случае, когда в начале 1943 г. Акинчиц вновь появился в Минске, то он был уже обречен.

* * *

В очередную переломную европейскую эпоху 1919-1939 гг. бывали случаи, когда левые активисты по каким-то причинам становились правыми и, наоборот, когда правые «левели». Немецкий коммунист Карл Альбрехт, крупный функционер в довоенном СССР, впоследствии вернулся в Германию, где вступил в нацистскую партию и стал работать в ведомстве пропаганды. Напротив, Отто Штрассер оказался для нацистского движения «слишком левым» и в итоге покинул ряды НСДАП.

В этом смысле восточноевропейским сообществам с их «запаздывающим» типом экономического и национального развития было гораздо труднее. Еще с имперских времен в политическом отношении для них было характерно перетекание социалистического в националистическое, и наоборот. Порой эти течения было очень непросто разграничить, однако в тот исторический период это не являлось принципиальным. В ситуации, когда правые стали именовать левых «большевиками», а те в ответ называть правых «фашистами», положение заметно изменилось, и на те партии, которые оказывались между двух огней, обрушивался гнев обеих сторон. Так было, к примеру, с Украинским национально-демократическим объединением. В представлении советской стороны оно из-за своей яркой национальной окраски, безусловно, было «буржуазно-националистическим», практически «фашистским». Для ОУН же национал-демократы были «соглашателями» с левым оттенком, недостаточно боровшимися за украинскую нацию.

С той же проблемой столкнулись и участники белорусского движения. Их транснациональная деятельность на стыке социальных преобразований и национального развития в итоге была враждебно воспринята и в Советском Союзе (как «националистическая»), так и в межвоенной Польше (как «коммунистическая»). Как показала практика, никому так и не удалось совместить эти два вектора. Единственным, кто взял на себя смелость «создать новый дух белорусской

нации»¹⁰¹, был Фабиан Акинчиц, однако достаточно быстро выяснилось, что он не обладал для этого никакими данными.

Политический путь Акинчица был прямолинеен и тернист одновременно. В свое время «общероссийский» эсер, он далеко не сразу свернул на тот региональный путь, к которому в годы революции обратились его единомышленники и земляки. Драматические события вокруг признания БНР, ключевой для белорусского движения той поры сюжет, полностью прошли мимо него и, очевидно, не особо его интересовали. Постоянные метания Акинчица от одной политической группы к другой, от левых к правым и обратно, лишней раз показывают, что он искал тех, кто мог бы поспособствовать реализации его амбиций. При этом он позиционировал себя чуть ли не как единственного борца за «светлое будущее» белорусского народа и набрасывался на своих вчерашних соратников, которые, по его мнению, не соответствовали этой высокой миссии.

Не найдя себя в действующем белорусском движении, Акинчиц совершил попытку создать нечто принципиально новое и объединить левое и правое течения в собственной национал-социалистической партии. Тем не менее, ее идеология с самого начала была настолько эклектичной, что привлекла лишь узкий круг почитателей своего лидера. На поверхность их вынесли события 1939-1941 гг. – в противном случае, скорее всего, эта партия так и бы канула в небытие. Вопреки ожиданиям Акинчица, нацисты не проявили к его программе по «перевоспитанию белорусского народа»¹⁰² должного интереса. Тем не менее, его болезненное самомнение и неприкрытое стремление к власти были косвенно использованы сторонниками «радикальной» линии оккупационной политики для борьбы со своими «умеренными» оппонентами. Как и в случае с Альбрехтом, нацисты спокойно относились к «перекрасившимся левым», если их можно было задействовать в своих интересах.

Неясно, понимал ли сам Акинчиц, что в условиях войны и оккупации его претензии на лидерство выглядели по меньшей мере наивными. Скорее всего, он, как обычно, осознал бы это уже постфактум и после войны критиковал бы немцев как не оправдавших его надежды, точно так же, как он не раз проделывал это с белорусами. Однако, в этот раз амбиции оказались смертельными.

¹⁰¹ Новы шлях. 1934. № 3. С. 1.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р7021, оп. 148, д. 458, л. 14-20.

Борис Хавкин

Еврейское Сопротивление в нацистской Германии 1933-1945 гг.

Антигитлеровское Сопротивление в Германии

Движение Сопротивления – это, прежде всего, проявление активного неприятия агрессивного, террористического, авторитарного или тоталитарного режима, навязывающего обществу и государству идеологию расовой или классовой исключительности, режима, попирающего демократические права и свободы и создающего военную угрозу миру. Сопротивление – это борьба населения оккупированных территорий против иностранной агрессии; это открытое или тайное, личное или групповое морально-этическое, религиозное, идеологическое, экономическое, политическое, военное противодействие правящей системе, которая воспринимается участниками Сопротивления как преступная. Участие в Сопротивлении – поступок высоко нравственный, но рассматриваемый политическим режимом, против которого направлено Сопротивление, как государственное преступление¹.

Немецкие патриоты вели борьбу против фашизма не только в Германии, хотя это был ее главный участок, но и в других странах. На фронтах гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. столкнулись две Германии: нацистский рейх, оказывавший военную помощь мятежникам генерала Ф. Франко, и немецкие антифашисты, сражавшиеся на стороне республиканской Испании. В 1939-1941 гг., вследствие поражения антифашистских сил в Испании и советско-германского «сближения», в антинацистской борьбе КПГ наступило «затишье», прерванное ревом немецких танков, перешедших германо-советскую границу 22 июня 1941 г. «Лишь после 22 июня 1941 г. перед зарубежными компартиями открылась перспектива реальной антифашистской борьбы, которая способствовала притоку в них свежих сил»².

После установления в Германии нацистской диктатуры легальные методы противодействия нацизму были внутри страны невозможны. Сопротивление немцев нацизму ушло в подполье³ или в эмиграцию⁴; оно складывалось из от-

¹ Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М., 2017. С. 10.

² Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 346.

³ Dulles A. Germany's Underground. N.Y., 1947.

дельных не скоординированных акций (неудачные покушения на Гитлера в годовщину «Пивного путча» – М. Баво 8 ноября 1938 г. и И.Г. Эльзера 8 ноября 1939 г.); ненасильственных действий (распространение листовок «Белой розы» с июня 1942 г. по февраль 1943 г.); готовившихся годами заговоров (заговор группы военных и политиков 1938-1944 гг.) и попытки государственного переворота (20 июля 1944 г.)⁵.

В движении внутригерманского Сопротивления участвовали разные личности и группы. Это были узник нацистских застенков Э. Тельман и коммунисты из организации Зефкова-Якоба-Бестлейна и «Красной помощи» Германии⁶; Ю. Лебер и социал-демократы из «Немецкого народного фронта»⁷; национал-большевик Э. Никиш, крайне левые и анархисты из «Коммунистической партии – оппозиции» и «Антинацистского немецкого народного фронта»⁸; юрист Н.К. фон Халем, который сразу же после прихода Гитлера к власти назвал его «предвестником хаоса» и боролся за создание «широкого народного фронта» противников Гитлера от коммунистов до консерваторов, участвуя в заговоре против нацистского диктатора⁹; профсоюзные деятели В. Лейшнер¹⁰ и Я. Кайзер¹¹ и активисты из «Рабочего комитета свободного профсоюза горняков» и «Комитета действий металлургов Берлина»; евреи, немцы и иностранные принудительные рабочие из берлинской группы Г. Баума¹²; еврейско-немецкая группа В. Шарфа; группа еврейских принудительных рабочих под руководством Е. Мамлок; сионистская подпольная молодежная группа «Круг пионеров» И. Шверзенца и Э. Вольф; немцы, помогавшие евреям спастись от Холокоста¹³; немецкие жены евреев, арестованных для депортации в концлагеря, которые в феврале 1943 г. устроили демонстрацию на Розенштрассе в Берлине и добились освобождения своих мужей¹⁴. Среди участников антигитлеровского Сопротивления были сту-

⁴ Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933–1945 / Ed. C.-D. Krohn, P. von zur Mühlen, G. Paul, L. Winckler. Darmstadt, 1998.

⁵ Möller L. Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923 bis 1945. Wiesbaden, 2013.

⁶ Neumann A., Schindler-Saefkow B. Die Saefkow-Jacob-Bästlein-Organisation 1942 bis 1945 // Der vergessene Widerstand der Arbeiter. Gewerkschafter, Kommunisten, Sozialdemokraten, Trotskisten, Anarchisten und Zwangsarbeiter. Berlin, 2012. P. 144-157.

⁷ Beck D. Julius Leber. Sozialdemokrat zwischen Reform und Widerstand. Berlin, 1983.

⁸ Pittwald M. Ernst Niekisch. Völkischer Sozialismus, nationale Revolution, deutsches Endimperium. (Dissertation). PapyRossa-Hochschulschriften. Köln, 2002. Vol. 37.

⁹ Groeben (von der) K. Nikolaus Christoph von Halem im Widerstand gegen das Dritte Reich. Wien, Köln 1990. P. 32, 35.

¹⁰ Ulrich A. Wilhelm Leuschner – ein deutscher Widerstandskämpfer. Für Freiheit und Recht, Einheit der Demokraten und eine soziale Republik. Wiesbaden, 2012.

¹¹ Nebgen E. Jakob Kaiser. Der Widerstandskämpfer. Stuttgart, 1967.

¹² Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. Berlin, 2001.

¹³ Gilbert M. The Righteous. The Unsung Heroes of the Holocaust. Doubleday, 2002.

¹⁴ «Арийскими» супругами было спасено 12,5 тыс. чел.; 10-15 тыс. немецких евреев пряталось в подполье при помощи их немецких соседей и друзей. Из них выжило около 5 тыс. чел. В настоящее время известно около 500 имен немцев-«спасателей». Израильский мемориал «Яд Вашем» присвоил звание «Праведника народов мира» 410 немцам и 84 австрийцам (по данным на 1

денты из «Белой розы» и группы «Пираты Эдельвейса»; лютеранские священники Д. Бонхёффер и М. Нимёллер и католический епископ К. фон Гален, аристократы и интеллектуалы из «Кружка Крайсау», лидерами которого были Х. Дж. фон Мольтке и П. Йорк фон Вартенбург; консервативные политики К. Гёрделер, Г. Гизевиус; дипломаты – Ф.В. фон дер Шуленбург, А. фон Тротт, Р. фон Шелиа; члены берлинской группы Х. Шульце-Бойзена – А. Харнака и других ячеек «Красной Капеллы», деятели Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» В. фон Зайдлиц, Ф. Паулюс, Г. фон Айнзидель, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, И. Бехер, В. Бредель, Р. Гернштадт; маршалы, генералы и офицеры вермахта Э. фон Вицлебен, Х. фон Тресков, К. фон Штауффенберг, К.-Х. фон Харденберг, В. фон Хефтен и другие.

К германскому антигитлеровскому Сопротивлению в СССР и России всегда относились заинтересовано. Оно служило примером (положительным или отрицательным, но обязательно находящимся в поле зрения) для решения острых вопросов русского прошлого, которые перекликались с актуальными проблемами германской истории. Среди них: преодоление тоталитарного наследия; несоответствие права и морали; различие между государством и Родиной; осознание и реализация права на Сопротивление; соотношение между патриотизмом и коллаборационизмом.

Во время «холодной войны» история германского Сопротивления была одним из участков фронта политико-идеологической конфронтации между Востоком и Западом. Если на Западе в качестве примера «другой Германии» рассматривались консерваторы и церковная оппозиция, то для Советского Союза олицетворением Сопротивления были немецкие коммунисты.

Российская историография германского Сопротивления¹⁵ базируется на фундаменте советской исторической науки. Почти все исследователи, сегодня занимающиеся этими проблемами, формировались еще в советские времена. Путь же в науку многих из них начинался в период горбачевской «гласности» и ельцинской «свободы слова». Воссоединение Германии и распад СССР, «архивная революция» в России, «спор историков» в ФРГ, дискуссии о «преодолении прошлого» – эти события отложили отпечаток на их творчество.

В современной российской историографии на основе новых источников произошла переоценка исторической роли германского Сопротивления. Как подчеркивал российский историк А.И. Борозняк, движение Сопротивления в Германии в 1933-1945 гг. никогда не было общенациональным массовым и народным, од-

января 2005 г.). См. Мадиевский С.А. Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе. М., 2006. С. 102, 104; Gruner W. Die Fabrik-Aktion und die Ereignisse in der Berliner Rosenstraße. Fakten und Fiktionen um den 27. Februar 1943 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 2002. № 11. P. 137-177.

¹⁵ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии XX века. Екатеринбург, 2004. С. 295-315; Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М., 2017.

нако оно было значительно шире, чем это ранее представлялось и во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого»¹⁶.

В российской историографии германского Сопротивления изучались такие тематические комплексы, как «Коммунистическое Сопротивление», «Сопротивление спасателей, военнопленных, узников концлагерей и принудительных рабочих», «Красная Капелла», «Национальный комитет "Свободная Германия"», «Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.». Однако еврейское Сопротивление оставалось вне поля зрения российских исследователей.

Существование вопреки всему

Само существование евреев в Германии в годы нацистской диктатуры де факто было проявлением Сопротивления гитлеровскому режиму, целью которого было уничтожение евреев как народа. Это «существование вопреки всему» не сводилось только к попыткам физического выживания. Евреи активно участвовали в немецком антигитлеровском Сопротивлении, особенно в антифашистской борьбе коммунистов и социал-демократов, которую эти политические силы вели как в Германии, так и в эмиграции. Число евреев-участников немецкого Сопротивления оценивается немецкими историками в 2-3 тыс. человек – 1-2% от 200 тыс. евреев, находившихся в рейхе на 1 сентября 1939 г. и примерно 0,25% от 800 тыс. немцев-участников Сопротивления¹⁷.

Сопротивление евреев принимало разные формы, как пассивные, так и активные: взаимопомощь; развитие еврейской культуры и образования; до октября 1941 г. – эмиграция из Германии¹⁸, в частности, сионистская эмиграция в Палестину¹⁹; попытки получить «арийские» документы или «улучшить» еврейские

¹⁶ Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». М., 1999.

¹⁷ Elling H. Frauen in deutschen Widerstand 1933-1945. Frankfurt a. M., 1981. P. 71; Kwiet K. Selbstbehauptung und Widerstand – deutsche Juden im Kampf um Existenz u. Menschenwürde 1933-1945. Hamburger Beiträge zur Sozial- und Zeitgeschichte. Vol. 19. Hamburg, 1984; Deutsche, Juden, Völkermord: der Holocaust als Geschichte und Gegenwart / Ed. Jürgen Matthäus, Klaus-Michael Mallmann. Darmstadt, 2006; Paucker A. Deutsche Juden im Widerstand 1933-1945. Tatsachen und Probleme. Berlin, 2014. P. 14-15.

¹⁸ До октября 1941 года, когда вышло распоряжение о прекращении эмиграции, из Германии выехало две трети немецких евреев, а среди оставшихся уже в 1939 г. более половины было старше 65 лет.

¹⁹ По соглашению «Хавара» (Haavarah-Abkommen – от древнееврейского слова haavarah – «перемещение») от 27 августа 1933 г. между имперским министерством экономики и сионистскими представителями из Германии и Палестины еврейским эмигрантам из Германии разрешался прямой трансфер части их имущества в Палестину. Облегчался также экспорт товаров из Германии на Ближний Восток. В общей сложности с 1933 по 1939 гг. в Палестину было переведено около 100 млн рейхсмарок, что помогло 60 тыс. немецких евреев, переселившихся в Эрец-Исраэль, поддержать существование в самое трудное время эмиграции. См. Nicosia Francis. Hitler und der Zionismus: das 3. Reich und Palästina-Frage 1933-1939. Leoni am Starnberger See,

(из 100% евреев по происхождению стать «мишлингами» – евреями на половину или на четверть); жизнь в рейхе на нелегальном положении; саботаж работы на нацистов; антифашистская пропаганда, распространение газет и листовок, разоблачающих нацистский антисемитизм; побеги и восстания в гетто и концлагерях; борьба с оружием в руках в партизанских отрядах и в армиях стран антигитлеровской коалиции; участие в разведывательной работе на стороне Великобритании, СССР, США. Проявлением Сопrotивления можно считать активное участие эмигрировавших из Третьего рейха немецких физиков-евреев в британо-американском атомном проекте.

Еврейские организации в нацистской Германии

Вопреки нацистскому террору, немецкие евреи сохранили религию и культуру: они имели свои социокультурные, религиозно-образовательные, спортивные организации, самоуправляемые, но подконтрольные нацистским властям.

В январе 1933 г. было создано «Имперское представительство немецких евреев» («Reichsvertretung der deutschen Juden») во главе с председателем «Общего союза раввинов в Германии» («Allgemeiner Rabbinerverband in Deutschland»), берлинским раввином и философом д-ром Лео Беком²⁰. «Имперское представительство немецких евреев» в первые годы нацистской диктатуры явно недооценивало нарастающей опасности. В начале 1934 г., когда нацистский антисемитизм уже проник во все сферы жизни Германии, один из лидеров этой организации Отто Хирш выступал против «поспешной эмиграции»; он верил, что в «новой Германии» евреи смогут вести достойное существование²¹. В 1935 г. организация вынуждена была изменить название на «Имперское представительство евреев в Германии» («Reichsvertretung der Juden in Deutschland»): по «Нюрнбергским законам» евреям было отказано в праве быть немцами.

Отношения этой организации с сионистским движением были весьма напряженными. Если сионисты призывали евреев без промедления переселяться в Палестину, то их противники называли такую эмиграцию «преждевременной» и

1989; Беркович Е. Смятение умов: свастика и звезда Давида // Заметки по еврейской истории. 2008. №8. <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer8/Berkovich1.php>.

²⁰ В 1955 г. в Нью-Йорке был основан Институт имени Лео Бека (Leo Baeck Institute), занимающийся изучением истории немецких евреев. Отделения Института есть в Берлине, Лондоне и Иерусалиме. Архив института включает 25 тыс. фотографий, 2 тыс. неопубликованных мемуаров и множество редких изданий преимущественно на немецком языке, содержащих сведения о жизни евреев Германии, Австрии и других европейских стран за последние пять веков. 3,5 млн страниц оцифрованных документов архива Института находятся в свободном доступе в библиотеке «DigiBaeck».

²¹ Беркович Е. Смятение умов: свастика и звезда Давида // Заметки по еврейской истории. 2008. №8 (99).

даже, как сказал один из руководителей существовавшей с 1893 г. старейшей и самой крупной еврейской организации Германии, «Центрального объединения немецких граждан еврейской веры» («Central-Verein deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens») Альфред Хиршберг, «преступлением против сионизма»²². «Центральное объединение немецких граждан еврейской веры» боролось против нацизма и антисемитизма, за гражданские права немецких евреев вплоть до своего запрета нацистами 9 ноября 1938 г.

Последняя из еврейских организаций, «Имперское объединение евреев в Германии» («Reichsvereinigung der Juden in Deutschland»), существовавшая под полным контролем министерства внутренних дел и гестапо с 4 июля 1939 г. до 10 июня 1943 г., была, по существу, «ликвидационной комиссией по делам немецких евреев»; ее руководители во главе с Лео Беком были депортированы в концлагерь Терезиенштадт. Лидер немецкой консервативной оппозиции д-р Карл Гёрделер просил Лео Бека подготовить доклад об уничтожении нацистами евреев, который участники заговора против Гитлера собирались опубликовать поле государственного переворота. Однако доклад не был написан, а военный путч против Гитлера провалился 20 июля 1944 г.

До Второй мировой войны в Германии действовали еврейские благотворительные общества, которые оказывали помощь нуждающимся за счет местных пожертвований и поступлений от американской благотворительной организации «Джойнт». Благотворители разносили по домам продовольствие и одежду, опекали стариков и больных, создавали курсы переквалификации для тех, кому нацисты не позволяли работать по специальности.

В июле 1933 г. в Берлине был основан «Еврейский культурбунд» («Kulturbund Deutscher Juden», с апреля 1935 г. «Jüdischer Kulturbund») – ассоциация, созданная в связи с увольнениями еврейских деятелей культуры из государственных учреждений в соответствии с «арийским параграфом» закона от 7 апреля 1933 г. «О восстановлении профессионального чиновничества» с целью вынужденной изоляции еврейской культуры от «арийской» и организации независимой еврейской культурной жизни. Проект создания союза деятелей еврейской культуры разработали ассистент режиссера Курт Бауман и невролог и музыковед Курт Зингер. Первоначально в 1933 г. «Еврейский культурбунд» насчитывал более 1300 мужчин и 700 женщин художников, музыкантов, актеров, уволенных из немецких государственных институтов культуры. «Культурбунд» создавал симфонические и народные оркестры, хоры, камерные ансамбли, театральные труппы, устраивал выставки, концерты и литературные вечера, предоставляя работу актерам и музыкантам, которые могли теперь выступать только перед еврейскими зрителями. В 1935 г. существовало уже 36 региональных отделений «Еврейского культурбунда» в 100 немецких городах; организация насчитывала около 70000

²² Margalioth A. Zwischen Rettung und Vernichtung. Studien zur Geschichte des deutschen Judentums 1932-1938. Jerusalem, 1990.

членов. Ко времени ликвидации этой организации в ней состояло до 180000 человек²³.

11 сентября 1941 г. распоряжением гестапо «Еврейский культурбунд» был закрыт, за исключением издательского отдела, переданного в «Имперское объединение евреев в Германии».

Центром еврейской жизни Германии был Берлин: в 1933 г. нем жили более 160000 евреев²⁴. «В городе выходили книги и газеты на идиш и иврите, существовали благотворительные, спортивные, студенческие еврейские общества, детские дома, школы, больницы. В Берлине работали евреи – знаменитые на весь мир писатели, художники, режиссеры и ученые, не мыслившие себя вне немецкой культуры и науки». В 1933 г. в Берлине был открыт еврейский театр: «его актеры, режиссеры, художники и гримеры, осветители и капельдинеры, его зрители были евреями, а немцам запрещалось посещать их спектакли. В Высшей школе иудаизма занимались студенты, изгнанные из университетов, и преподавали уволенные профессора. Философ М. Бубер стал директором Центра еврейского образования для взрослых, где читали лекции по еврейской культуре и традициям народа. Был создан Народный еврейский университет, в Берлине работала раввинская семинария; евреи шли в синагоги, даже те, кто позабыл туда дорогу, – там можно было найти поддержку, почувствовать себя среди своих. Молодежные сионистские организации устраивали экскурсии, фестивали песен, сборы у костра, спортивные соревнования и театральные представления, отмечали еврейские праздники. Молодежь обучалась на фермах сельскохозяйственным работам, готовясь к переезду в Эрец Исраэль; в многочисленных кружках слушали лекции по еврейской истории и изучали язык иврит»²⁵.

Попытки немецких евреев приспособиться к национал-социализму окончились печально. В этом плане показательна история «Союза национально-немецких евреев» («Verband national-deutscher Juden»).

²³ Geschlossene Vorstellung: Der Jüdische Kulturbund in Deutschland 1933–1941. / Akademie der Künste. Berlin, 1992.

²⁴ 19 мая 1943 г. Берлин был объявлен нацистами «юденфрай» – территорией, полностью «очищенной» от евреев. См. Jüdische Geschichte in Berlin. Bilder und Dokumente /Ed. Reinhard Rürup. Berlin, 1995.

²⁵ Кандель Ф.С. Очерки времен и событий из истории российских евреев. Т. 4 (Уничтожение еврейского населения, 1941 – 1945). Иерусалим, 2005. Очерк 45, п. 5. <https://profilib.com/chtenie/140007/feliks-kandel-ocherki-vremen-i-sobytyi-iz-istorii-rossiyskikh-evreev-tom-4-unichtozhenie-9.php> Писатель и историк Феликс Кандель под псевдонимом Феликс Камов был соавтором сценария знаменитого советского мультфильма «Ну, погоди!». Его имя было удалено из титров фильма после того, как Кандель в 1977 г. эмигрировал в Израиль.

«Союз национально-немецких евреев»

Ни одна из еврейских организаций Германии не была темой стольких еврейских анекдотов, как «Союз национально-немецких евреев». В начале 1930-х годов о членах этой организации в шутку говорили, что они участвуют в нацистских шествиях под лозунгами «Бей нас!», «Долой наше иго!», «Мы – наше несчастье» (по аналогии с антисемитским высказыванием немецкого историка XIX в. Г. фон Трейчке «Евреи – наше несчастье»). Словом, эта организация, созданная в 1921 г., заслуженно пользовалась дурной славой «еврейских нацистов». Однако члены союза воздерживались от изображения свастики, пения нацистского гимна «Хорст Вессель» и нацистского приветствия. На митингах «Союза национально-немецких евреев» возвышались портреты рейхспрезидента Гинденбурга, реяли имперские черно-бело-красные флаги, звучала «Песня немцев» – «Германия, Германия превыше всего».

Основателем организации был д-р Макс Науман, юрист по образованию и капитан по воинскому званию, участник Мировой войны, кавалер двух Железных крестов. Науман был воспитан в семье, придерживавшейся правоконсервативных взглядов, состоял в умеренно-правой Немецкой народной партии и был ярким антикоммунистом. Еще в 1920 г. Науман опубликовал статью «О национально-немецких евреях», где отверг постулат сионизма о том, что все евреи связаны узами религии и истории и составляют единый народ, который должен выйти из стран рассеяния и собраться на горе Сион. Науман считал, что в Германии есть национально-немецкие евреи, патриоты немецкого отечества, и есть сионисты, преданные еврейской нации; большинство же немецких евреев – это «промежуточники», не решающиеся избавиться от пережитков еврейского «племенного чувства». Коренные немецкие евреи, утверждал Науман, расово близки немцам-арийцам и могут войти в немецкую «народную общность». Но из этой общности исключаются три группы: «ост-юден» (евреи-иммигранты из стран Восточной Европы, составлявшие 1/5 всех немецких евреев); сионисты, которые сами отказались от членства в немецкой нации; и евреи-левые, от социал-демократов и коммунистов до художников-авангардистов, ибо приверженность левым взглядам и космополитизм – это не немецкая черта.

«Союз национально-немецких евреев» не был большой и влиятельной организацией: в нем никогда не было больше 3500 членов. Отношение Наумана и его сторонников к религии не было последовательным. С одной стороны, «Союз национально-немецких евреев» не принимал крещеных евреев и безбожников, чтобы не прослыть организацией выкрестов. С другой стороны, Науман заявлял, что Бог Израиля не существует для национально-немецкого еврея, который должен верить в «немецкого бога». Что касается культурной общности, «Союз национально-немецких евреев» видел свою задачу в том, чтобы «углублять чувство укорененности в немецкой почве и укреплять связь с немецкой культурой».

В августе 1932 г., в преддверии выборов в рейхстаг, Науман заявил, что партия Адольфа Гитлера – единственная политическая организация, способная возродить немецкую нацию, и призвал евреев голосовать за нацистов, игнорируя «досадные побочные проявления» нацистского антисемитизма. Он считал, что антисемитизм – это средство, которым Гитлер пользуется для мобилизации масс, и лишь только «национальная консервативная революция» закончится, у нацистов не будет причин исключать национально-немецких евреев из своего движения.

Письма и телеграммы Наумана нацистским вождям начались в 1933 г., как только Гитлер был назначен рейхсканцлером. Апогея «писательская активность» Наумана достигла в марте 1935 г., когда в нарушение Версальского договора был издан закон об обороне, предусматривавший введение всеобщей воинской повинности в Германии. Науман направил письмо к Гитлеру, где он поздравлял правительство с принятым решением и выражал тревогу по поводу того, что планируется «исключить всех неарийцев из участия в воинской обязанности». Науман уверял Гитлера, что национально-немецкие евреи все как один готовы выполнить свой воинский долг; он призвал различать национально-немецких евреев и иностранных. В качестве эксперта, способного отличать «настоящих» немецких евреев от восточноевропейских, он предложил себя. Гитлер не ответил Науману: он никогда не отвечал евреям.

Даже после бойкота еврейских магазинов в апреле 1933 г. и антисемитской кампании в печати сторонники Наумана призывали евреев, «несмотря на отдельные проявления антисемитизма в стране, неуклонно придерживаться немецкого образа мыслей», поддерживать новый режим и «национальное пробуждение» Германии.

После того, как 14 ноября 1935 г. вступил в силу нюрнбергский закон об имперском гражданстве, все еврейские организации, настаивавшие на принадлежности евреев к немецкой «народной общности» и агитировавшие против эмиграции евреев, попали в число противодействующих этому закону. 20 ноября 1935 г. приказом гестапо «Союз национально-немецких евреев» был распущен. Макс Науман был арестован и помещен в тюрьму гестапо. В мае 1939 г. Науман умер. Часть членов его организации вошла в «Союз евреев-фронтовиков».

«Имперский союз евреев-фронтовиков»

«Имперский союз евреев-фронтовиков» («Reichsbund jüdischer Frontsoldaten») был основан в 1919 г. и существовал до 1939 г. Союз насчитывал до 55000 членов; его возглавлял выдающийся немецкий химик и физик, кавалер Железного креста I-й степени капитан д-р Лео Лёвенштайн (изобретение, за которое он получил Железный крест – звуковая разведка, т.е. определение местонахождения

артиллерийского орудия по звукам выстрелов). Органом Союза был еженедельник *Щум*²⁶.

Факт существования в Германии столь крупной организации евреев-ветеранов Первой мировой войны опровергал провокационные утверждения нацистов, что во время Первой мировой войны немецкие евреи в большинстве своем отсиживались в тылу. Неумолимая статистика говорила об обратном: с 1914 по 1918 годы в кайзеровской армии было 96 тыс. евреев, из них 80 тыс. сражались на фронте. 10 тыс. евреев ушли в армию добровольно, 2000 было произведено в офицеры, 19 тыс. – в унтер-офицеры. В армии служили 30 военных раввинов²⁷.

Немецкие евреи были не меньшими патриотами Германии, чем сами немцы. Во время Первой мировой войны 35 тыс. немецких евреев-воинов были награждены орденами и медалями, из них 18 тыс. – Железным крестом (1 тыс. – Железным крестом 1-го класса и 17 тыс. – Железным крестом 2-го класса). Точно таким же, каким был награжден ефрейтор Адольф Гитлер, награду которому вручал его командир – лейтенант Хуго Гутман, еврей и кавалер Железных крестов 1-го и 2-го класса. Интересно отметить, что за 6 лет военной службы Гитлер так и не стал унтер-офицером. «У ефрейтора Гитлера не было никаких качеств руководителя», – отмечал его командир.

Кавалерами Железного креста были еврей-асы кайзеровских люфтваффе Вильгельм Франкль, Фриц Бекхардт, Вилли Розенштейн, Фридрих Рюденбург, Бертольд Гутман. Летчик лейтенант Йозеф Цюрндорфер, погибший в бою 19 сентября 1915 г., в завещании писал: «Я пошел на войну как немец, чтобы защитить мою страну, попавшую в беду. Но также и как еврей, чтобы добиться полного равноправия моих братьев по вере»²⁸.

На фронтах Первой мировой войны за свою родину-Германию погибли 12 тыс. немецких солдат и офицеров-евреев и еще 32 тысячи получили тяжелые ранения или были отравлены газами (это больше, чем погибло евреев во всех войнах, которые вел Израиль).

В задачу союза евреев-фронтовиков входило возведение памятников и уход за могилами павших на войне евреев, забота о здоровье ветеранов, их материальная поддержка, помощь вдовам и детям погибших солдат, особенно сиротам, а также социальная защита участников войны. Однако главная задача Союза состояла в том, чтобы говорить правду об участии евреев в Мировой войне, разоблачать миф о том, что евреи нанесли Германии «удар ножом в спину». В 1932 г. Союз опубликовал *Книгу памяти*, в которой были названы имена, даты и места рождения всех 12000 погибших на войне немецких солдат-евреев.

Еврей-фронтовики протестовали против антисемитских акций нацистов. В городе Бремерхафен председатель местного отделения Союза Дагоберт Кан в апре-

²⁶ Der Schild, Zeitschrift des Reichsbundes jüdischer Frontsoldaten. Berlin 1921–1938. <http://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/cm/periodical/titleinfo/4911661>.

²⁷ Segall J. Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914–1918. Berlin, 1921.

²⁸ Черкасский Я. Евреи, сражавшиеся за Германию // Русская Германия. 2014. № 27.

ле 1933 г. направил рейхспрезиденту генерал-фельдмаршалу П. фон Гинденбургу, покровительствовавшему ветеранским организациям, письмо протеста против организованного нацистами бойкота «еврейских товаров». Во время погрома Дагоберт Кан в офицерском мундире, украшенном Железным крестом 1-го класса и другими боевыми наградами, встал в витрине своего текстильного магазина. Штурмовики не посмели его тронуть; намалевав на стекле витрины звезду Давида, они удалились. Дагоберта Кана арестовали в «Хрустальную ночь». Он был отправлен в концлагерь Дахау, где вскоре погиб.

Члены Союза считали оскорбительным отстранение нацистами немецких граждан-евреев от воинской службы и лишение их гражданских прав. Однако ответные действия Союза были весьма умеренными: это были поиски компромисса. В апреле 1933 г. Лёвенштайн составил на имя Гитлера послание по еврейскому вопросу в Германии, написанное в верноподданническом национал-патриотическом духе, в котором предложил, что Союз евреев-фронтовиков возьмет на себя допризывную подготовку еврейской молодежи. Лёвенштайн даже отправил в дар Гитлеру *Книгу памяти*.

Министерский советник Винштайн «с почтением» ответил Лёвенштайну, что г-н рейхсканцлер поручил ему подтвердить получение письма и книги. Через две недели руководитель рейхсканцелярии Генрих Ламмерс даже принял делегацию евреев-фронтовиков, но после этого все контакты правительства с евреями-фронтовиками были прекращены. Власти взяли за правило не отвечать на письма еврейских организаций и игнорировать любые их обращения²⁹. Евреям запрещалось носить военные награды, инвалиды войны были лишены государственных пособий. К 31 декабря 1935 г. все евреи, даже герои Первой мировой войны, были изгнаны из армии.

9 октября 1936 г. Союзу были запрещены все виды деятельности, кроме заботы о евреях-инвалидах войны. 4 ноября 1939 г. гестапо распустило «Имперский союз фронтовиков-евреев»; все его имущество, оцененное в 17,7 млн. рейхсмарок, было «ариизировано», т.е. конфисковано и обращено в собственность «арийского» государства. Лео Левенштайн, несмотря на свои многочисленные связи и заслуги, был депортирован в концлагерь Терезиенштадт. Ему повезло: он выжил, после войны из ставшей ненавистной Германии уехал в Швейцарию. Лео Левенштайн умер в 1956 г. во время поездки в Израиль. В 2006 г. в ФРГ был создан «Союз еврейских солдат», продолжающий традиции «Имперского союза евреев-фронтовиков».

²⁹ Беркович Е. Смятение умов, или как интеллигенция встречает исторические катаклизмы? // Слово. 2013. № 80.

«Черный отряд»

Еврейская молодежная организация «Черный отряд» («Schwarzes Fähnlein») была организована в мае 1932 г. В нее вошли юноши в основном из состоятельных семей, которых из-за еврейского происхождения не принимали в нацистскую молодежную организацию Гитлерюгенд и другие «арийские» полувоеенные организации. Члены «Черного отряда» (их было более 400 человек) сохранили некоторую атрибутику и терминологию этих организаций. Например, словом «фенляйн» (отряд) назывались подразделения Гитлерюгенда. Командиром «Черного отряда» был Гюнтер Баллин, племянник гамбургского паровозного магната Альберта Баллина. Члены отряда носили голубые шорты, темно-синие рубашки и армейские ремни с надписью «С нами Бог» на пряжке, а до 1933 г. также и ножи. Воспитывая себя как немецко-еврейскую молодежь нового типа, «аристократическую по выправке и по убеждениям», черноотрядники надеялись, что им позволят служить в возрождавшейся немецкой армии. Они посылали петиции в имперскую канцелярию, устраивали демонстрации – все было, разумеется, напрасно. Тщетные попытки черноотрядников сблизиться с нацистами привели только к изоляции этой организации. Рядовые члены организации были подростками, которые не понимали целей режима, тем не менее «Черный отряд» как еврейская организация не разделяла нацистского расизма, и, создавая еврейскую альтернативу нацистскому молодежному движению, противостояла ему. Мальчишек увлекала внешняя романтика – песни, костры, имитация армейской жизни в лагерях и походах. Возвращаясь в школу после лета, проведенного в лагере «Черного отряда», подростки-евреи с удовлетворением обнаруживали, что они не менее крепки, отважны и сноровисты, чем их «арийские» соученики, которые провели лето в лагерях Гитлерюгенда. Руководители «Черного отряда» быстро поняли, что их отряд раздражает нацистов более, чем любая другая еврейская организация. Дело в том, что нацисты насаждали образ еврея как существа, не способного к военному делу, слабого, трусливого и непатриотичного; а «Черный отряд» стремился доказать, что евреи ни в чем не уступают немцам. Тем самым он подрывал идеологическую основу нацизма – миф об арийском расовом превосходстве. В конце 1934 г. нацисты распустили «Черный отряд». Часть его членов перешла в другие молодежные движения, в том числе и к сионистам. Немногие остались в Германии и, из-за того, что их родители не сумели эмигрировать, стали жертвой Холокоста³⁰.

Считать «Имперский союз фронтовиков-евреев», «Черный отряд» и подобные им организации частью еврейского антигитлеровского Сопротивления, конечно, нельзя. Это были скорее попытки приспособиться к «новому порядку». Но многие участники еврейского Сопротивления прошли через эти организации.

³⁰ Hambroek M. Die Etablierung der Außenseiter: der Verband nationaldeutscher Juden 1921-1935. Köln, 2003. P. 610-611.

Специфической еврейской формой Сопротивления была деятельность левых сионистских групп «Хашомер Хацаир» («Молодежная охрана»), «Хабоним Дрор» («Свободные строители»), «Верклёйте» («Трудящиеся люди»). Участники этих групп находились под сильным влиянием движения «разведчиков»-бойскаутов, основанного британским генералом Робертом Баден-Пауэллом, и немецкого молодежного движения «Вандерфогель» («Перелетные птицы»), в котором существовала еврейская группа «Блау-Вайс» («Сине-белые» – цвета Израиля). В отличие от не еврейских бойскаутов и «Перелетных птиц», «Сине-белые» изучали сионизм, социализм, еврейскую историю и культуру³¹.

В 1933 г. нацисты объявили вне закона все молодежные организации, независимые от Гитлерюгенда и Союза немецких девушек. Однако этот запрет прежде всего коснулся коммунистических и социал-демократических объединений; христианские и еврейские молодежные группы просуществовали до 1936 г. К деятельности сионистов нацисты сначала относились терпимо: еврейская эмиграция из Германии пока отвечала их интересам – до «окончательного решения еврейского вопроса» было еще далеко.

«Сине-белые» стали частью сионистского молодежного движения и готовили еврейскую молодежь к иммиграции в Палестину. В 1934 г. первая группа немецких молодых сионистов выехала в «Эрец Исраэль»; в 1936 г. они основали киббуц «Хазорея». Еврейские молодежные организации составляли «Немецко-еврейское молодежное сообщество» («Deutsch-Jüdische Jugendgemeinschaft»), которое в 1934 г. вошло в «Союз немецкой еврейской молодежи» («Bund Deutsch-Jüdischer Jugend»), объединявший до 6000 человек. Этот союз был распущен гестапо 30 декабря 1936 г.

Остававшиеся в Германии молодые левые сионисты из «Хашомер Хацаир», «Хабоним Дрор», «Верклёйте» участвовали, наряду с другими антифашистами, в акциях по изготовлению и распространению антинацистских листовок. Одни молодые сионисты сотрудничали с коммунистами, другие – с социал-демократами, третьи действовали самостоятельно, как, например, «Хуг Халуци» («Круг пионеров») директора берлинской еврейской школы «Алия» Ицхака Шверзенца и его подруги Эдит Вольф, которые помогали еврейской молодежи бежать из нацистской Германии и спасали своих учеников, пряча их в 1942-1943

³¹ Dertinger A. Weiße Möwe, gelber Stern. Das kurze Leben der Helga Beyer. Berlin, Bonn 1987; Klönne I. Deutsch, Jüdisch, Bündisch. Erinnerung an die aus Deutschland vertriebene jüdische Jugendbewegung. Puls 21. Witzenhausen, 1993; Trefz B. Jugendbewegung und Juden in Deutschland. Eine historische Untersuchung mit besonderer Berücksichtigung des Deutsch-Jüdischen Wanderbundes Kameraden. Frankfurt a. Main, 1999; Bergbauer K., Schüler-Springorum S. „Wir sind jung, die Welt ist offen“. Eine jüdische Jugendgruppe im 20. Jahrhundert. Haus der Wannsee-Konferenz. Berlin, 2002.

гг. в садоводческой школе в Берлин-Ванзее³². «Круг пионеров» была единственной подпольной сионистской группой Германии.

Группа Герберта Баума

При строго контролируемых германской полицией многочисленных запретах, ограничениях и постоянных унижениях, делавших повседневную жизнь евреев в Германии невыносимой, вообще странно, что стали возможными какие-либо акции еврейского Сопротивления. Между тем, еврейское Сопротивление, как одиночек, так и групп, в Германии существовало. Пример тому – группа Герберта Баума, которая действовала в самом сердце Третьего рейха – в Берлине.

Все члены этой группы были молодыми людьми от 19 до 40 лет. Они происходили из мелкобуржуазных и пролетарских еврейских семей. Их родители до 1933 г. были ремесленниками, лавочниками, мелкими служащими, наемными рабочими. Самые молодые члены группы еще не имели среднего специального или высшего образования и едва ли могли его получить в нацистском государстве. Почти все члены группы Баума ранее состояли в «Немецко-еврейском молодежном сообществе». Они часто выезжали в зеленые районы на окраинах Берлина, совершали турпоходы по его окрестностям. «Мы много разговаривали. Обсуждали важные жизненные вопросы, на которые дети всегда ищут ответы», – вспоминал Герхард Цадек, один из немногих оставшихся в живых бойцов еврейского Сопротивления³³. Для молодого Цадека примером для подражания стал лидер его группы – Герберт Баум. Юные любители походов чувствовали себя в Германии как дома даже тогда, когда штурмовики уже маршировали по Берлину. Члены кружка Герберта Баума перестали надеяться на счастливый исход лишь после «Хрустальной ночи» 1938 г. Они сообща ушли в подполье. В 1938-1939 г. Герберт Баум объединил вокруг себя группу молодых евреев, в которую входили около 70 человек – левые сионисты, социалисты и коммунисты. В дальнейшем она выросла до 150 человек³⁴.

Герберт Баум родился в 1912 г. в польском городе Мосине, который после раздела Польши 1792 г. стал принадлежать Пруссии, и вырос в Берлине. Его отец был бухгалтером. После школы Герберт Баум получил специальность электрика; посещал вечерние инженерные курсы в Берлинской высшей школе техники им. Бойта, но в 1935 г. был исключен как еврей. В 20 лет возглавил ячейку «Немецко-

³² Schwersenz J. Die versteckte Gruppe. Ein jüdischer Lehrer erinnert sich an Deutschland. Berlin, 1988; Möller L. Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923 bis 1945. Wiesbaden, 2013. P. 164-165.

³³ Бойе Й. Борец до конца своих дней // Zentralrat der Juden. <http://www.zentralratjuden.de/ru/article/775.html>.

³⁴ Paucker. Op. cit. P. 29.

еврейского молодежного сообщества». Был членом Коммунистического союза молодежи Германии, руководил подпольной коммунистической молодежной ячейкой берлинского района Юго-Восток, был связан с нелегальным центром КПГ Берлина под руководством Роберта Урига, который, как писала коммунистическая историография ГДР и СССР, «стремился, чтобы члены организации Баума постоянно ощущали солидарность Коммунистической партии с ним и ее готовность оказать им необходимую поддержку»³⁵. Изданная в ГДР *История германского рабочего движения*, не говоря о разных политических взглядах членов группы Баума и явно преувеличивая роль КПГ, даже утверждала, что «ведущие коммунистические функционеры учили ее членов (т.е. членов группы Баума. – Б.Х.) видеть сущность гитлеровского фашизма не только в терроре против евреев, но и угнетении всего немецкого народа и поэтому активно бороться за его свержение»³⁶.

При этом игнорировался факт, что нелегальное руководство КПГ отдало распоряжение, что товарищи по партии еврейского происхождения по конспиративным причинам не должны больше работать в коммунистических подпольных группах. Об этом есть свидетельство Шарлотты Хольцер, единственной пережившей Холокост участницы группы Баума³⁷. Деятельность группы Баума велась в соответствии с широкой антифашистской программой, под которой могли подписаться и коммунисты, и социал-демократы, и левые сионисты, и беспартийные евреи и немцы: «1. Серьезная политическая учеба всех членов группы; 2. Каждый обязан создавать у себя на производстве опорные антифашистские ячейки; формами борьбы являются протест против сверхэксплуатации, замедление работы, пассивное сопротивление, саботаж, забастовки; 3. Борьба с антисоветской пропагандой, воспитание чувства интернационализма в отношении иностранных рабочих и евреев; помощь военнопленным красноармейцам; 4. Размножение пропагандистских материалов антифашистского характера, распространение их среди населения и переправка в воинские части, находящиеся на советско-германском фронте»³⁸.

Почему же произошло удивительное, на первый взгляд, объединение сионистов с коммунистами и социалистами еврейского происхождения? Ответить на этот вопрос можно, если попытаться представить себе, что значило в 1939 г., когда группа Баума начала свою работу в Сопротивлении, быть евреем в нацистской Германии.

³⁵ Pikarski M. Jugend im Berliner Widerstand. Herbert Baum und Kampfgefährten. Berlin, 1978. P. 80-81; Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма 1933-1935. М., 1987, С. 79.

³⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Vol. 5. Von Januar 1933 bis Mai 1945. Berlin, 1966. P. 314.

³⁷ Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin, 2001. P. 5.

³⁸ Вейцман О.Д. Немецкая молодежная группа Баума в борьбе против фашизма (1938-1942 гг.) // Очерки всеобщей истории. Л., 1969. № 307. С. 11.

Перед лицом исключения из «народного сообщества», диффамации, эксплуатации, ограбления и преследования евреев как таковых, сотрудничество сионистов и коммунистов еврейского происхождения становится понятным. Для еврейских юношей и девушек не имело значения, кто из них пришел из сионистских, коммунистических или социалистических организаций, кто из них был из пролетарской, кто из буржуазной семьи. В итоге важным оставалось лишь то, что их объединяло: а именно ненависть к нацизму и принадлежность к преследуемому меньшинству, которое отнюдь не пользовалось симпатией и поддержкой подавляющего большинства нееврейского населения Германии. Баум был убежден (и постоянно говорил об этом своим товарищам), что только борьба против фашизма является единственным действенным оружием против антисемитизма.

О причудливом переплетении в мировоззрении Герберта Баума и его друзей идей антифашизма, коммунизма и сионизма говорит тот факт, что их листовки по форме и содержанию мало отличались от воззваний «Белой Розы», «Красной капеллы» и других немецких антифашистских групп. В то же время, когда этих мужественных людей вели на казнь, они пели еврейские народные песни и коммунистический гимн Интернационал.

Члены группы Баума не собирались безропотно сносить свое рабское существование. В 1939-1940 гг. они неоднократно жаловались в Немецкий рабочий фронт (официальные профсоюзы. – Б.Х.) на крайне низкие зарплаты и чрезвычайно плохие условия труда еврейских принудительных рабочих. В мае 1940 г. на еврейском кладбище Берлин-Вайсензее они устроили поминки по коммунистическому молодежному функционеру и руководителю еврейских узников концлагеря Бухенвальд Руди Арндту, убитому нацистами 3 мая 1940 г. В демонстрации, не смотря на тотальный контроль и террор гестапо, участвовали от 40 до 70 человек: поминки превратились в мужественный акт Сопrotивления.

С началом Второй мировой войны немецкие евреи были мобилизованы на принудительные общественные работы. В 1941 г. Герберт Баум, его жена Марианна и другие члены группы работали в особых «еврейских цехах» на заводах «Эльмо» фирм Сименс в берлинском районе Шпандау и АЕГ в районе Трептов. В «еврейских цехах» в каторжных условиях трудились сотни «еврейских рабов», которые носили спецовки со звездой Давида и надписью «юде». Здесь в обстановке секретности высокими темпами велось производство сердечников электродвигателей для подводных лодок³⁹. Электрик Баум научил своих товарищей изолировать якорную обмотку с таким расчетом, чтобы на испытаниях она выдерживала напряжение, но при рабочей эксплуатации быстро выходила из строя. Весной 1942 г. участникам группы Сопrotивления удалось уничтожить склад готовой продукции. Гестапо долго не могло выявить саботажников⁴⁰.

³⁹ Kennzeichen J. Dokumente, Bilder, Berichte zur Geschichte der Verbrechen des Hitlerfaschismus an deutschen Juden 1933-1945. Berlin, 1981. P. 742.

⁴⁰ Гинцберг. Указ. соч. С. 138-139.а

Все контакты евреев с «арийскими» коллегами, а также иностранными рабочими были запрещены. Однако через француженку Сюзанну Вессе (она была связана с группой Сопротивления через родственника – еврея-коммуниста Феликса Хеймана) Герберт Баум и его товарищи сумели установить контакт с молодыми французами. Для них составлялись листовки на французском языке о положении на фронте. С помощью французских рабочих члены группы Баума получили возможность пользоваться документами (подлинными и фальшивыми) иностранных рабочих, что позволяло обходить запреты и ограничения, наложенные нацистами на евреев.

Тексты листовок обсуждались и составлялись коллективно. Печатать и распространять антифашистские листовки и нелегальные брошюры Бауму и его друзьям помогали Сюзанна Вессе и немка Ирена Вальтер – им как не евреям разрешалось иметь пишущие машинки. Материалы на немецком языке были предназначены немцам – представителям разных социальных групп и профессий. Например, листовка, адресованная немецким врачам, гласила: «Растущая массовая смертность от туберкулеза легких, тифа, скарлатины и дифтерии, гриппа, язвы желудка в последнее время – это следствие полуголодного рациона немецкого народа. Это знаем не только мы – медики, осознающие свою ответственность перед Германией. Мы знаем также, что дальнейшее систематическое ухудшение режима питания и жилищных условий вследствие этой безумной войны создает благоприятные условия для массовых эпидемий. Призрак голода уже рядом! Вопреки обещаниям господ из гитлеровского правительства, отвечающих за то, чтобы продовольственных запасов хватило бы в случае длительной войны, нас, кроме сокращения нормы до 35 продовольственных карточек, ждет новое сокращение продовольственного рациона. Каждый врач вынужден сегодня признать, что трудящееся население находится на пределе своих физических возможностей... Народ стоит накануне катастрофы! Коллеги, хотите ли вы и дальше быть соучастниками надвигающейся катастрофы, которая неминуемо разразится, если вы будете поддерживать Адольфа Гитлера в бесперспективной войне, которую он ведет с целью удовлетворения своего преступного властолюбия? Свержение Гитлера – спасение Германии. Должен ли Гитлер действительно стать могильщиком Германии? Этого нельзя допустить. Вместе со всеми антифашистами – трудящимися Германии схватите его за руки. Германия сохранит себя, если свергнет Гитлера. В таком случае миллионы немцев сохранят свои жизни. Германии не будет, если мы погибнем! Германия будет жить, если мы живы!... Поэтому лучшие немцы – это смертельные враги Гитлера!»⁴¹.

В ноябре 1941 г. группа Баума в форме обращения к соотечественникам опубликовала обширный материал, в котором был дан анализ ситуации, сложившейся после нападения Германии на СССР: «Мы, коммунисты, можем с гордостью сказать, что именно благодаря мужественному отпору наших русских братьев и то-

⁴¹ Möller. Op. cit. P. 165-166.

варищей гитлеровская стратегия молниеносных войн потерпела провал... Ход войны на Восточном фронте докажет, что усилия и жертвы СССР были не напрасны, что ему с помощью свободолюбивых народов мира удастся уничтожить алчный фашизм». Авторы листовки объясняли немцам, что их участие в «попытке эксплуататоров сокрушить самый свободолюбивый народ мира» было бы изменой их собственным интересам. «Советский Союз всегда был вашим другом». Для гитлеровцев же «Советский Союз станет адом, из которого не будет никакого спасения»⁴².

Изготовление и распространение листовок было делом очень опасным: за распространение листовок можно было попасть в гестапо. Берлинцы, в чьи почтовые ящики попадали листовки, как правило, сообщали в полицию.

В центре деятельности молодых антифашистов было стремление предотвратить депортацию берлинских евреев в гетто и концлагеря, подготовить их бегство и переход на нелегальное положение. Для этого нужны были фальшивые документы, которые можно было достать за большие деньги. 20% зарплаты, которые еженедельно добровольно жертвовали члены группы на свою деятельность, для этого было явно недостаточно. Молодые антифашисты решили достать деньги, изымая ценные вещи у богатых евреев: эти дорогие вещи все равно подлежали бы конфискации полицией. 9 мая 1942 г. берлинские газеты сообщили о нападении на квартиры богатых евреев с целью ограбления⁴³. Однако продать ценные вещи, награбленные в богатых квартирах, «налетчики» так и не смогли: описание вещей было известно полиции, которая передала эти сведения всем берлинским антикварам и скупщикам ценностей.

Кульминацией и в то же время концом существования группы Баума стала другая отчаянная акция – нападение на нацистскую выставку «Советский рай» в центре города в Люстгартене, рядом с Берлинским собором. Выставка была организована отделом пропаганды нацистской партии; по официальным данным, с 8 мая по 21 июня 1942 г. ее посетило 1,3 миллиона человек – более трети населения Берлина. Термин «советский рай» или «большевистский рай» был расхожим штампом нацистской пропаганды, который неоднократно использовался в киножурнале «Немецкое еженедельное обозрение» и в книге *Письма солдат с фронта*.

В Люстгартене на 9 тыс. квадратных метров были сооружены выставочные павильоны, в которых были представлены фотографии, картины, захваченные предметы и оружие. Главной частью выставки была искаженная реконструкция одного из районов Минска, а также советской деревни, в которой люди жили в землянках. Некоторые фотографии советского быта были инсценированы с использованием узников концлагеря Заксенхаузен. На подготовку экспозиции ушло несколько месяцев. Согласно анонсу, она должна была продемонстрировать

⁴² Pikarski M. Jugend im Berliner Widerstand. Herbert Baum und Kampfgefährten. P. 178-179, 183.

⁴³ Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. P. 7.

«бедность, нищета, упадок и разложение» в Советском Союзе. Таким образом, национал-социалисты пытались оправдать войну против СССР и укрепить моральный дух населения, обеспокоенного провалом блицкрига и поражением вермахта под Москвой. Разумеется, экспонаты выставки не рассказывали о преступной политике уничтожения евреев на захваченной гитлеровцами советской территории.

18 мая 1942 г. члены группы Баума подожгли эту клеветническую антисоветскую выставку. Очаги пожара вспыхнули сразу в нескольких местах. Пламя было быстро потушено, однако от поджога пострадали 11 посетителей. Выбор объекта атаки вызвал одобрение всех участников акции: в том, что не только коммунисты, но и социалисты и сионисты выступали в поддержку СССР, не было ничего необычного: с борьбой Советского Союза против фашизма они связывали свое освобождение и спасение еще оставшихся в живых евреев.

Характерно, что в акции против выставки «Советский рай» участвовали не только члены группы Баума, но и другие немцы-антинацисты. Подпольщики из группы Х. Шульце-Бойзена и А. Харнака (она известна как берлинская группа «Красной Капеллы») и организации Роберта Урига выпустили листовку «Постоянная выставка "Нацистский рай"; война, голод, ложь, гестапо. Сколь долго еще терпеть?». В распространении листовки участвовали 60 человек⁴⁴.

Секретный отчет гестапо от 27 мая 1942 г. относил нападение на выставку «Советский рай» к «важнейшим политическим событиям» в Германии: «Отделению гестапо в Берлине удалось внедриться в нелегальную коммунистическую группу, которая была создана вскоре после начала войны с Советским Союзом и занималась вплоть до последнего времени изготовлением и распространением материалов подрывного характера, расклеивала в Берлине коммунистические листовки и создала общество подслушивания. Этой группой планировались диверсионные акты, в частности, 18 мая нападение на выставку "Советский рай" в берлинском Люстгартене, для чего в некоторых помещениях были подложены зажигательные устройства. Однако своевременное вмешательство помогло предотвратить причинение большого ущерба. Во время акции против этой группы было арестовано 22 человека, имена прилагаются, среди них 7 евреев или полукровок 1-й степени. Руководителем и идеологом нелегальной группы был технический служащий фирмы АЕГ в Берлине Иоахим Франке, который еще до перемены власти активно действовал в пользу КПГ, особенно в литературных кругах. Установлено, что Иоахим Франке, Герберт Баум, Штайнбринк и Ганс Феттер совместно сочинили, отредактировали и распространили следующие листовки: "Немецким врачам" (ср. сообщение № 3 от 8. 4. 42 г., стр. 3), "Выход" (ср. сообщение № 7 от 15. 12. 41 г., стр. 4), "Путь к победе". Кроме того, в нападении

⁴⁴ Бирнат К.Г. Краусхаар Л. Организация Шульце-Бойзена – Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974. С. 32; Бланк А.С. В сердце «третьего рейха». Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974. С. 140-141.

на выставку принимали участие лица, названные в приложении в п. п. 1–11. Изготовителем зажигательных устройств назван Штайнбринк»⁴⁵.

22 мая 1942 г. были арестованы участники нападения на выставку Герберт и Марианна Баум, Хейнц Иоахим, Сала Кохман, Герд Мейер, Сюзанна Вессе и Ирена Вальтер. Затем в застенки гестапо попали еще 25 членов группы⁴⁶. Быстрый арест участников акции свидетельствовал о том, что среди них был информатор тайной государственной полиции; вероятно, это был Иоахим Франке, названный в отчете гестапо «руководителем и идеологом нелегальной группы». По свидетельству Шарлотты Хольцер, нацисты принудили Франке, арестованного накануне акции в Люстгартене, к сотрудничеству: гестапо арестовало его жену, которую жестоко пытали на глазах мужа. Основную «вину» за поджог Франке, назвавшись руководителем группы, взял на себя. Поэтому трудно разделить упреки в предательстве, которые бросали в Иоахима Франке историки из бывшей ГДР⁴⁷. Несмотря на то, что Франке был казнен вместе с другими членами группы Баума, его имени нет на мемориальном камне, установленном на еврейском кладбище Вайсензее⁴⁸.

29 мая 1942 г., через 11 дней после поджога выставки «Советский рай», начальник «еврейского реферата» Главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман⁴⁹ сообщал члену правления «Имперского объединения евреев в Германии» Рихарду Лёвенгерцу, что в связи с нападением на выставку «Советский рай» в Берлине, в котором принимали активное

⁴⁵ Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция под редакцией Рейнгарда Рюрупа. Каталог выставки. Русский вариант. Берлин, 1992. С. 193.

⁴⁶ Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. P. 7.

⁴⁷ Pikarski M. Jugend im Berliner Widerstand. Herbert Baum und Kampfgefährten. Berlin, 1978.

⁴⁸ Надпись на мемориальном камне гласит: «Членам группы Герберта Баума, казненным в 1942-1943 гг. Марианна Баум, 30 лет; Мартин Кохман, 30 лет; Сала Кохман, 30 лет; Герд Мейер, 22 года; Ханни Мейер, 22 года; Сюзанна Вессе, 29 лет; Ирена Вальтер, 22 года; Хейнц Бирнбаум, 23 года; Хейнц Ротхольц, 21 год; Хелла Хирш, 22 года; Алиса Хирш, 19 лет; Эдит Френкель, 21 год; Феликс Хейман, 26 лет; Вернер Штейнбринк, 26 лет; Хильда Ядамович, 26 лет; Ханс Адлер, 30 лет; Ханс Иоахим, 21 год; Марианна Иоахим, 21 год; Зиги Ротхольц, 21 год; Лотта Ротхольц, 20 лет; Лотар Салингер, 23 года; Хильда Лёви, 20 лет; Херберт Буджиславски, 22 года; Хельмут Нойман, 21 год; Хардель Нойман, 31 год; Курт Бернхард, 40 лет; Херберт Мейер, 32 года. Они погибли в борьбе за мир и свободу». См. Deutsche Widerstandskämpfer 1933-1945. Biographien und Briefe. Vol. 1, Berlin, 1970. P. 88.

⁴⁹ Адольф Эйхман – оберштурмбаннфюрер (подполковник) СС, начальник подотдела В4 в IV отделе (гестапо) Главного управления имперской безопасности, который отвечал за «окончательное решение еврейского вопроса». После войны скрылся в Южной Америке. Агенты израильской разведки «Моссад» выследили его и тайно вывезли в Израиль, где он был судим, приговорен к высшей мере наказания и казнен в 1962 г. Философ Ханна Арендт, присутствовавшая в качестве корреспондента в зале суда, написала об этом процессе свою знаменитую книгу (Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме – Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Пер. с англ. С.Е. Кастальский, Н.Н. Рудницкая. М., 2008).

участие 5 евреев⁵⁰, было арестовано 500 евреев, из которых 250 были расстреляны, а другие 250 отправлены в концлагерь. Было заявлено, что следует ожидать продолжения карательных мероприятий, если акции саботажа со стороны евреев будут продолжаться. Лёвенгерцу поручалось довести эту информацию до сведения евреев и объяснить им последствия своих действий⁵¹.

Упомянутые Эйхманом 250 заложников были расстреляны во дворе казармы СС в берлинском районе Лихтерфельде; их родственники – отправлены в концлагерь Терезиенштадт. Женам убитых заложников при регистрации в концлагере эсэсовцы сообщали, что они уже стали вдовами. Еще 250 заложников были казнены в концлагере Заксенхаузен и в лагерях уничтожения на Востоке.

Однако в подцензурной и подконтрольной шефу отдела пропаганды НСДАП, рейхсминистру просвещения и пропаганды д-ру Йозефу Геббельсу немецкой прессе не сообщалось ни о нападении на выставку «Советский рай», ни об аресте группы Баума, ни о расстреле 500 евреев. Национал-социалисты пытались сделать все возможное, чтобы скрыть от общественности деятельность группы Герберта Баума: в отличие от понятия «борющиеся левые», такое понятие как «борющиеся евреи» не имело права на существование даже как образ врага.

Распоряжение Эйхмана за каждого еврея-участника Сопротивления расстреливать по 50 его единоверцев было дополнено Геббельсом, который был также гауляйтером⁵² Берлина: он предложил «за каждую попытку покушения или проявление неповиновения со стороны евреев за каждого непокорного еврея расстреливать 100 или 150 его соплеменников, находящихся в наших руках»⁵³.

Эти угрозы должны были продемонстрировать немецким евреям безысходность ситуации. Каждый еврей, осмелившийся на Сопротивление, должен был осознать, что своими действиями он обрекает на верную смерть сотни своих соплеменников и единоверцев. В то же время, участники Сопротивления навсегда разрушили представление о еврее, который, не сопротивляясь, позволяет себя убивать.

16 июля 1942 г. в Имперском народном трибунале начался процесс над группой евреев-поджигателей. Герберт Баум не дожидая суда: он погиб 11 июня 1942 г. Было ли это самоубийство, или он умер в результате пыток, примененных к нему по приказу оберштурмфюрера СС Бовензипена – не известно. Марианна Баум, Герд Мейер, Хейнц Иоахим, Ирена Вальтер, Сала Кохман, Сюзанна Вессе были казнены в берлинской каторжной тюрьме Плётцензее 18 августа 1942 г. Салу Кохман принесли на казнь на носилках из Еврейской больницы на Ирранише

⁵⁰ Из 7 участников нападения на выставку 5 были евреями (Герберт и Марианна Баум, Хейнц Иоахим, Сала Кохман, Герд Мейер). Сюзанна Вессе была французкой, а Ирена Вальтер – немкой.

⁵¹ Adler H.-G. Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tübingen, 1974. P. 179.

⁵² Гау – партийно-административный округ НСДАП. Гауляйтер – начальник этого округа.

⁵³ Wollt ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1933-1943 / Ed. Willi Boelcke. Berlin, 1967. P. 243.

штрассе. Чтобы избежать пыток, она выбросилась из окна гестаповской тюрьмы и сломала позвоночник. Как гласил расклеенный на афишных тумбах кроваво-красный плакат со зловещими черными буквами, 18 августа 1942 г. на рассвете в Берлине была казнена группа евреев-поджигателей, мужчины и женщины в возрасте от 23 до 33 лет. Были названы имена казненных с предписанным «арийскими законами» вторым именем – Сара для женщин и Израиль для мужчин. Палач справился со своей задачей за 27 минут.

10 декабря 1942 г. пошел процесс над членами группы Баума, которые непосредственно не участвовали в поджоге «Советского рая». Государственный обвинитель Виттман требовал для всех обвиняемых смертной казни, т.к. они «виновны в государственной измене и пособничестве врагу». Суд в составе председателя – вице-президента Имперского народного трибунала д-ра Кроне – и заседателя – судебного советника Пройснера – удовлетворил требование прокурора. 9 обвиняемых были приговорены к смерти. Обоснование приговора гласило, что «обвиняемые являются евреями и как таковые должны вести себя тихо, а не так, как это было в 1914-1918 гг., когда евреи нанесли Германии удар ножом в спину». 4 марта 1943 г. Хейнц Ротхольц, Зигберт Ротхольц, Хейнц Бирнбаум, Лотар Салингер, Хельмут Нейман, Хелла Хирш, Ханни Мейер, Марианна Иоахим и Хильдегард Лёви были казнены в тюрьме Плётцензее. По распоряжению министра юстиции их трупы были переданы в анатомический театр Берлинского университета.

Третий, последний процесс против членов группы Баума состоялся 14 июня 1943 г. Обвиняемые Мартин Кохман, Феликс Хейман и Херберт Буджиславски по требованию прокуроров Витмана и Лаутца были приговорены к смерти, т.к. они «состояли в еврейско-коммунистической группе и тем самым помогали врагам Германии». Их казнили в сентябре 1943 г. На суде обвинитель Лаутц подчеркивал, что «на собраниях этой группы превозносился главный враг Германии – большевизм. Обвиняемые утверждали, что победа большевизма приведет к решению еврейского вопроса в интересах евреев. При этом евреи изучали мировоззрение большевизма, чтобы способствовать большевистской революции в Германии»⁵⁴.

На вопрос, кем были члены группы Баума – немецкими антифашистами, сионистами или коммунистами, нет однозначного ответа. Ясно одно: это была важнейшая молодежная организация еврейского антигитлеровского Сопротивления в Германии. Но были и другие группы и формы еврейского Сопротивления в Третьем рейхе.

В 1981 г. в Люстгартене, в центре Восточного Берлина, тогдашней столицы ГДР, по проекту архитектора Юргена Рауэ был установлен мемориальный камень, надпись на котором гласила: «Не забыты мужество и стойкость молодых коммунистов руководимой Гербертом Баумом антифашистской группы Спро-

⁵⁴ Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. P. 10.

тивления. – Связанные дружбой с Советским Союзом на вечные времена». В 2000 г. этот камень был покрыт стеклянной плитой с именами членов группы Баума и словами: «Этот мемориальный камень документирует сегодня мужественную акцию Сопротивления 1942 г., понимание истории в 1981 г. и нашу вечную память о Сопротивлении против нацистского режима»⁵⁵. Мемориальная доска установлена в Берлине на доме №3 по Гипсштрассе, где жили Мартин и Сала Кохман: «В этом доме жили борцы Сопротивления из группы Баума – Сала Кохман, казненная фашистами в Плетцензее 18.8.1942 г., и Мартин Кохман, казненный фашистами в сентябре 1943 г. Их борьба – это наша борьба!»⁵⁶.

Группа Вернера Шарфа

Берлинским электриком Вернером Шарфом и его друзьями было создано «Сообщество за мир и свободу». Вернер Шарф родился 16 августа 1912 г. в польском городе Познань в еврейской семье; жил в Берлине, получил специальность электрика. Из-за ограничений, введенных нацистами для евреев, высшее образование получить не смог.

Шарф работал электриком в синагоге на Левеццов-штрассе в районе Берлин-Маобит. Эта синагога с главным залом на 2120 мест, общинным домом и школой была одной из самых больших в городе. В «Хрустальную ночь» она не была сожжена, но здание было повреждено: у Шарфа было много работы по его ремонту. До октября 1941 синагога была действующей: служил известный берлинский раввин д-р Юлиус Левкович (затем он был депортирован и в 1943 г. погиб в Освенциме). С октября 1941 г. здание синагоги нацисты использовали как сборный пункт для евреев, подлежащих депортации на Восток. Скамьи из главного зала были убраны, пол устлан соломой. Здесь под охраной полиции и СС в ожидании депортации на восток по несколько дней проводили около 1000 мужчин, женщин и детей. Затем их строили в колонну и по улицам города гнали на вокзалы Грюневальд или Маобит, откуда шли «восточные эшелоны» в гетто и лагеря смерти. Всего через сборный пункт на Левеццов-штрассе с 18 октября 1941 г. по 26 октября 1942 г. было отправлено 22 «восточных транспорта». Чтобы ускорить процесс ареста и подготовки депортируемых к отправке, полиция прибегала к

⁵⁵ Herbert Baum, Marianne Baum, Kurt Bernhardt, Heinz Birnbaum, Adolf Bittner, Herbert Budzislawsky, Edith Fraenkel, Joachim Franke, Bernhard Heymann, Felix Heymann, Alice Hirsch, Hella Hirsch, Artur Illgen, Hildegard Jadamowitz, Heinz Joachim, Marianne Joachim, Martin Kochmann, Sala Kochmann, Karl Kunger, Hildegard Loewy, Hans Georg Mannaberg, Gerd Meyer, Hanni Meyer, Herbert Meyer, Helmut Neumann, Heinz Rotholz, Lotte Rotholz, Siegbert Rotholz, Lothar Salinger, Werner Steinbrink, Georg Vötter, Irene Walther, Suzanne Wesse, Lothar Wittenberg. См. <http://www.gedenktafeln-in-berlin.de/nc/gedenktafeln/gedenktafel-anzeige/tid/widerstandsgruppe-um/>

⁵⁶ См. Википедия. https://de.wikipedia.org/wiki/Sala_Kochmann#/media/File:Gedenktafel_Gipsstr_3_Martin_Kochmann.JPG.

помощи местной еврейской общины. Вернер Шарф оказался среди тех, кто помогал евреям размеситься в их временном жилище, сверял списки, помогал подносить вещи: для нацистов было важно, чтобы евреи сохраняли спокойствие.

Получив доступ к спискам на депортацию, Шарф стал предупреждать людей о том, когда за ними придет полиция. Часто ему это удавалось. Накануне ареста он уводил евреев из их квартир, укрывал, снабжал фальшивыми документами и продовольствием. Перед депортацией последних сотрудников «Имперского представительства евреев в Германии» 10 июня 1943 г. очередь «отправляться на Восток» дошла до Шарфа: он ушел в подполье, но 14 июля 1943 г. был обнаружен гестапо и отправлен в Терезиенштадт. Но его заключение длилось не долго: 7 сентября 1943 г. Шарф совершил побег. Он спрятался в одном из укрытий, которые раньше готовил для евреев. Вместе с находившимся там Гюнтером Самуэлем, Шарф сумел пробраться в Берлин к знакомому Самуэля немцу-антинацисту Хансу Винклеру, судейскому писарю и даже члену НСДАП.

Побуждаемые Шарфом к активному Сопротивлению, Ханс Винклер, Гюнтер Самуэль и Эрих Шварц в городке Люкенвальде в 50 км южнее Берлина создали «Рабочее сообщество за мир и свободу», которое занималось спасением евреев. Винклер и его друзья прятали до 10 человек одновременно, в том числе и племянника Винклера Эугена Хермана-Фриде⁵⁷, который по нацистским законам считался евреем.

В местном суде, где служил Винклер, он выписывал свидетельства о смерти евреям, которых он укрывал у себя или своих друзей. Затем он добывал им «арийские» паспорта, по которым выписывались продовольственные карточки.

Группа насчитывала до 30 человек, была децентрализована и изготавливала листовки, общий тираж которых составлял 3500 штук. Листовки распространялись по цепочке из рук в руки; они призывали население к самостоятельному критическому мышлению, к Сопротивлению Гитлеру и окончанию войны: «Сообщество за мир и свободу на марше. Мужественные мужчины и женщины Германии объединились, чтобы положить конец лжи и смертям, которые несут нацисты... Мы боремся за немедленный мир... Мы призываем к пассивному Сопротивлению. Мы не требуем ничего, кроме обязанности думать. Фашизм уже получил удары, после которых ему осталось лишь спасти то, что еще можно спасти. Иначе – безоговорочная капитуляция. Мы призываем вас, немецкие солдаты, сложить оружие и подняться против своих угнетателей. Мы призываем немецкий народ к активному Сопротивлению»⁵⁸.

Постепенно деятельность организации распространилась на берлинские районы Митте, Веддинг и Кройцберг. Во главе ее стал Шарф. Он даже готовил налет

⁵⁷ Eugen Herman-Friede erzählt aus seinem Leben: „Ich war kein Widerstandskämpfer. Mir hat es Spaß gemacht, etwas gegen die Nazis zu tun“. Paul Lazarus Stiftung. Wiesbaden, 2012.

⁵⁸ Herman-Friede E. Arbeit und Ressourcen der „Gemeinschaft für Frieden und Aufbau.“ // Financiers, Finanzen und Finanzierungsformen des Widerstandes / Ed. J. Detlev. Berlin, Münster, 2006. P. 189-190.

на тюрьму для евреев на Шульштрассе, но этот план не был осуществлен из-за провала: группа Сопротивления была выдана гестапо. Ее руководители были арестованы. 14 октября 1944 г. после жестких пыток в тюрьме на Александер-платц Шарф был отправлен в концлагерь Заксенхаузен, где был расстрелян СС 16 марта 1945 г. Остальные члены «Сообщества за мир и свободу», немцы и евреи, также были убиты⁵⁹.

20 августа 2010 г. в Берлинском районе Крейцберг у входа в дом 70 на Гитшиерштрассе был установлен камень памяти: «Здесь жил Вернер Шарф, 1912 г. рождения, участник Сопротивления, депортирован 4.8.1943 г. в Терезиенштадт, совершил побег, вновь арестован, узник тюрьмы Берлина и концлагеря Заксенхаузен. Убит 16.3.1945 г.»⁶⁰.

Другие группы еврейского Сопротивления

После начала Второй мировой войны среди еврейских принудительных рабочих в Берлине возникла группа Сопротивления под руководством Евы Мамлок. Участники этой группы распространяли антифашистскую литературу и листовки, пытались укрепить сотрудничество между еврейскими принудительными рабочими разных предприятий. В 1941 г. гестапо напало на след членов группы. Их арестовали. Тех, кого не казнили сразу, депортировали в концлагерь в районе Риги. В конце войны, уцелевшие были отправлены в концлагерь Штуттгоф, где и были уничтожены⁶¹.

Среди деятелей СДПГ и КПГ было много евреев, которых нацисты ненавидели особенно остро. Одни из них, например, Феликс Фехенбах, который решительно боролся с нацистской пропагандой, был убит гитлеровцами уже в первые месяцы Третьего рейха. Другие, например, Рудольф Гильфердинг, были вынуждены эмигрировать. Положение оставшихся в Германии евреев коммунистов и социал-демократов было особенно опасным, так как их преследовали и как евреев, и как коммунистов или социал-демократов. Несмотря на это во всех организациях коммунистического и социал-демократического Сопротивления было много евреев. Назовем имена коммунистов Александра Абуша, Германа Аксена, Лею Грюндиг, Бруно Баума, Штефана Хермлина, Рудольфа Хернштатта, Стефана Дёрнбергера, игравших видную роль в послевоенной Германии и с 1949 г. в ГДР.

Особенно велико было участие евреев в социалистических группах, оказывавших, по крайней мере, в начале существования Третьего рейха, интенсивное Сопротивление нацизму. В Социалистической рабочей партии следует назвать

⁵⁹ Möller. Op. cit. P. 163-164.

⁶⁰ См. Википедия. https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Stolperstein.Kreuzberg.Gitschiner_Stra%C3%9Fe_71.Werner_Scharff.7324.jpg

⁶¹ Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. P. 11.

Альберта Кана и Рудольфа Залфельда. Лидером социал-демократической группы «Новое начало» («Neu Beginn») был Рихард Лёвенталь, во главе отряда «Красных ударников» («Roter Stoßtrupp») стоял Рудольф Кюстермейер.

«Интернациональный социалистический боевой союз» («Internationaler Sozialistischer Kampfbund») – ИСК – основал в 1926 г. еврейский философ Рудольф Нельсон. Антифашистской подпольной социалистической группой ИСК руководил Юлиус Филипсон. Он был арестован в 1937 г.; процесс по его делу состоялся в декабре 1938 г. Прокурор охарактеризовал ИСК как форпост мирового еврейства. Очевидно, таким образом он пытался постфактум найти оправдание «Хрустальной ночи» – всегерманскому еврейскому погрому ноября 1938 г.

Всего число немецких евреев-участников коммунистического и социал-демократического Сопротивления составляло, по данным гестапо, примерно 2000 человек (речь идет не только о верующих иудеях, но и о лицах «еврейской крови», т.е. евреях по происхождению)⁶².

Выводы

Немецкие евреи стали одной из первых жертв нацизма и объектом Холокоста. Может быть, поэтому в мире сложилось устойчивое представление о евреях-жертвах, но мало говорится о евреях-борцах. Тем более важным является изучение антинацистского Сопротивления немецких евреев: этот сюжет недостаточно изучен в Германии и практически неизвестен в России.

Направленное против системы власти гитлеровской партии-государства внутривнутриполитическое еврейское Сопротивление в узком смысле – активное и пассивное, индивидуальное и коллективное – было относительно невелико. Но было бы неверно видеть в этом проявление политического конформизма немецких евреев, их чрезмерной готовности к приспособлению. Нацисты предприняли все возможное, чтобы отнять у немецких евреев возможность самовыражения, лишить их гражданских прав, имущества, источников к существованию, культурно-образовательных учреждений, свободы собраний и прессы, заставить балансировать на грани жизни и смерти, а затем отнять и саму жизнь.

Существовавшие формы Сопротивления немецких евреев, как позже подчеркивал участник молодежного еврейского движения берлинец Арнольд Паукер, отражали глубоко реалистичную, правильную политическую оценку ситуации. Борьбу против нацистского террора можно было вести лишь на основе величайшего духовного превосходства над нацистским мракобесием.

⁶² Kwiet K. Zur historiographischen Behandlung der Judenverfolgung im Dritten Reich // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1980. № 27. P. 177.

Однако трактовка Сопротивления немецких евреев как специфически еврейского явления сужает само это понятие. Борьба евреев за выживание была частью немецкого антигитлеровского Сопротивления в широком смысле. Поэтому немецкие евреи составляли значительную часть участников немецкого Сопротивления. Немецкие евреи сражались с нацизмом в подполье и эмиграции, в гетто и концлагерях, в разведке, вооруженных силах, органах спецпропаганды стран антигитлеровской коалиции. Тезис об отсутствии Сопротивления немецких евреев, который встречается порой в литературе, не имеет фактической основы.

Илья Кремер

Дело *Дипломатического словаря* и «пятый пункт» в эпоху позднего сталинизма*

Случай нередко бывает творцом биографий. В декабре 1946 г. ко мне домой зашел товарищ по истфаку МГУ Анатолий Миркинд. Вместе с ним была его приятельница Туся, работавшая в редакции *Дипломатического словаря*. Когда мы прощались, Толя неожиданно сказал: «Туся, у Ильи хорошее перо, помоги ему найти работу». С этим они и ушли, и я не придавал большого значения сказанному. Я в это время – студент 4-го курса истфака МГУ, жена Инесса – тоже студентка, у нас трехлетняя дочь Танюша. Всем троим надо есть и одеваться. Мы живем в семье родителей жены, у тещи сложный характер, и нам «достаётся на орехи», тесть – очень хороший, светлый человек, но не он руководит семейной жизнью. Работа нужна мне, как воздух.

Недели через три раздался телефонный звонок: Туся сообщила, что меня приглашает побеседовать заведующий отделом Совинформбюро Юрий Владимирович Рубинин. В беседе принимали участие его сотрудники – бывший истфаковец и будущий известный журналист Виктор Осипович Шрагин и Эмилия Исааковна Теумин. Похоже, что мы друг другу понравились, но пока речь шла не о постоянной работе, а об испытании моего «хорошего пера». Юрий Владимирович сказал, что хотел бы заказать мне статьи о 3-4 выдающихся советских женщинах. Если статьи получатся, он надеется напечатать их 8 марта 1947 г. во Франции и в русскоязычной газете в Тегеране.

Рубинин был многие годы послом в Брюсселе. Отозванный в 1940 г. из оккупированной Бельгии дипломат долго вживался в быт и «новояз» посленэповской родины. Рассказывали, что, когда на профсоюзном собрании в МИД председатель сообщил, что для завершения заседания осталось решить только один вопрос – выбрать страхделегата (члена коллектива, занимающегося страхованием сотрудников), он в ужасе спрашивал соседей – «кого мы должны выбрать?». Помню, во время разговора с Юрием Владимировичем я сделал неправильное ударение в какой-то французской фамилии. В последующие недели мои визиты к Юрию Владимировичу начинались таким приветствием: «А, пришел наш юный

* Сокращенная версия текста, опубликованного первоначально в журнале *Новая и новейшая история* (5/2018). Редакция Форума благодарит Илью Семеновича за то, что он предоставил нам возможность опубликовать этот текст в нашем журнале.

Пётэн». Ничего не поделаешь, как говорил Митрич в «Золотом теленке», «мы в гимназиях не учивались».

Я принялся за работу. Нужно было найти героинь моих будущих журналистских «шедевров», получить их согласие на интервью, придумать умные вопросы, расположить к себе этих дам и, наконец, сочинить интересные тексты. Мой выбор пал на одну ученую даму-историка (Милицу Нечкину), стахановку с Трехгорки (Антонину Серегину) и балерину Ольгу Лепешинскую. Запомнилось знакомство с Ольгой Васильевной Лепешинской, вошедшей в число звезд русского балета, особенно после исполнения главной роли в прокофьевской «Золушке». Мы условились встретиться в квартире матери балерины. В назначенный час я пришел, мама Ольги Васильевны угостила меня чаем и коротко изложила свою оценку иерархии в русском балете. Уже через 10-15 минут я понял, что Улановой, родившейся в 1910 г., пора на покой, что первое место в Большом театре по праву должно принадлежать Оленьке. К счастью, скоро появилась Ольга. Она сбросила меховую шубку, с ногами уселась на стуле и начала говорить. Я еще не знал, как она танцует, но было ясно, что передо мной – человек талантливый не только в балете. Хотя она начала беседу со слов «говорят, что у балерины ум – в ногах», ее речь, меткие замечания, рассказ об особенностях русского балета необычайно помогли моему становлению как молодого журналиста. Говоря по правде, эту мою первую в жизни напечатанную статью фактически больше, чем наполовину продиктовала Ольга Васильевна. Она попросила меня до передачи статьи заказчику показать ей, что у меня получилось. Помню, сроки поджимали, я почти не спал, писал, правил и печатал, но на следующий день занес конверт со статьей маме Ольги Васильевны. Через несколько часов мама позвонила и сообщила, что «Оленька оставила для Вас пакет». В пакете оказались моя статья, два билета на «Золушку» и записка: «Статья получилась. Спасибо. Вы меня хвалите так, как хвалят только покойников». Все три статьи увидели свет в Париже и Гегеране.

В середине марта 1947 г. меня снова пригласил Рубинин и предложил вести постоянную рубрику «О чем говорят в России». Я плохо знал, о чем в действительности говорят в России. Поэтому я часами сидел в Ленинской библиотеке, читал провинциальные газеты, слушал радиопередачи, выбирая материал для еженедельной статьи. Так продолжалось несколько месяцев. Я приобрел репутацию способного новичка.

Я не сразу узнал, что сотрудница Рубинина – Э. И. Теумин, одновременно была заведующей редакции *Дипломатического словаря*. Однажды, весной 1947 года, пригласили меня зайти в редакцию. Здесь со мной беседовали две дамы – Эмилия Исааковна и Вера Семеновна Соловьева. Я пришел на эту беседу бедным студентом, подрабатывавшим на жизнь в информационном агентстве, а вышел счастливым обладателем постоянной работы – должности редактора *Дипломатического словаря*. Была, правда, одна сложность – посещение лекций для студента 4-го курса истфака МГУ было делом обязательным. Как это можно бы-

ло совместить со штатной должностью, я не знал. Но свет не без добрых людей. Староста моей студенческой группы, Аллочка Губанова, успокоила меня: «Соглашайся на работу, у тебя семья. Не беспокойся, я тебя прикрою». Я благополучно совмещал работу с учебой до самого окончания МГУ в 1948 г. В редакции меня тоже не угнетали и я свободно ходил на важные для меня семинары, зачеты и экзамены.

Очень скоро я понял, что попал в компанию замечательных людей. Редакция *Дипломатического словаря* была оазисом в тогдашней суровой московской жизни. Стоит рассказать, хотя бы коротко, о главных персонажах редакции. Наиболее яркой фигурой была, без сомнения, Вера Семеновна Соловьева. Она соединяла в себе опыт с юности работавшего человека, много видевшего и пережившего, с большим природным умом, обаянием и добротой. Ее взрослая жизнь началась в 17 лет, в годы гражданской войны. Секретарь очень важного в те годы губернского Продовольственного отдела, в столице она прошла путь от технического работника и младшего редактора в издательстве до должности заместителя заведующего редакцией. Она была истинно мудрой и душевной, не помню, чтобы Вера Семеновна кого-нибудь распекала за срыв сроков работы над материалом или ошибку в редактировании. Да ей и не нужно было никого из нас «ставить в угол». Ее профессионализм редактора, проницательность, умение незаметно и ненавязчиво учить каждого из нас были так совершенны, что мы, редакторы, очень старались, боялись огорчить или подвести свою замечательную начальницу. В свою очередь и она была к нам привязана и, не имея собственных детей, по-видимому, находила сердечную, психологическую отдушину в общении с нами.

Эмилия Исааковна Теумин, заведующая редакцией, текущими делами редакции не занималась. Она очень ценила свои «высокие связи»: среди ее приятелей числились заместитель председателя президиума Верховного Совета СССР литовский писатель Юстас Палецкис, руководитель Совинформбюро С.А. Лозовский и другие, как теперь говорят, «VIP-персоны». Заведующая навещала нас 1-2 раза в неделю, рассказывала о новостях «в верхах» и уходила. Иногда она испытывала верность коллектива, беспомощно опускалась в кресло со словами «мне что-то плохо» и трое редакторов подымали на руки крепенькую женщину, укладывали ее на диван и давали валериановые капли. Изредка она давала нам, как она говорила, «ЦУ», т.е. ценные указания. Возражений она не терпела и часто использовала свой главный аргумент – «кто здесь хозяйка – я или вы?». Это дало нам повод написать сатирическое стихотворение, где были такие строчки: «Вы – ученые мужья, но хозяйка все же я!». Но в целом Э.И. Теумин была добрым человеком и не мешала нам работать.

Закончилась ее жизнь трагично. На свое несчастье, она была членом «Еврейского антифашистского комитета» (ЕАК). И.В. Сталин, в начале 30-х годов заявивший, что антисемитизм – крайняя форма шовинизма, в 1948 г. дал отмашку на «окончательное решение» вопроса о ЕАК. Начали с председателя комитета,

великого артиста С.М. Михоэлса, которого убили в январе 1948 г. на даче председателя КГБ Белоруссии Л.Ф. Цанавы. Чуть позднее арестовали руководство ЕАК в полном составе и расстреляли всех, кроме академика Л.С. Штерн, всемирно известного биолога. Дочь Сталина, Светлана Аллилуева (она училась на нашем курсе и отстала от него в связи с рождением сына), в воспоминаниях писала, что ее отец лично давал указания объявить причиной смерти Михоэлса автомобильную катастрофу¹. Много лет спустя я прочитал стенограмму процесса ЕАК². Почти всем обвиняемым приписывались враждебные деяния. Подсудимый С.А. Лозовский, сотрудник В.И. Ленина, в течение 17 лет руководивший Красным интернационалом профсоюзов, член президиума Коминтерна, член ЦК ВКП(б) и заместитель наркома иностранных дел СССР с 1939 г., как оказалось, «занимался шпионажем и был руководителем еврейского националистического подполья в СССР», а также поручил С.М. Михоэлсу и ответственному секретарю ЕАК И.С. Феферу «установить связь с реакционными кругами США». Похоже, что, предчувствуя беду, Лозовский пытался проявить приятную вождю инициативу и выступил на одном из наших заседаний с предложением напечатать во втором томе *Дипломатического словаря* статью «Сталин как дипломат». Главному редактору *Дипломатического словаря* А.Я. Вышинскому ничего не оставалось, как согласиться с «интересным и правильным предложением тов. Лозовского». Правда, он тут же сообщил, что редактором этой центральной статьи второго тома выступит он лично.

В архиве автора этих заметок сохранилась копия статьи Лозовского: современные читатели смогут понять, как в описываемое время писали о вожде. Обычно авторы статей о выдающихся персонах истории дипломатии писали 3-4 страницы на машинке; Лозовский передал в редакцию статью почти на 100 машинописных страницах. Основной смысл статьи заключался в определении – дефиниции, которая занимала целую страницу. Приведем часть этого уникального определения, которое даже на общем фоне славословия Сталину выходило за пределы разумного: «Великий мыслитель-теоретик, гениальный политик и государственный деятель, выдающийся ученый и философ-диалетик, гениальный стратег-полководец и мастер вождения многомиллионных армий и народных масс, непримиримый в своей ненависти к эксплуататорам и угнетателям, непреклонный в борьбе за принципы большевистской партии, несгибаемой воли и революционной страсти, спокойный и решительный, во всей деятельности руководствующийся лишь интересами своего класса, своей партии и своей страны, трезвый практик, взвешивающий каждый шаг, верящий в творческую инициативу простых людей, всегда с массами и во главе масс, умеющий выжидать, не поддаваться на провокации и "хранить грозное терпение" (Барбюс), умеющий предвидеть ходы и маневры противников и отвечать на удар мощным контруда-

¹ Аллилуева С.И. Только один год. Нью-Йорк, 1969. С. 134.

² Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. М., 1994.

ром, человек ясно и четко формулирующий свою мысль и умеющий, как никто, превратить в конкретные действия намеченную политическую линию, сконцентрировать в кратком лозунге главную задачу, таков ученик, соратник, друг и продолжатель дела величайшего сына русского народа, гения революции, бессмертного Владимира Ильича Ленина, таков учитель и вождь народов советской страны и всего трудящегося и прогрессивного человечества И.В. Сталин»³.

Вышинский, передавший статью самому вождю, вскоре сообщил нам, что вопрос снимается с обсуждения: тов. Сталин против публикации статьи. Причину мы так и не узнали. Остается только гадать, то ли автор статьи, написанной в самом начале 1948 г., был уже «на мушке» у руководителя, то ли назойливые напоминания, что вождь был учеником и продолжателем дела великого Ленина, начинали раздражать человека, который после 1945 г. явно ставил себя выше своего учителя. Читатели старшего поколения, может быть, помнят, как пренебрежительно после войны Верховный главнокомандующий отзывался о военных познаниях Ленина.

На процессе ЕАК Лозовский отметал все обвинения, и умно и храбро защищался. Теумин признавала себя виновной в том, что «не давала отпора националистическим разговорам Михоэлса и Фефера», а также в том, что передала американскому журналисту справку о достижениях трех прибалтийских республик, составленную по материалам советской прессы. И все.

Когда читаешь материалы процесса ЕАК, создается впечатление, что обвиняемые не сознают, что их ожидает. Некоторые говорят даже о своих планах на будущее. Другие опровергают глупейшие обвинения и уверены, что они убедили суд. Между тем, процесс был чистой фикцией. Режиссером следствия, длившегося три года, и самого процесса, был Сталин. Только за первые два месяца следствия великому интернационалисту было послано около 20 протоколов допросов арестованных. Сталин лично готовил вопросы, которые следователи должны были задавать обвиняемым. Ему же в начале апреля 1952 г. министр государственной безопасности С.Д. Игнатьев направил текст обвинительного заключения. На следующий день Политбюро приняло решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Л.С. Штерн. Еще через два дня военная прокуратура передает дело в Военную коллегия Верховного суда СССР для рассмотрения «без обвинения и защиты и без вызова свидетелей». Все было предрешено.

Для Э.И. Теумин не нашлось какого-либо приличного шпионского дела. Ее расстреляли за компанию. Помните, в «Одном дне Ивана Денисовича» А.И. Солженицына герою повести приписали, что он, попав в плен, не бежал к своим, а был «послан с заданием». А с каким заданием, следователь так и не придумал.

Старшим редактором в нашей редакции (позднее – *Политического словаря*) был Александр Борисович Беленький. Отец Александра Борисовича был торговым представителем СССР в нескольких странах, везде находился вместе с семь-

³ Из личного архива И.С. Кремера.

ей, и сын его быстро осваивал язык очередной страны. Александр Борисович отлично знал английский, немецкий, итальянский и испанский языки. Позднее, после пережитых нами потрясений, о которых речь пойдет ниже, он был принят на работу в Институт Востоковедения АН СССР. Здесь требовалось знание индонезийского языка; Александр Борисович изучил его за четыре месяца и свободно говорил и читал на этом непростом языке. От отца, погибшего в годы «большого террора», он знал очень много о закулисе европейской политики.

А.Б. Беленький был знаком с бывшим советским послом в Италии Б.Е. Штейном; к чести дипломата нужно сказать, что Борис Ефимович не прервал этого знакомства и после ареста и казни отца А.Б. Беленького.

Запомнился один из эпизодов, рассказанных Александром Беленьким. В дипломатических кругах Рима передавали, что во время встречи министра иностранных дел Чиано с послом Швейцарии итальянский министр спросил у швейцарца, зачем его стране, не имеющей выхода к морю, министерство торгового флота (швейцарцы арендовали территории в портах Адриатики). Посол якобы ответил так: господин министр, я ведь не спрашиваю Вас, зачем Италии министерство финансов.

Помимо качеств полиглота, Александр Беленький в описываемое время был сложившимся ученым. В 1952 г. он защитил диссертацию по проблемам мексиканской революции 50-60-х годов XIX в. Он просил нас, своих коллег, прочитать его работу и высказать свои замечания. Слово «блестящая» лучше всего характеризует это сочинение. Очень часто случается, что авторы диссертаций стремятся придать работе «научообразный» вид, но не заботятся о языке, каким она написана. Диссертация Беленького воплощала в себе соединение глубокого анализа с увлекательностью рассказа и великолепным литературным языком. Мне она казалась тогда образцом научной работы. Этого мнения я придерживаюсь и сегодня.

Моисей Аронович Персиц, гвардии капитан, успел перед войной окончить Институт философии, литературы и истории, в годы войны объединенный с МГУ. Он вел в редакции историю международных отношений и дипломатии Востока, хорошо знал историю Китая. Добрый, сердечный человек был нами единодушно выбран партгором, что позднее аукнулось ему преследованием в ходе нашего, как теперь говорят, «резонансного» дела. После потрясений 1953 г. Персиц нашел пристанище в Издательстве восточной литературы. В 60-е годы Моисей Аронович стал научным сотрудником Института международного рабочего движения АН СССР, много писал, очень продуктивно работал в архивах Коминтерна.

Кроме несчастной Эмилии Исааковны и Веры Семеновны были в редакции и другие дамы – младший редактор Туся З., машинистка Ольга Сергеевна, родственница знаменитой Софьи Ковалевской, а также говорившая без перерыва пожилая дама-корректор. Секретарем редакции и общей любимицей была юная Паня. По классификации женских типов, данных писателем В.П. Катаевым в

«Алмазном венце», она соответствовала категории «первый день творения». Паня ничего не читала и не писала. Доверить ей можно было только прием информации по телефону и обязанности курьера. Но у нее были большие способности к словотворчеству. Бразилия в ее устах сразу и бесповоротно стала Барзилией, а сокращение «Дипсловарь» приобрело новое звучание как «Дипсамарь». Зато она была доброй и открытой девушкой, делилась с нами подробностями своей личной жизни. У нее был роман с охранником члена Политбюро и вождя советских профсоюзов Н.М. Шверника. «Знаете, Илья Семенович, – рассказывала Паня, – мой ухажер очень способный. Когда видит человека, сразу может сказать, он хороший, плохой или средственный».

Главными редакторами первого тома *Дипломатического словаря* были А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский, оба – заместители министра иностранных дел. Но во втором томе остался один главный редактор – министр иностранных дел А.Я. Вышинский. Его коллега по первому тому С.А. Лозовский уже сидел в камере Лефортовской тюрьмы. Ему предстояло пройти все круги ада и окончить свою жизнь в один день с Э.И. Теумин.

Отредактированные нами материалы отправлялись главному редактору. Время от времени он приглашал нас в свой кабинет в здании МИД на Кузнецком мосту. С нами он был всегда сдержан и вежлив. Но вот провинился один из наших авторов. Его сотрудник по МИД Б.Е. Штейн опаздывал со сдачей заказанных ему статей. Виновник был при нас вызван «на ковер». Полномочный представитель Советского Союза в Финляндии и в Италии, советник МИД в ранге посла, доктор исторических наук, профессор Б.Е. Штейн был подвергнут унижительной публичной порке. После нескольких жестких фраз главный редактор заявил: «Мы берем вас на сессию ООН в Нью-Йорке. Мы оплатили для вас отдельную каюту на теплоходе. Вот и сидите там, и пишите. И запомните – в день приезда в Нью-Йорк вы отсылаете свои статьи в редакцию, на имя Веры Семеновны. Идите».

Очень резок бывал главный редактор и с критиками своего детища. Помню, как во время публичного обсуждения первого тома *Дипломатического словаря* кто-то сделал критическое замечание о статье, посвященной британскому министру Э. Бевину. Руководитель обсуждения Вышинский немедленно дал отпор наглецу. Обращаясь к нам, редакторам, он сказал: «Когда будете готовить второе издание словаря, отредактируйте эту статью так, чтобы и глупцу было все понятно».

В 1947 г. в нашей редакции появился Иван Михайлович Майский. Это был человек известный. Одаренный публицист и писатель, Иван Михайлович был энциклопедически образован. До революции он был политическим противником большевиков, а в годы гражданской войны вступил в прямой конфликт с новой властью, заняв пост министра в правительстве, созданном летом 1918 г. в Самаре группой членов разогнанного Учредительного собрания. Ленин, знакомый с Майским еще по лондонской эмиграции в начале века, резко осуждал его. В со-

чинениях Ленина есть сопровождаемые резкими эпитетами упоминания имени Майского в одном ряду с Колчаком и другими открытыми врагами советской власти. Однако к концу гражданской войны Иван Михайлович был Лениным прощен, принят в ряды правящей партии, работал редактором *Петроградской правды*, а затем переведен на дипломатическое поприще. Майский был сотрудником советского посольства в Токио, послом в Финляндии, а с 1932 г. до 1943 г. – послом в Великобритании. В Лондоне особенно ярко проявились его способности дипломата. Его энергичная и умная полемика в Комитете по невмешательству в испанские дела с послами фашистских государств – Гранди и Риббентропом – сделала его известным во всем мире. В 1938 г., после Мюнхенского соглашения, у Ивана Михайловича установились доверительные отношения с У. Черчиллем, что позволяло Москве иметь ценную информацию о закулисной стороне деятельности британских «умиротворителей» Гитлера. В 1943 г. Майский был отозван в Москву и назначен заместителем наркома иностранных дел. Сталин включал его в советские делегации на встречах руководителей великих держав. В 1946 г. Иван Михайлович был избран академиком АН СССР. Он стал членом редакционного комитета *Дипломатического словаря* и был направлен к нам в редакцию.

Майский приезжал в редакцию почти ежедневно до того рокового дня в 1952 г., когда был арестован и почти три года провел в тюрьме. Иван Михайлович проходил в свой кабинет, что-то там читал и писал, но скоро не выдержал одиночества и пригласил автора этих заметок перенести в его кабинет свой стол и работать рядом с ним. Это было большой удачей для молодого редактора. Беседы с Майским, его рассуждения, воспоминания – все это было плодом размышлений и опыта талантливого человека. Мы дружили с Иваном Михайловичем и его женой Агнией Александровной до самого конца жизни этих замечательных людей.

Среди авторов *Дипломатического словаря* было много интересных людей, видных ученых и дипломатов. Вспоминаю историка С.В. Бахрушина из известной московской семьи театральных меценатов. Член Редакционного комитета, Сергей Васильевич, сугубо беспартийный человек, нервничал, когда дело доходило до политических оценок в статьях *Дипломатического словаря*. Помню, как он по какому-то поводу настойчиво добивался от Вышинского – «Андрей Януарьевич, а как это можно выразить правильно с точки зрения марксизма сегодняшнего дня?».

Несколько статей о дипломатии Востока написал Григорий Наумович Войтинский. В 1919 г. он был послан Коминтерном в Китай и вместе с шанхайским профессором Ли Даджао принимал участие в создании коммунистической партии. Одним из наших самых талантливых авторов был Альберт Захарович Манфред, крупнейший советский франковед, позднее – автор замечательных книг – *Наполеон Бонапарт* и *Три портрета*.

Статьи по истории английской дипломатии писал академик Е.А. Косминский. Он рассказывал нам, что в 20-е годы молодым человеком он был послан в Ан-

глию с задачей найти и купить книги, письма и другие материалы, принадлежавшие К. Марксу и Ф. Энгельсу, а также взять интервью у людей, знавших этих великих людей. Он встретился с местным предпринимателем, приятелем Ф. Энгельса. Бизнесмен охотно рассказывал гостю из Москвы, каким хорошим организатором производства был «старый Фред», как он хорошо ладил с рабочими, получал высокую прибыль. «Позвольте, – заметил молодой посланец Института Маркса-Энгельса-Ленина, – ведь прежде всего он был великим революционером, выдающимся философом». «Я что-то об этом уже слышал, – ответил собеседник. – Но знаете, молодой человек, в Англии у многих есть какое-нибудь хобби».

Ряд статей о выдающихся европейских дипломатах написал специалист по истории Англии и международных отношений И. С. Звавич. Человек, обладавший огромной памятью и эрудицией, он окончил Лондонскую экономическую школу и при выпуске получил высшую из возможных оценок. Автор этих заметок был слушателем его семинара и навсегда запомнил его девиз: «все жанры хороши, кроме скучного». Его лекции, даже по сложным проблемам историографии, были всегда интересны и увлекательны. Среди постоянных участников семинара Звавича была Светлана Аллилуева.

Статьи о германских канцлерах Бисмарке, Бюлове и немецких дипломатах писали талантливые германисты А.С. Ерусалимский и В.М. Хвостов. Международное право было представлено статьями В.Н. Дурденевского, Е.А. Коровина, И.П. Трайнина. О дипломатии стран Востока писали Е.М. Жуков, А.А. Губер, А.Ф. Миллер – ученые, принадлежавшие к цвету советской ориенталистики.

Среди авторов *Дипломатического словаря* был забытый сегодня близкий сотрудник Ленина Александр Григорьевич Гойхбарг (его имя можно встретить в томах полного собрания сочинений Ленина, особенно в материалах, связанных с работой так называемого Малого Совнаркома). Гойхбарг написал центральную статью первого тома – «Дипломатия». Он любил заходить в нашу редакцию делиться воспоминаниями. Запомнился его рассказ о подготовке к Генуэзской конференции 1922 г. Ленин, понимавший, что в Генуе перед советскими делегатами будет поставлен вопрос об уплате российских долгов по займам в странах Западной Европы, заботился о выработке контраргументации. Он поручил Гойхбаргу подсчитать, во сколько обошлось Советской России участие стран Антанты в интервенции 1918-1920 годов. Через несколько дней Александр Григорьевич принес Ленину результаты своих изысканий. Выслушав своего сотрудника, Владимир Ильич сказал: «Мало! Надо удвоить!».

Вера Семеновна Соловьева поощряла участие молодых редакторов и в авторской работе. А.Б. Беленький писал статьи о дипломатии США и стран Латинской Америки. М.А. Персиц – о странах Востока. Автор этих заметок тоже написал два десятка статей. После того, как статья именитого автора о Лиге Наций была забракована главным редактором, мне было поручено написать эту важную статью.

В 1950 г. мы выпустили в свет второй том *Дипломатического словаря*. Весь тираж – 50 тыс. экз., был раскуплен мгновенно, в прессе были хорошие рецензии, в частности Е.В. Тарле и А.С. Ерусалимского. Словарь выделялся из ряда политических книг того времени. В годы «холодной войны» любое упоминание деятелей Запада требовало четкой негативной характеристики, вроде – «реакционный политический деятель». Эта резкость оценок распространялась на всех, кто не был коммунистом или принадлежал к дореволюционным политикам России. Доходило до смешного. Император Александр I, например, в одном энциклопедическом издании характеризовался как «убежденный монархист». Кто бы мог подумать!

В *Дипломатическом словаре* политики и дипломаты не получали резких классовых дефиниций, определялись не по своим взглядам, а по государственной и профессиональной принадлежности. Например, Э. Бевин – «английский профсоюзный и политический деятель, министр иностранных дел с 1945 г.». Были, правда, и исключения – польский дипломат Ю. Бек характеризовался как «один из деятелей реакционной клики, правившей послеверсальской Польшей». В общем же, *Дипломатический словарь* отличался от других изданий того времени своей спокойной объективностью. За оба тома *Дипломатического словаря* мы получили премию Совета министров СССР.

Главный редактор сделал попытку договориться «в инстанциях» о подготовке второго издания *Дипломатического словаря*. В начале 1951 г. Андрей Януарьевич и Вера Семеновна были приглашены на заседание Секретариата ЦК КПСС. Председательствовал Г.М. Маленков. Он не дал Вышинскому толком обосновать его предложение о новом издании *Дипломатического словаря*, пару раз резко обрывал министра иностранных дел, который был блестящим златоустом, и предложил отклонить проект. Вера Семеновна рассказывала: «Вы представляете, там наш грозный главный был каким-то маленьким, смущенным и даже жалким».

После этой неудачи мы получили новую задачу – подготовить издание *Политического словаря*.

В 1952 г. в нашей редакции появился новый сотрудник – Георгий Хосроевич Шахназаров. Красивый, живой и умный кавказец быстро освоился на новом месте. Он скромно поставил свой стол у двери, держал себя дружественно и ничем не показывал, что был прислан к нам с особым заданием. В своей искренней книге («С вождями и без них») он рассказывает о назначении в нашу редакцию⁴. Директор «Политиздата» С.М. Ковалев напутствовал его так: «Я посылаю вас в один из самых интересных коллективов, где работают, можно сказать, лучшие редакторы издательства. Это профессионалы высокого класса, набирайтесь у них опыта». До сих пор – все понятно и хорошо. Но директор продолжал: «В то же время вы фронтовик, человек партийный». В общем, Ковалев предложил Геор-

⁴ Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001.

гию Хосроевичу возглавить редакцию. Но все три наших редактора были и фронтовиками, и членами партии. Значит, дело было в другом.

Умный Георгий Хосроевич понимал, где зарыта собака: «придирчивая проверка обнаружила, что подавляющее большинство авторов словаря относятся к числу лиц с "пятым пунктом"⁵, а последние автоматически причисляются к безродным космополитам». Выдвижение молодого офицера-коммуниста руководителем этого «нездорового коллектива» должно было продемонстрировать, что руководство издательства принимает должные меры для «очищения от скверны». Скоро Вера Семеновна передала бразды правления новому сотруднику.

Для нашей редакции наступили черные времена. Арест заведующей редакцией Э.И. Теумин был для редакции «черной меткой». Правда, арест тогда же С.А. Лозовского – члена главной редакции *Дипломатического словаря* и коллеги А.Я. Вышинского по наркомату иностранных дел – не отразился на судьбе Андрея Януарьевича.

«Мои коллеги, – пишет Георгий Хосроевич, – сами взялись обновлять авторский состав в соответствии с жестким предписанием главной редакции»⁶. Но это коллегам не помогло. В конце 1952 г. механизм расправы над редакцией был запущен. Был арестован мой автор Владимир Владимирович Альтман. Я пишу «мой», так как мне среди прочих разделов *Политического словаря* был поручен раздел «Культура и наука». Альтман, веселый, остроумный помощник вице-президента Академии наук СССР академика В.П. Волгина, должен был представить в редакцию статьи (примерно 30-40 строк на машинке) о Д.И. Менделееве, И.П. Павлове, И.М. Сеченове и других выдающихся деятелях российской науки. Альтман легко справился с этой несложной задачей и в назначенный срок принес около 30 коротких статей, которые не нуждались в редактировании или переделках. Не в моих силах было даже сократить эти тексты. В них не было «воды»: даты жизни, специализация ученого, его наиболее известные открытия и перечень важных трудов. И все. После внезапного исчезновения автора нам и в голову не приходило выбросить его тексты и заказать их другому. В этом не было никакого смысла. Никто не смог бы изменить основные вехи жизни корифеев отечественной науки. Но в партийном комитете рассудили по-иному. Была создана специальная комиссия для проверки работы редакции, которую по старой памяти называли редакцией *Дипломатического словаря*.

Особенно активными при расследовании наших «преступлений» были заведующий отделом кадров издательства Политическая литература Самсонов и заведующая редакцией отрывных календарей Кудрявчикова; последняя любила рассказывать о своем высоком положении в партии до прихода в издательство.

⁵ Для молодого читателя поясняем: в анкетах, которые заполнялись при поступлении на работу, в университет, аспирантуру, в первых трех пунктах необходимо было сообщить о своих фамилии, имени и отчестве, в четвертом – о дате рождения, а в пятом – о национальности. Эвфемизм «человек с пятым пунктом» означал национальность – еврей.

⁶ Там же. С. 69.

Она сообщала, что была секретарем парткома Большого театра. Перед посещением театра вождями она вместе с сотрудниками госбезопасности участвовала в осмотре зрительного зала и особенно ложи, где обычно сидел Сталин. Вера Алексеевна намекала, что по сути дела именно она не раз спасала жизнь наших вождей, так как в ложе находили устройства для их убийства. Я, грешным делом, считал театральное прошлое Веры Алексеевны фантазией, но ошибся. Работая с подшивкой *Правды* за 1936-1937 годы, я наткнулся на рапорт коллектива Большого театра своему главному зрителю. Документ был подписан секретарем парткома В.А.Кудрявчиковой. У Веры Алексеевны тоже были какие-то свои счеты с евреями. Моей помощнице, в то время младшему редактору Марине Лебедевой она настойчиво советовала «развязаться с этим евреем» (то есть со мной) и уйти в другую редакцию.

Допросы членов нашей редакции были почти ежедневными и продолжались по 3-4 часа. Я был болен, у меня неожиданно начался полиартрит, суставы рук и ног болели, но я не решался пропускать эти допросы. Помимо служебного положения и национальности авторов, наших недавних коллег, а теперь партийных следователей интересовало все, в том числе, как мы отмечали в редакции государственные и личные (дни рождения, защиты дипломов) праздники. Эти вполне невинные застолья, когда на 8 сотрудников редакции и 1-2 зашедших на огонек авторов покупалась пара бутылок красного вина и готовились бутерброды, в заключении комиссии парткома были обозначены как «систематические пьянки на рабочем месте».

В обвинительном заключении было сказано, что один из авторов читал в редакции свои «поэтические вирши». Небольшая, но для того времени важная деталь. По мере развития нашего «дела» слово «поэтические» было заменено на слово «политические», что придавало этому «делу» опасную остроту.

Наконец нас вызвали на заседание парткома «Политиздата» (или партбюро, уже не помню). Здесь голоса разделились. Директор издательства Ковалев выступил с обвинительной речью. Он сообщил, что как раз сегодня он обнаружил в своей домашней библиотеке книгу какого-то автора, оказавшегося врагом народа. Он тут же решил отправить ее на помойку, но долго не мог заставить себя даже дотронуться до этой мерзкой книги. А редакция *Политического словаря* спокойно работала со статьями Альтмана! Но Сергей Митрофанович не был злым человеком и предложил дать главному виновнику, редактору Кремеру, только строгий выговор.

На нашу беду в эти дни в советском посольстве в Тель-Авиве какой-то подлец взорвал бомбу. И хотя я не имел никакого отношения к этому акту терроризма в Израиле, он отразился на моей судьбе. Из шести членов парткома трое поддержали предложение директора, а другие трое требовали выгнать из партии человека, потерявшего «политическую бдительность». Заседание зашло в тупик, но в этот момент открылась дверь, и в комнату влетел запыхавшийся седьмой член парткома – Матвей К. Мотя, как его называли коллеги, был человеком средних

лет, не обремененным ни знаниями, ни способностями. Но зато он слыл хорошим коммунистом, всегда активно поддерживавшим «генеральную линию партии». Ему объяснили, что происходит на заседании, он тотчас занял самую суровую позицию. Со словами «они (то есть я) вон что делают в Израиле, а мы им будем потакать!» Мотя проголосовал за исключение меня из партии.

В эти дни я был, как во сне. Было ощущение, что я со стороны все это наблюдаю, со мной такого случиться не может. Помню, что я уходил из дома на улицу, бродил по переулкам. На лице моем застыла улыбка идиота. Несколько лет спустя в знаменитой книге Мартти Ларни *Четвертый позвонок* я встретил рассуждения одного из героев о смехе. Характеризуя всевозможные причины смеха, этот персонаж замечает, что «даже глубокое отчаяние» может породить смех. На Арбатской площади я как-то встретил машинистку из издательства. Женщина с милым, благородным лицом остановила меня со словами: «Илья Семенович, мы все сочувствуем Вам. Знаете, у англичан есть пословица – "если тебе трудно – выше голову и смейся"». Может быть кто-то не поверит, но мне стало легче.

Между тем, события развивались дальше. Как говорил один известный политик конца прошлого века, «процесс пошел». Партбюро заседало в начале февраля 1953 г., а 11-го или 12-го февраля состоялось партийное собрание. Плохо помню, что и как говорили мои недавние коллеги, а теперь суровые прокуроры. Один из выступавших тоже провел какую-то нить к взрыву в советском посольстве и моим поведением. Другой говорил, что в подборе авторов для *Политического словаря* редакция «нарушила ленинский принцип подбора кадров», приглашали их «по признаку национальной общности». Третий спрашивал меня с трибуны, что печатая биографические справки, подготовленные врагом народа Альтманом, был ли я уверен, что эти справки «не являются вражескими шифровками»? Я что-то пытался объяснять, например, напомнил, что путь рукописи от поступления в редакцию до выхода книги в свет продолжается 8-10 месяцев и кому же придет в голову таким способом отправлять шифровки? Но все было напрасно, моя судьба была предрешена.

Никто не решился выступить в нашу защиту. Вердикт собрания был еще более жестким, чем решение парткома. Теперь из партии были исключены двое – я и недоглядевший за моими враждебными действиями парторг редакции, награжденный орденами и медалями гвардии капитан Персиц. Вера Семеновна, зав. редакцией, которая «дала ввести себя в заблуждение», получила строгий выговор. И только Беленький, который, как говорится в одном «лагерном» стихотворении, «был, как оказалось, не при чем», получил простой выговор.

На следующий день после собрания я и Персиц были уволены с работы – беспартийные редакторы не могли трудиться в партийном издательстве. Несколько дней спустя потеряла работу моя жена – Инесса Ходош – в Институте Маркса-Энгельса-Ленина нельзя было терпеть жену исключенного из партии.

Мы с женой и ребенком остались без средств к существованию. Но могло быть еще хуже: обычно исключенные из партии по политическим мотивам вско-

ре попадали на Лубянку, и их судьба была несравненно более трагичной. Как пишет Георгий Хосроевич, «мои коллеги по Дипсловарю избежали худшего»⁷. Мой шурин настойчиво рекомендовал мне уехать в Среднюю Азию и там затеряться среди местного населения. Проект показался мне провальным, и я не воспользовался советом родственника.

Кроме уже отмеченной выше «улыбки идиота» в разгар гонений, можно назвать еще один феномен человеческого сознания, рожденный общественной жизнью в тоталитарном государстве. Человек, ложно обвиненный в каком-либо проступке, на первых порах убежден, что с ним поступают несправедливо. Он защищается, доказывает, что он «не верблюд», ничего дурного не сделал. Но его продолжают обвинять, в роли жестоких критиков выступают его коллеги, уважаемые партийные инстанции. И он начинает думать: не может быть, чтобы все эти люди ошибались, а я один был прав. Похоже, что я совершил ошибку. И надо это признать.

Это настроение нашло отражение в документах – тогдашних заявлениях «героев» дела, включая автора этих заметок, в которых фантастическое «протаскивание статей врага народа» признавалось ошибкой. Вот короткий пассаж из объяснительной записки «члена КПСС с 1948 г.» Кремера И.С. в райком партии: «Я признаю свою ошибку, выразившуюся в факте использования этих статей». Я пишу, что «должен был перезаказать все эти статьи», как будто другие авторы могли бы поставить Менделееву или Тимирязеву иные годы жизни или назвать иные их труды и открытия. Сегодня, задним числом, можно оценить эти слова как проявления слабости, но нужно вспомнить, помимо уже названного феномена сознания советского человека, сложившееся незыблемое правило, что обвиненный в каком-либо проступке коммунист должен был начать с так называемой «самокритики», с хотя бы частичного признания своих ошибок. Без этого предварительного условия вашим гонителям становилось ясно, что вы ничего не осознали, упорствуете в своих заблуждениях и не заслуживаете прощения.

Сегодня, во времена всеобщей деидеологизации и многопартийности, трудно представить, что в 1952-1953 гг. означало исключение из партии. В партийной среде было принято называть исключение из партии «гражданской казнью» или «политическим расстрелом». Это не было преувеличением: исключенный сразу же становился изгоем, индийским неприкасаемым, кандидатом на арест. Нередко даже друзья такого неудачника прекращали общение с ним. В моей жизни в описываемое время был такой эпизод.

К концу февраля 1953 г. я и жена остались не только без работы, но и без денег. Никаких сбережений у нас не было – жили от зарплаты до зарплаты, как почти все в те годы. Я попросил денег в долг у друзей. С Александром Николаевичем и его женой Соней я служил во фронтовой зенитной артиллерии, после войны мы дружили семьями. Александр Николаевич попал в группу инспекторов

⁷ Там же. С. 70.

Министерства обороны, а несколько лет спустя был принят в Академию генерального штаба. Соня – биохимик, работала в онкологической клинике. Когда я позвонил Соне и рассказал о нашей ситуации, она ответила, что, конечно, она привезет деньги. Но спустя день Соня смущенно сообщила, что муж запретил ей помогать мне. Для меня это был тяжелый удар – ведь мы были друзьями, испытанными в тяжелых условиях войны еще в Польше и Германии. Позднее Сонечка пыталась объяснить мне, что Александр Николаевич сам был в Академии под ударом, ему тоже «шили дело». Молодой полковник неосторожно сказал в кругу курсантов, что финские лыжи, по его мнению, лучше наших, советских. Донос, как писали в старых романах, «не замедлил себя ждать». Обвиненный в непатриотическом поступке офицер, участник освобождения двух европейских столиц, несколько месяцев «отмывался» от своего непатриотического заявления. Как объясняла Соня, муж был на грани исключения из Академии, нервничал, опасался, что за ним следят. А тут я – опальный кандидат на Лубянку, со своей просьбой.

Деньги одолжил мне беспартийный коллега – историк Виктор Хайцман, позднее он написал несколько хороших книг по международным проблемам 1920-1930-х годов. Беспартийные меньше нас, «винтиков» системы, были заражены страхом.

Надо напомнить, что «дело *Дипломатического словаря*» возникло на фоне последней крупной внутриполитической затеи Сталина. 13 января 1953 г. в газетах и по радио было опубликовано сообщение ТАСС «О раскрытии террористической группы врачей-отравителей». Месяц спустя *Правда* выступила со статьей «Простаки и проходимцы». Герои статьи – «проходимцы» – сплошь евреи, а «простаки» – русские, потерявшие бдительность, наивные, доверчивые ротозои. На фабриках, заводах, в колхозах, в университетах, научных институтах, воинских частях подымалась инспирированная сверху волна ненависти. *Правда* сообщила, что «все участники террористической группы врачей-вредителей состояли на службе у иностранных разведок». Далее давалось важное уточнение, что большинство участников этой группы было завербовано филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»⁸.

Лидия Тимашук, врач кремлевской больницы, первая указавшая на «неправильное лечение» вождей, стала любимой народной героиней. В подборке «Почта Лидии Тимашук» газета *Правда* писала: «Лидия Феодосьевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей». Старая пенсионерка из Славянска обращалась к новой героине: «Дорогая дочка Родины! Радуюсь от важному поступку». Два автора письма из Красногвардейска заверяли Лидию Феодосьевну, что «все – и стар, и млад, если бы было возможным иметь ваш

⁸ Правда. 18.01.1953.

портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме»⁹.

Президент Академии наук СССР академик А.Н. Несмеянов писал в главной газете страны: «патриотический долг ученых – всемерное повышение бдительности... решительная борьба против ротозейства, в результате которого в течение долгого времени оставалась не разоблаченной подлая банда врачей-вредителей, продававшаяся иностранной разведке». В том же номере *Правды* в передовой статье сообщалось о разоблачении в Литве «безродных космополитов, литовских и еврейских буржуазных националистов, подлых наймитов американского империализма, занимавшихся шпионажем и вредительством»¹⁰.

22 января 1953 г. в Москве состоялось торжественное траурное заседание, посвященное памяти Ленина. Докладчик - секретарь ЦК КПСС Н.А. Михайлов, сообщил собравшимся, что речь идет о подлых шпионах и убийцах, «спрятавшихся под маской врачей, продавшихся рабовладельцам-людоедам из США и Англии». К ненависти на страницах *Правды* призывали и писатели. Алексей Сурков, который, по словам Константина Симонова, ненавидел антисемитов, все же привлек на помощь классика Н.А. Некрасова, напомнив строчки поэта: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».

Все это разбавлялось славословиями в адрес великого вождя Сталина и сообщениями об экономических успехах СССР. Илья Эренбург, получивший накануне Сталинскую премию «За укрепление мира между народами», сообщил, что ему оказана высокая честь – «право носить на груди изображение человека, образ которого неизменно живет в сердце всех советских людей, всех миролюбивых людей нашего времени». Эренбург писал о Сталине как о «большом, зорком и справедливом человеке». Что касается успехов народного хозяйства, то *Правда* высоко оценивала рост сельскохозяйственного производства и «неуклонное повышение материального благосостояния колхозного крестьянства», которое (крестьянство – *И.К.*) «вышло на широкую дорогу зажиточной и культурной жизни»¹¹. Все происходившее в конце 1952 г. – начале 1953 г. было обобщено в *Правде* в статье «Расцвет социалистической демократии»¹².

Население быстро откликнулось «на подлые действия знаменитых медиков, агентов сионистов, стремившихся под видом лечения убить всех вождей во главе с товарищем Сталиным». В поликлиниках и больницах люди отказывались лечиться у врачей-евреев, выбрасывали прописанные ими лекарства. В троллейбусах и автобусах обсуждали заговор «этих гадов», громко зазвучало слово «жиды». Расправа, учиненная над нашей редакцией в «Политиздате», была лишь малой частью гигантской антисемитской кампании, развязанной вождем. Забот у него был, как говорится, «полон рот». Нужно было теоретически осмыслить эко-

⁹ Там же. 20.02.1953.

¹⁰ Там же. 31.01.1953.

¹¹ Там же. 28.01.1953.

¹² Там же. 22.02.1953.

номические проблемы социализма, приструнить сторонников югославского лидера Тито в европейских компартиях, очистить руководство страны и партии от предателей – В.М. Молотова и А.И. Микояна, провести показательный процесс над врачами-убийцами, руководить «холодной войной» против прогнившего, но удивительно живучего империализма.

Может быть, в результате всех этих забот 73-летний вождь всего прогрессивного человечества не выдержал, надорвался, и 5 марта 1953 г. умер. Смерть его тоже ознаменовалась трагедией – сотни людей были задавлены, затоптаны толпой, стремившейся любой ценой попрощаться с вождем. Моя жена и дочь Татьяна были в этой толпе и едва не погибли, прижатые к чугунной решетке бульвара недалеко от Трубной площади.

Для того, чтобы понять настрой многих людей в эти дни, приведу один пример. Среди погибших на улице была и студентка Московского института культуры. Заместитель директора этого института Оган Степанович Чубарьян сидел в своем кабинете, когда к нему постучались девушки из общежития, где жила покойная студентка: «Оган Степанович, с Украины приехали ее родители, сидят в нашей комнате, может, Вы пройдете к ним?». О.С. Чубарьян познакомился с отцом и матерью погибшей, произнес слова сочувствия. Но не был ими понят. «Оган Степанович, о чем Вы говорите? – удивленно спросила мама. – Ведь Сталин умер».

Между тем, раз запущенный механизм партийного разбирательства продолжал работать. В начале апреля 1953 г. нас вызвали на заседание райкома партии. Бюро вел первый секретарь райкома. Мне не дали и рта раскрыть в свою защиту. Я только произнес одну фразу – просил райком учесть, что *Политический словарь* еще не был напечатан и, следовательно, реального ущерба нашему государству статьи, написанные помощником вице-президента АН СССР Альтманом до его ареста, причинить не могли. Первый секретарь прервал меня: «все равно, такие вещи не прощаются» и предложил утвердить решение партсобраний издательства в отношении меня и Персица. Но этим дело не кончилось. Через 5-6 минут была исключена из партии и Соловьева, проходившая, похоже, по разряду «простаков», потерявших бдительность в окружении таких типов, как ее редакторы.

Вера Семеновна пришла домой в «Дом на набережной», где она жила со своим мужем, сотрудником Верховного суда СССР Кудряшевым, наполнила ванну теплой водой, села в нее и перерезала себе вены на обеих руках. Квартира не была отдельной, там жила еще одна семья. Соседи заметили, что из-под двери ванной по паркету растекается розовая вода, сумели открыть дверь и вызвали «Скорую помощь». Веру Семеновну отвезли в больницу, где врачи несколько дней боролись за ее жизнь. В итоге она выкарабкалась, но уже никогда больше не была той веселой, остроумной, харизматической женщиной, как до наших испытаний. Вера Семеновна рассказывала, что когда услышала по радио сообщение об освобождении врачей, она стала кричать: «Ну, пожалуйста, спасите меня. Я хочу жить!».

Дальше произошло мистическое событие. В декабре 1952 г., за день до начала нашего «дела», перед вызовом на допрос в комиссию партбюро, я уронил овальное зеркало, стоявшее на холодильнике. Оно разбилось и это воспринималось в семье как знак беды. 24 апреля 1953 г. я проходил мимо своего дома. Что-то остановило меня у витрины магазина «Хрусталь». В витрине стояло зеркало – точная копия разбитого. Я немедленно купил его и поставил на прежнее место. Прошло не более часа, как вдруг прозвучал телефонный звонок. «Илья, – раздался голос известного историка, автора книг по истории Австрии Владимира Михайловича Турока-Попова. – Спешу передать Вам привет от Вашего врага народа. Два часа тому назад его освободили и привезли домой. Поздравляю Вас». Вот так судьба играет человеком, нередко устраивая ему контрастный душ.

Процедура исключения из партии считалась законченной, если наказание подтверждала Комиссия партийного контроля (КПК) городского комитета ВКП(б). В июне 1953 г. состоялось заседание КПК. Это было в доме на ул. Калинина, где позднее располагался Комитет по связям с зарубежными странами. Комиссия была в затруднении. С одной стороны, враг народа – на свободе, вернулся к своим обязанностям в АН СССР, с другой – мы были исключены решением бюро Железнодорожного райкома партии, и признать это решение полностью неверным – дело трудное. Тут комиссии очень помогли имевшиеся в «деле» упоминания о наших редакционных праздниках. Все трое были восстановлены в партии, но получили по выговору с формулировкой: «за участие в выпивках в помещении редакции».

Снятие этого взыскания – особая песня. С трудом я устроился преподавать историю в техникум при автозаводе имени Лихачева. По тогдашним правилам избавиться от пятна в партийной биографии можно было не ранее, чем через год беспорочной службы. В техникуме и в райкоме партии все сошло хорошо. Единственный вопрос во время этого процесса реабилитации задал первый секретарь Пролетарского райкома Н.М. Пегов. Обращаясь не ко мне, а к секретарю партбюро техникума, он спросил: «А как сейчас, тов. Кремер не выпивает?». Секретарь заверила, что ничего такого за мной не замечено.

Но, поскольку выговор был дан Московским горкомом партии по рекомендации комиссии партийного контроля при горкоме, окончательно снять это взыскание могли только эти инстанции. Между тем, проходили месяцы, а меня туда не приглашали. Наконец, в июне 1954 г. я был приглашен к партийному следователю тов. Башкировой. Она была занята оживленным разговором с каким-то пожилым человеком. Я сел в коридоре. Беседа в кабинете затянулась почти на час. Когда посетитель кабинета вышел, я сделал попытку войти в кабинет, но тов. Башкирова сообщила мне, что она занята: «Ждите. Позову!». Наконец, из-за двери раздался громкий крик: «Кремер, войдите».

Тов. Башкирова сообщила мне, что я совершил серьезное партийное преступление, потерял политическую бдительность, работал со статьями врага народа. Я попытался напомнить ей, что больше не обвиняюсь в столь тяжком проступке.

«Ах, вот что! Вы, оказывается, до сих пор не осознали того, что наделали. Я буду выступать на комиссии против снятия выговора».

Я понял, что хотя тов. Сталин умер, дело его живет. На заседании комиссии партийного контроля тов. Башкирова снова выдвинула против меня обвинение в «привлечении к работе таких авторов, как Альтман и Ноткин». Альтман еще в апреле 1953 г. был освобожден и вернулся на работу в Академию наук. Ноткин, известный экономист, был знаменит благодаря адресованному ему письму т. Сталина, в котором автор письма ни в чем не обвиняет Ноткина, но дискутирует с ним по теоретическим проблемам экономики.

Другими словами, тов. Башкирова не хотела отказаться от прежних политических обвинений. До XX съезда партии оставалось полтора года и партийный актив еще не понимал, куда повернет «генеральная линия партии». Между тем, я не мог рассчитывать на научную работу, о которой мечтал, пока выговор не снят. Я записался на прием к председателю комиссии Дмитриеву. У него была хорошая репутация справедливого, честного человека. Дмитриев дал мне неожиданный совет «не спешить». «Тов. Башкирова у нас тут секретарь партбюро, очень жесткая, принципиальная женщина. У нас все ее побаиваются. Давайте решим так. Отложим на пару месяцев, она успокоится, я с ней поговорю, позвоню Вам, мы рассмотрим дело и снимем выговор». С этим я и ушел. Но тов. Башкирова обо мне не забыла. Однажды вечером, я вел урок в группе мастеров и рабочих автозавода, дверь приоткрылась, и директор техникума попросил меня отпустить студентов и зайти к нему в кабинет. Директор сообщил мне, что ему звонила тов. Башкирова. Она предлагает, чтобы я поехал работать в деревню, на руководящую должность в колхозе. Что я думаю по этому поводу? Я думал, что это большая глупость. У меня нет нужного опыта и агрономического образования, и пользы ни мне, ни колхозу от такого председателя не будет.

Через 3-4 дня все повторилось. На этот раз директор передал мне четкое заявление тов. Башкировой: если я откажусь от предложенной работы в сельском хозяйстве, снимать выговор она не согласна. Я подтвердил директору свою позицию. Время шло, а моя проблема зависла. Мои друзья из института истории АН СССР (и в их числе Александр Некрич и Михаил Гефтер) торопили меня, говорили, что вот сейчас есть вакансия в секторе по подготовке 10-томной *Всемирной истории*, а завтра этой вакансии может уже не быть. Я решил попытаться не через директора техникума, а лично поговорить с Башкировой. Позвонил ей, никто не ответил. Позвонил в канцелярию парткомиссии, спросил, как мне попасть к Башкировой. Ответ был какой-то непонятный: «завтра, в 10 утра, в Большом зале». Я ничего не понял, позвонил своей бывшей помощнице Марине Лебедевой. «Мариша, будь добра, позвони в канцелярию комиссии партийного контроля и спроси, когда можно попасть на прием к Башкировой». Через минуту – звонок Марины: «Умерла твоя Башкирова. Завтра утром прощание в Большом зале».

Через три дня позвонил партследователь тов. Греков и пригласил на заседание комиссии. Выговор был единогласно снят. Теперь я мог попытаться получить

работу по душе. С лета 1955 г. я стал научным сотрудником Института истории Академии наук. Но это уже другая тема.

VI. Эссе

Андреас Умланд

Четыре геополитических измерения децентрализации Украины: как украинская реформа местного самоуправления повлияет на развитие постсоветских стран*

Украинская реформа местного самоуправления, которая началась в 2014 году, стала одним из наиболее важных пост-майданных трансформационных проектов¹. Эту фундаментальную перестройку политической власти и государственных финансов Украины часто называют просто «децентрализацией». Непретенциозное название, частично технический характер реформы, а также провинциальный характер преобразований привели к тому, что этот коренной передел украинского государства часто остается вне поля зрения многих иностранных журналистов и аналитиков². Хуже того, в Западной Европе украинская децентра-

* Первоначальная версия этой статьи была опубликована в газете *Зеркало недели* (11 января 2019).

¹ Report on Municipal Amalgamation and Possible Impact on Territorial Reform of Upper Tiers of Government. Kyiv, 2017. http://www.slg-coe.org.ua/wp-content/uploads/2017/12/CoE_Report_Municipal_amalgamation_CELGR_2017_4_.pdf; Maintaining the Momentum of Decentralisation in Ukraine. Kyiv, 2018. www.oecd.org/countries/ukraine/maintaining-the-momentum-of-decentralisation-in-ukraine-9789264301436-en.htm; Жаліло Я.А. та інші. Децентралізація влади: порядок денний на середньострокову перспективу. К., 2019. https://www.niss.gov.ua/sites/default/files/2019-05/Децентрал_влади_друк_блок_обкладинка_0.pdf.

² Среди немногих публикаций на немецком и английском языках: Werchan R. Dezentralisierung: Der Weg zu einer effizienteren Regierung, Wirtschaftswachstum und dem Erhalt der territorialen Integrität? // Ukraine – Krisen – Perspektiven: Interdisziplinäre Betrachtungen eines Landes im Umbruch / Ed. E. Bakalova et al. Berlin, 2015. P. 187-212; Shapovalova N. Mühen der Ebenen: Dezentralisierung in der Ukraine // Osteuropa. 2015. № 4, 2015. P. 143-152; Jarabik B., Yesmukhanova Yu. Ukraine's Slow Struggle for Decentralization // Carnegie Endowment for International Peace. 8 March 2017. carnegieendowment.org/2017/03/08/ukraine-s-slow-struggle-for-decentralization-pub-68219; Baller Oe. Korruptionsbekämpfung und Dezentralisierung auf dem Prüfstand des Reformbedarfs in der Ukraine // Jahrbuch für Ostrecht. 2017. № 2. P. 235-268; Levitas T., Djikic J. Caught Mid-Stream: «Decentralization», Local Government Finance Reform, and the Restructuring of Ukraine's Public Sector 2014 to 2016. Kyiv, 2017. <http://sklinternational.org.ua/wp-content/uploads/2017/10/UkraineCaughtMidStream-ENG-FINAL-06.10.2017.pdf>; Tkatschuk A. Zur Dezentralisierung: Erfolge, Risiken und die Rolle des Parlamentes // Ukraine-Nachrichten. 26 January 2017. https://ukraine-nachrichten.de/dezentralisierung-erfolge-risiken-rolle-parlamentes_4568; Hanuschschak Ju., Sydortschuk O., Umland A. Die ukrainische Dezentralisierungsreform nach der

лизация иногда рассматривается как нечто навязанное Западом, начатое, как в случае других реформ, в связи с Соглашением об ассоциации с ЕС или даже вызванное конфликтом с Россией и соответствующими Минскими соглашениями, в которых содержится термин «децентрализация».

Почему Украина децентрализуется

Фактически же, нынешняя административная и политическая реструктуризация Украины имеет скорее национальные, чем иностранные корни. Она планировалась и подготавливалась еще до начала Евромайдана в ноябре 2013 года. Сегодняя децентрализация в Украине объединяет ряд отдельных реформ, которые касаются различных аспектов городской и сельской политической и социальной жизни. Децентрализация глубоко меняет условия общественной самоорганизации, госфинансирования и экономического развития.

Небольшие общины объединяются в более крупные, устойчивые и самодостаточные единицы самоуправления. Областные и районные органы, сотрудники которых назначаются Киевом, лишаются своих прежних прерогатив в пользу избранных местных территориальных и городских советов. Бюджетно-правовые полномочия передаются от национального и регионального на муниципальный и локальный уровень. Обязанности в таких отраслях, как школьное образование и коммунальные услуги, передаются объединенным территориальным громадам (ОТГ).

Как и во всем мире, децентрализация в Украине приводит к благотворным последствиям для повседневной жизни граждан. Государственное управление становится более рациональным, гибким, понятным и интерактивным. Укрепляются отношения между государством и обществом, повышается демократическая ответственность чиновников. Поскольку прозрачность распределения ресурсов увеличивается, возможности для реализации коррупционных практик постепенно уменьшаются. Облегчаются экономическая активность и межрегиональное соперничество местных общин. Города, поселки и деревни могут легче сотрудничать друг с другом, но также конкурируют между собой за инвестиции, туристов, проекты, персонал и гранты. Талантливая молодежь в провинции может

Euromajdan-Revolution 2014–2017: Vorgeschichte, Erfolge, Hindernisse // *Ukraine-Analysen*. 2017. № 183. P. 2–11, <http://www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen183.pdf>; Madela M. Der Reformprozess in der Ukraine 2014–2017: Eine Fallstudie zur Reform der öffentlichen Verwaltung. Stuttgart, 2018; Rabinovych M., Levitas A., Umland A. Revisiting Decentralization After Maidan: Achievements and Challenges of Ukraine’s Local Governance Reform // Kennan Cable. 2018. № 34. www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-34-revisiting-decentralization-after-maidan-achievements-and-challenges; Ukraine’s Decentralization: Challenges and Implications of the Local Governance Reform after the Euromaidan Revolution / Ed. V. Romanova, A. Umland. Stuttgart, 2019.

лучше самореализоваться у себя дома. Патриотическая энергия населения перенаправляется с мифологизации воображаемых на улучшение реальных общин. Гражданская активность поощряется и используется для общественного блага. Инициативы и идеи снизу могут быстрее трансформироваться в факторы реальных перемен и послужить примером для общенациональных инноваций.

В Украине эти и аналогичные всеобщие положительные эффекты децентрализации приобретают дополнительный вес ввиду особого статуса страны как одной из территориально крупнейших стран Европы, важной постсоветской республики и геополитически значимого государства. Какой бы курс Украина не выбрала и какие успехи или провалы она бы не пережила в своих внутренних делах, из-за международного значения страны это будет иметь серьезные последствия для общеевропейской безопасности и стабильности, всеобщего посткоммунистического социально-экономического развития, а также для перспектив либерализации и демократизации в Восточной Европе, Южном Кавказе и частично даже в Центральной Азии. Если, когда и в какой степени Украина станет в результате своих реформ более устойчивой, сплоченной, западной и успешной, это будет иметь значительные последствия для распространения и воздействия европейских ценностей на всей северной части евразийского материка. В этой связи децентрализация Украины имеет косвенные геополитические последствия, по крайней мере, в четырех измерениях.

Децентрализация повышает эффективность

Прежде всего, децентрализация делает Украину как государство и нацию более эффективной в том смысле, что она уменьшает, подавляет или, по крайней мере, ограничивает различные постсоветские патологии ее государственного управления и местного развития. Этот эффект, в свою очередь, имеет не только муниципальное, региональное или национальное, но также и косвенно международное значение. Правда, постсоветская Украина – в отличие от Российской (так называемой) Федерации или других авторитарных бывших республик СССР – никогда не была особенно централизованным государством. Вместо этого Украина большую часть последних 25 лет страдала от неформальной регионализации в полуавтономные вотчины, контролируемые экономическими магнатами и их полумafiaозными структурами. Эти «олигархи», которые иногда являлись и являются одновременно чиновниками или политиками, выступали и выступают в качестве покровителей закулисных клиентских сетей, которые инфильтрируют и частично контролируют большинство официальных правительственных, некоторые неправительственные и многие коммерческие организации³.

³ Hale Н.Е. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge, 2015.

Влияние того или иного олигархического клана могло или может охватывать определенный макрорегион, такой как Донецкий бассейн (Донбасс), одну конкретную область или определенный крупный город и его окрестности. Кроме того, языковые, культурные и религиозные различия до сих пор обостряют территориальные разногласия внутри формально централизованного украинского государства. Нерегулируемые региональные крипто-режимы в Украине отчасти по-прежнему подрывают верховенство права, препятствуют экономическому росту и политическому развитию страны. Так, например, отечественные и иностранные инвесторы могли, а иногда и по-прежнему могут стать жертвами беспощадных рейдерских атак, ведущих к экспроприации их имущества доминирующим в данном городе или регионе олигархическим кланом.

Нынешняя выражено субрегиональная направленность реформы госуправления Украиной не полностью нейтрализует, но помогает ослаблять эти клановые структуры. Украинская децентрализация передает власть более низкому уровню и сообществам, меньшим, чем те, в которых работает большинство старых неформальных патронажных сетей. Это делает более сложным захват государственных структур и усложняет подрыв процесса принятия политических и бюджетных решений частными интересами. Правда, децентрализация иногда просто переносит очаг коррупционных структур с национального или регионального на местный уровень. В определенных случаях это может быть даже на пользу кланам, которые до сих пор функционировали в муниципальном или сельском контексте.

В целом, однако, децентрализация в Украине, как и везде в мире, укрепляет, а не ослабляет верховенство права и способствует экономическому развитию. Органы местного самоуправления, которые наделены новыми полномочиями, в большей степени поддаются общественному контролю и политической ответственности перед гражданами своих громад, чем византийские административные органы Украины, унаследованные от советской системы. Когда предприимчивые экономические или политические деятели и силы сталкиваются с местными, а не региональными или национальными рамками, то более вероятно, что их амбиции будут направлены в общественные, развивающие и инновационные проекты, а не в скрытые, коррупционные и захватнические схемы.

В среднем, новые украинские ОТГ, таким образом, менее подвержены подрывной деятельности со стороны полукриминальных патронажных структур, чем областные и районные администрации и советы. Новые ОТГ, по сравнению со старыми мелкими громадами, имеют больше мотивации и возможностей участвовать в конкуренции с другими общинами за привлечение инвестиций, туристов и грантов. На фоне этих глубоких структурных изменений не станет преувеличением утверждение, что децентрализация делает украинское государство более стабильным, функциональным и эффективным, что способствует всеобщей модернизации Украины. Что бы ни усиливало относительно плюралистическое и либеральное украинское государство – рационализация, европеизация,

децентрализация, приватизация, дерегуляция и т.д. – это в свою очередь подрывает легитимность клепто- и автократических порядков других постсоветских государств. Поддерживая демократическое, социальное и экономическое развитие Украины, ее децентрализация косвенно помогает – из-за размеров и геополитической роли Украины – изменить все постсоветское пространство в лучшую сторону.

Децентрализация повышает устойчивость

Во-вторых, помимо укрепления украинского государства в целом, многие украинские политики стали рассматривать децентрализацию как своеобразное противоядие от гибридной войны России, в частности. Более глубокое вовлечение простых украинцев в государственные дела посредством децентрализации поддерживает национальную сплоченность населения Украины и гражданский дух ее граждан. Спикер национального парламента Верховная Рада Андрей Парубий заявил во время 2-го Всеукраинского форума ОТГ в Киеве в декабре 2017 года, что «путь децентрализации был асимметричным ответом агрессору [т.е. России]. Фактически процесс формирования дееспособных громад послужил своеобразным сшиванием украинского пространства»⁴.

В 2014 году «гибридная» тактика Москвы заключалась в том, чтобы захватить юго-восточные регионы Украины и в первую очередь их центры разнообразными агентами или коллаборантами российского государства⁵. Локусом планирования

⁴ How European Ukraine is being sewn of amalgamated hromadas // Decentralization. 5 December 2017. decentralization.gov.ua/en/news/7747.

⁵ Mitrokhin N. Infiltration, Instruktion, Invasion: Russlands Krieg in der Ukraine // Osteuropa. 2014. № 8. P. 3-16; Умланд А. Суть «украинского кризиса» и его значение для Кремля и Европейского Союза // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 19-32; Куделя С. Внутренние источники донбасского восстания // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 25-33; Умланд А. В защиту конспирологии: ответ Сергею Кудели на его анти-политический анализ «гибридной войны» в Восточной Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 34-39; Куделя С. Ответ Андреасу Умланду: война в Донбассе началась изнутри // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 40-44; Мацневский М. К дискуссии об источниках «восстания» в Донбассе: недостатки аргумента Сергея Кудели // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 45-48; Куделя С. О сути причин конфликта в Донбассе: ответ Юрию Мацневскому // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 49-52; Митрохин Н. Грубые люди: как русские националисты спровоцировали гражданскую войну в Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 53-74; Freedman L. Ukraine and the Art of Limited War // Survival. 2014-2015. № 6. P. 7-38; Mitrokhin N. Infiltration, Instruction, Invasion: Russia's War in the Donbass // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2015. № 1. P. 219-250; Zadorozhnyi O. Hybrid War or Civil War? The Interplay of Some Methods of Russian Foreign Policy Propaganda with International Law // Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal. 2016. № 2. P. 117-128; Wilson A. The Donbas in 2014: Explaining Civil Conflict Perhaps, but not Civil War //

и проведения этих операций были либо традиционные области и Автономная Республика Крым, либо реальные или воображаемые макрорегионы, такие как Донбасс и «Новороссия», охватывающая весь восток и юг Украины. Россия сама рассматривается россиянами как территория, состоящая из областей, краев, республик или макрорегионов, таких, как, например, Сибирь, Урал и т.д. В результате, украинское государство также концептуализируется многими российскими политиками в этих терминах. В 2014 году существование мощных региональных кланов и областное структурирование политики на преимущественно русскоговорящих востоке и юге Украины действительно открыли доступ Кремлю для проведения его секретных операций, призванных разжечь антикиевский автономизм, пророссийский сепаратизм и панславянский национализм.

В настоящее время продолжающаяся передача власти с национального и областного уровней на местный уровень в Украине лишает гибридную тактику России традиционных институциональных рамок для подрывных действий⁶. Децентрализация, которая не является федерализацией, усложняет целеполагание и планирование ирредентистских операций, аналогичных тем, которые успешно проводились в Симферополе, Донецке и Луганске в 2014 году. Поскольку областные столицы и правительства постепенно утрачивают политическую значимость, Кремлю становится труднее определить целевые пункты своих интервенций и разграничить территории, где он может поддержать раскол или/и подготовить аннексию.

В должным образом децентрализованной Украине вероятность успешного переворота в каком-либо восточном или южном областном центре со стороны поддерживаемого Москвой «народного губернатора» будет ограниченной. Такой гипотетический, установленный Кремлем самозванец в той или иной региональной столице должен был бы убедить все муниципальные и общинные законодательные и исполнительные органы соответствующего региона в своих доводах. Россия смогла в марте 2014 года утвердить нынешнего премьер-министра Крыма Сергея Аксёнова в Симферополе несмотря на то, что партия «Русское единство» Аксёнова получила только 4% на последних предыдущих местных выборах в 2010 году. Если бы политическая власть в Крыму уже была децентрализована к

Europe-Asia Studies. 2016. № 4. P. 631-652; Katchanovski I. The Separatist War in Donbas: A Violent Break-up of Ukraine? // European Politics and Society. 2016. № 4, 2016. P. 473-489; Kudelia S. The Donbas Rift // Russian Politics and Law. 2016. № 1. P. 5-27; Sasse G., Lackner A. War and Identity: The Case of the Donbas in Ukraine // Post-Soviet Affairs. 2018. №№ 2-3. P. 139-157; Giuliano E. Who Supported Separatism in Donbas? Ethnicity and Popular Opinion at the Start of the Ukraine Crisis // Post-Soviet Affairs. 2018. №№ 2-3. P. 158-178; Umland A. The Glazyev Tapes, Origins of the Donbas Conflict, and Minsk Agreements // Foreign Policy Association. 13 September 2018. foreignpolicyblogs.com/2018/09/13/the-glazyev-tapes-origins-of-the-donbas-conflict-and-minsk-agreements/.

⁶ Побережний Г. Децентралізація як засіб від сепаратизму // Критика. 2006. № 11. С. 3-7. krytyka.com/ua/articles/detsentralizatsiya-yak-zasib-vid-separatyizmu.

февралю 2014 года, вероятно, было бы сложнее запланировать захват полуострова Россией и труднее осуществить его на практике.

По этим причинам взлом все еще частично советской административной системы Украины рассматривается некоторыми украинскими политиками и экспертами как средство консолидации и защиты украинского государства. Трансфер прав и полномочий областей и районов самоуправляемым местным громадам перераспределяет коренным образом политическую власть в стране. Он постепенно уменьшает значимость тех формальных и неформальных общественно-политических структур, которые могут быть наиболее подвержены подрывной московской деятельности с целью вызвать сепаратизм.

В худшем случае, территориальный аппетит Москвы в будущем может остаться прежним или даже расти дальше. На этом фоне судьба Украины в немалой степени зависит от того, насколько успешно и в какой степени она сможет реструктурировать систему, роли, обязанности и финансы своих центральных, региональных и местных уровней управления. Антисепаратистский потенциал децентрализации Украины, в свою очередь, имеет не только национальное, но и международное значение. В той степени, в которой реформы местного управления – наряду с другими параллельными преобразованиями в Украине – помогают поддерживать независимость Киева и стабилизировать украинское государство, они противодействуют российскому реваншизму. Чем сильнее Украина, тем менее убедительно выглядит неоимперский проект Москвы и претензии Кремля на гегемонию на пространстве бывших царского и советского государств. Как в 1997 году Збигнев Бжезинский лаконично отметил: «Без Украины Россия перестает быть евразийской империей».

Это косвенно геостратегическое измерение всех сейчас воплощаемых реформ и общего национального строительства в Украине, не в последнюю очередь ее децентрализации, является для многих украинцев тривиальным, самоочевидным фактом. Для них здесь изложенная аргументация – всего лишь череда общих мест, которые, возможно, излишне отдельно упоминать. Однако этот аспект иногда упускается из виду западными наблюдателями, действующими в рамках общих прерогатив и традиционных целей реформ по децентрализации, как они проводятся по всему миру. Как и в случае с другими проектами, которые помогают укрепить украинское государство, значение децентрализации Украины для всего постсоветского пространства нельзя переоценить, учитывая его вышеприведенные антиколониальные последствия.

Децентрализация поддерживает европеизацию

Третий геополитический аспект децентрализации Украины заключается в том, что она поддерживает продолжающуюся интеграцию Украины в политическое и

правовое пространство ЕС в рамках программы «Восточное партнерство», начатой в 2009 году, и Соглашения об ассоциации, подписанного в 2014 году. Децентрализация помогает подготовить предстоящую заявку Киева и получить, в конечном итоге, полноправное членство в Евросоюзе. Определенным образом децентрализация Украины является более фундаментальным фактором постепенной европеизации Украины, чем другие аспекты этого процесса, более подверженные влиянию извне.

Многое, если не большая часть нынешнего возрождения украинских государственных законов и институтов вызвана, обусловлена или направлена западными институтами. К ним относились и относятся, например, такие движущие силы украинских реформ, как Соглашение об ассоциации и План действий по либерализации визового режима ЕС, кредитные соглашения с МВФ, замечания Венецианской комиссии Совета Европы, решения Европейского суда по правам человека и др.

Продолжающаяся же трансформация украинской системы местного самоуправления направляется, напротив, скорее изнутри страны, чем извне. Конечно, некоторые концепции в соответствующем новом украинском законодательстве были вдохновлены примерами из-за рубежа, прежде всего децентрализацией Польши, начатой еще в 1990 году⁷. Более того, различные западные страны, такие как Швейцария, Швеция или Германия, уже в течение ряда лет выделяли средства на подготовку, обсуждение и разработку планов украинских преобразований, прежде чем их реализация в конечном итоге стартовала в апреле 2014 года⁸. Как только реформа началась, она быстро стала одним из основных направлений поддержки со стороны западных донорских госорганизаций, таких как Американское агентство по международному развитию USAID, Германское общество международного сотрудничества GIZ или Шведское агентство международного сотрудничества SIDA. Последние два агентства осуществляют особенно комплексный и систематический проект под названием «U-LEAD with Europe» («Программа для Украины с Европой по расширению прав и возможностей на местном уровне, подотчетности и развитию»), в основном финансируемый ЕС.

⁷ Poland: Decentralization and Reform of the State. Washington, 1992; Levitas A., Herczyński J. Decentralization, Local Governments and Education Reform and Finance in Poland: 1990–1999 // *Balancing National and Local Responsibilities: Education Management and Finance in Four Central European Countries* / Ed. K. Davey. Budapest, 2003. P. 113-191; Swianiewicz P. Poland and Ukraine: Contrasting Paths of Decentralisation and Territorial Reform // *Local Government Studies*. 2006. № 5. P. 599-622; Gorodnichenko Yu., Kim D. Poland Local Government Reform: Division of Responsibilities // *VoxUkraine*. 14 July 2014. voxukraine.org/en/37/; Levitas A. Local Government Reform as State Building: What the Polish Case tells us about «Decentralization» // *Studies in the International Development*. 2017. Vol. 52. P. 23-44.

⁸ Myshlovska O. Democratizing Ukraine by Promoting Decentralisation? A Study of Swiss-Ukraine Cooperation // *International Development Policy Working Papers*. 4 May 2015. <http://journals.openedition.org/poldev/2010>.

Тем не менее, своеобразный дизайн и синтез инструментов украинской реформы децентрализации являются в значительной степени отечественным продуктом, не имеющим какой-либо особой «задолженности» перед Варшавой, Брюсселем, Вашингтоном, Берлином или Стокгольмом. Таким образом, украинская децентрализация, в определенном смысле, не является частью «европеизации» Украины в узком и более техническом смысле этого слова. То есть, она не есть часть того механического переноса законов и норм ЕС во внутреннее украинское законодательство, который сейчас происходит в рамках реализации Соглашения об ассоциации между Киевом и Брюсселем. В то же самое время, однако, украинская децентрализация, начатая в результате победы Революции достоинства в 2014 году, может – именно из-за ее преимущественно национальных, а не международных импульсов – рассматриваться как особенно важный аспект глубокой европеизации Украины в широком смысле этого слова. То есть она, тем не менее, значима с точки зрения постепенного приближения страны к общим принципам политики, госуправления и общественной жизни в ЕС.

Будучи украинским проектом, вдохновленным разными внешними моделями, но не смоделированным на каком-либо одном иностранном примере, и не следующим каким-то заранее заданным западным рецептам, децентрализация имеет два более широких значения для позиции Украины в Европе. Во-первых, она – символ категоричного и детально изнутри запланированного отхода Украины от царских и советских централистских традиций ее прошлого в составе бывшей московской империи. Сами идея, содержание, философия и начало украинской децентрализации, как выражено национального проекта, как бы документируют «европейскость» Украины. Она – практическое доказательство гражданского, плюралистического и открытого характера политической традиции и культуры Украины.

Во-вторых, накапливающиеся результаты трансформации административной системы Украины делают ее все более и более совместимой с Евросоюзом. Большинство стран-членов ЕС уже более или менее децентрализованы. В той или иной мере они продолжают свою дальнейшую децентрализацию. Кроме того, они следуют общеизвестному принципу «субсидиарности» в выстраивании своих отношений как с Брюсселем, так и с собственными регионами и муниципалитетами. То есть они распределяют конкретные управленческие задачи и полномочия на те уровни, на которых они наиболее уместны. Чем более децентрализованной и субсидиарной Украина становится, тем больше она будет похожа на другие европейские страны, и тем лучше она впоследствии будет готова к полному вступлению в ЕС.

Внутреннее происхождение и европеизирующие последствия децентрализации Украины, в свою очередь, важны не только с точки зрения общего распространения западных ценностей и принципов. Они также имеют большее геополитическое измерение. Поскольку реформа местного самоуправления Киева выражает и продвигает «европейский» характер Украины, она демонстрирует ее

принадлежность к западному нормативному и культурному контексту. Это, в свою очередь, делает стремление Украины вступить в ЕС и НАТО более естественным стремлением, направлением и процессом.

Это измерение представляется особенно актуальным, если рассматривать его в контексте различных централистских тенденций в России и других постсоветских республиках, например, в Центральной Азии, в течение последних двух десятилетий. После первых попыток демократизации после распада СССР в начале 1990-х годов многие постсоветские республики возвратились к авторитаризму и централизму, хотя и под новыми, часто националистическими лозунгами. На этом фоне утверждение Киева о том, что он отличается от других более авторитарных и даже отчасти тоталитарных государств (Туркменистан, Узбекистан) бывшего советского блока, выглядит более правдоподобным. Хотя это и не было ее главной целью, децентрализация, таким образом, поддерживает евроинтеграцию Украины и ее постепенное вхождение в Атлантическое сообщество. Более того, реформа местного самоуправления в Украине способствует не только ее западной интеграции, но может – в случае ее успеха – и внести свой вклад в перестройку управления и государственную стабилизацию других стран постсоветского пространства.

Децентрализация обеспечивает модель

Этот последний – и на данный момент спекулятивный – геополитический аспект продолжающейся трансформации украинского самоуправления касается его потенциала межнационального распространения. Децентрализация в Украине может в будущем обеспечить реформаторские идеи, законодательные схемы и институциональные шаблоны для применения другими, пока что высокоцентрализованными постсоветскими государствами в их, вероятно, предстоящих внутренних реформах. Это касается не только, но прежде всего самой России, для которой когда-нибудь – как изложено ниже – может стать актуальной задача децентрализации скорее по пути украинского локализма, а не следуя российской федералистской парадигме.

Со временем каждая из постсоветских республик будет затронута эффектами постепенной социальной модернизации, распространением западных правовых стандартов, демократизацией в результате внутриэлитных разногласий, а также международной экономической интеграцией. Эти процессы будут все больше и больше менять все до сих пор политически слаборазвитые посткоммунистические страны. Рано или поздно правительственные кризисы, осознание собственной неконкурентоспособности и общая фрустрация от отсталости своих наций создадут давление в обществе для глубоких реформ в России, Беларуси, Армении, Азербайджане и / или Центральной Азии. Тогда эти страны начнут искать

внешние модели и опыт, которые им могут помочь инспирировать свои неподвижные общества и преобразовать свои неэффективные госаппараты.

В случае такого поворота событий украинские реформы после Евромайдана, безусловно, не станут единственным ориентиром для Минска, Москвы, Еревана (где здесь описанный механизм уже сегодня начинает действовать), Баку или Астаны. Тем не менее, как только начнется более широкий постсоветский поиск успешных образцов трансформации, Украина может – из-за своего размера и истории как составной части бывшей общей империи – привлечь особое внимание новых правительств, прогрессивных партий и прозападных экспертов постсоветского пространства. Какую бы устойчивость, какой динамизм и успех ни проявил бы тот или иной аспект нынешней трансформации Украины в течение следующих лет, он может в тот или иной момент стать привлекательным и для других государств, настроенных на реформирование – возможно, даже для тех, которые находятся за пределами территории бывшего СССР. Потенциал или даже намеренное создание условий для трансграничного распространения реформ, конечно, является чем-то, что прямо или косвенно подразумевается во многих перестроечных концепциях и усилиях во всем мире. Однако реформа местного самоуправления в Украине может иметь еще большую геополитическую значимость из-за ее вышеупомянутого значения для государственного строительства и предупреждения сепаратизма.

Специфический нефедералистский тип децентрализации в Украине является не только способом улучшения отношений между государством и обществом, но также может служить инструментом стабилизации регионально напряженных или культурно разделенных государств, которым угрожают сепаратистские тенденции⁹. Точно так же, как передача власти местному и муниципальному уровням помогает Украине удерживать свою территорию целостной, применение ее модели децентрализации может в один прекрасный день поддержать и другие постсоветские государства в сохранении своего единства¹⁰. Это касается не в последнюю очередь России, чей размер и многоэтничный характер делают ее особенно уязвимой для сепаратизма.

⁹ Panizza U. Decentralization as a Mechanism to Prevent Secession // *Economic Notes*. 1998. № 2. P. 263-267; Frey B.S., Luechinger S. Decentralization as a Disincentive for Terror // *European Journal of Political Economy*. 2004. № 2. P. 509-515; Brancanti D. Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // *International Organization*. 2006. № 3. P. 651-685; Dreher A., Fischer J.A.V. Government Decentralization as a Disincentive for Transnational Terror? An Empirical Analysis // *IZA Discussion Papers*. 2009. № 4259; Vaillancourt F., Roy-Cesar E., Miller Bird R. Is Decentralization «Glue» or «Solvent» for National Unity? // *Andrew Young School International Studies Program Working Paper*. 2010. № 3; Ehrke J. Zur Stabilisierung fragmentierter Staaten: Dezentralisierung, Entwicklungszusammenarbeit und das Gespenst des Separatismus. Potsdam, 2011; Grävingsholt J., von Haldenwang C. The Promotion of Decentralization and Local Governance in Fragile Contexts // *DIE Discussion Papers*. 2016. № 20.

¹⁰ Rjabčuk M. Dezentralisierung und Subsidiarität: Wider die Föderalisierung à la russe // *Osteuropa*. 2014. №№ 5-6. P. 217-225.

В течение последних примерно пятнадцати лет формально федеральное российское государство все более и более рецентрализовалось при президенте Владимире Путине. Россия сегодня де-факто снова является унитарным государством, ярлык «Федерация» которого уже не соответствует действительности. Тем не менее, как показала история, чрезмерная централизация не является гарантией против сепаратизма. Псевдо-федеральная конституция и высокая централизация политической и экономической власти в советском якобы «союзе» не смогли предотвратить распад СССР, а наоборот, способствовали возникновению центробежных тенденций, которые в конечном итоге разрушили империю.

Подобная опасность может нависнуть и над постсоветской Российской (так называемой) Федерацией. Несмотря на свой сильный в настоящее время центр, Россия также не застрахована от разделения и распада. Если наступит новое «смутное время» в Москве, не только национальные республики, но даже некоторые самодостаточные российские края и области могут начать задумываться об ослаблении связей или даже выходе из федерации, чтобы стать частично или полностью суверенными единицами. Более или менее успешный выход лишь одного субъекта РФ может вызвать эффект домино среди других региональных элит, считающих, что им будет лучше жить в рамках своего неформального княжества, индивидуальной автономии, конфедеративного устройства или даже отдельного государства.

Многие в Украине сегодня не возражали бы против такого развития событий на территории РФ – точка зрения понятная, ввиду особенно агрессивного поведения Москвы по отношению к украинской нации с 2014 года. Тем не менее, предположение о том, что развал России будет однозначно выгоден Украине, может оказаться слишком оптимистичным. Не факт, что новые квази-государства или автономии, разделяющие или заменяющие нынешнюю российскую псевдо-федерацию, будут более дружелюбны по отношению к Киеву и Западу, чем путинский режим сегодня. Хуже того, нельзя быть полностью уверенным, что в таком случае все российское оружие массового поражения останется под контролем более или менее вменяемых людей, если огромная страна действительно расколется. В одном из наихудших сценариев распада РФ такой фанатично анти-украинский полководец, как, например, Игорь Гиркин («Стрелков»), мог бы получить контроль над, скажем, тактическим ядерным оружием. Такое развитие событий могло бы иметь катастрофические последствия для Украины.

Частичная замена нынешнего российского федерального устройства с его имплицитными автономистскими оттенками и встроеной иллюзией региональной самодостаточности механизмом самоуправления, смоделированным на украинском примере, подразумевает передачу многих центральных полномочий местным, а не региональным органам власти. Такая реформа процесса принятия политических решений отдаляет его не только от Москвы, но и от республиканского и областного уровней. Передача как можно больших политических и управ-

ленческих полномочий в России субрегиональным избранным советам и исполкомам может быть в интересах всех.

Децентрализованная Россия с сильным местным самоуправлением, где скорее города и территориальные общины, а не Москва, федеральные округа или областные и республиканские столицы контролируют наиболее существенные прерогативы и финансы, вероятно, была бы гораздо менее империалистической и амбициозной на международном уровне, чем путинский режим сегодня. Когда российские местные органы власти будут иметь последнее слово в распределении значимых бюджетных средств, аппетит к мировому величию и территориальной экспансии уступит место более приземленным проблемам социально-экономического развития на огромной территории России. Школьное образование, здравоохранение, дорожное строительство, энергоэффективность, привлечение инвестиций, защита окружающей среды и т.п., а не претензии на континентальную гегемонию или новые территории встанут на первоочередную повестку дня.

По-настоящему децентрализованное, а не регионализованное российское государство также будет более устойчивым и единым, чем нынешняя Российская Федерация. Современное макрорегиональное и региональное административное деление России может в кризисной ситуации способствовать сепаратистским действиям, так как эта структура сама по себе предлагает возможные самостоятельные политические единицы. Так же, как, по словам спикера украинского парламента Парубия, децентрализация, которую в настоящее время осуществляет Киев, заключается в «сшивании украинского пространства», эта модель надежды может также помочь Москве сохранить целостность российского государства в переходные времена. Ввиду значительного центробежного потенциала ее госструктуры, парадоксальным образом, будущая РФ, возможно, больше будет нуждаться в реформе самоуправления украинского типа, чем сегодняшняя Украина.

Децентрализация как недооцененная реформа

Приведенный выше список не означает, что реформа местного самоуправления является панацеей для Украины и других постсоветских государств. Тем не менее, ее европеизирующий и антисепаратистский потенциал делает децентрализацию особенно значимым аспектом текущих социально-политических преобразований в Украине. Ввиду некоторых специфически постсоветских политических вызовов, на которые отвечает децентрализация, ее подрыва имперских замашек и поддержки государственного единства, эта реформа в Украине имеет большее значение, чем другие по существу аналогичные процессы передачи национальной и региональной власти на муниципальный и местный уровни в

других частях света. Ни отброс царско-коммунистической империи, ни образование новых национальных государств на постсоветском пространстве еще не завершены. Децентрализация может стать одним из основных инструментов для мирного решения обеих этих сложных задач.

Когда местные общины – будь то в городском, сельском или смешанном контекстах – берут на себя основные политические задачи и государственные финансовые средства, тогда имперские планы и сепаратистские лозунги теряют свое значение. Более того, децентрализация может помочь сдержать радикальный национализм и способствовать европейской интеграции. В заключение, текущая реформа децентрализации в Украине заслуживает большего внимания со стороны правительств, СМИ, гражданского общества и научных исследователей во всем мире. Более глубокое изучение концепций, элементов и опыта нынешней украинской перезагрузки местного самоуправления может выявить полезные идеи и уроки для сторонников демократии в других постсоветских странах и за ее пределами.

VII. Воспоминания

Мы строим московскую «линию Мажино»: воспоминания Ильи Кремера

Накануне войны в моей жизни произошли коренные перемены – я был впервые влюблен. В декабре 1940 г. комитет комсомола исторического факультета МГУ послал меня, студента второго курса, проверять работу комсорга одной из групп на первом курсе. Комсорг оказалась очень красивой девочкой, проверка ее работы закончилась быстро и благополучно. Дочь старых большевиков к своей работе относилась очень серьезно, и проверка завершилась двумя походами в Большой театр.

У меня, правда, возникла проблема – идти мне было не в чем, черная толстовка с пояском была моим единственным костюмом. На помощь пришел мой знакомый – курсант военной академии Борис Натухин. Он был большим франтом, имел целую стайку девушек, и я с завистью наблюдал, как легко он с ними общается. В его штатском гардеробе был красивый дорогой костюм, мы долго примеряли его на меня, одергивали, оглаживали и в конце концов пришли к выводу, что заметные недочеты в одежде вполне могли быть и виной портного. То ли я, то ли костюм произвели нужное впечатление на мою избранницу, и с этих дней мы фактически не расставались. Поздно ночью я уезжал из дома возле Моссовета в общежитие на Стромынку, в темноте отыскивал в огромной комнате свою кровать среди шестнадцати других.

Утром перед населением общежития вставала задача – попасть в переполненный трамвай, шедший к метро «Сокольники». Мощным тараном историков был Арчил Джапаридзе, сын одного из 26 бакинских комиссаров, крупный и сильный парень.

А дальше – Моховая, лекции, встречи с моей любимой в перерывах, совместная еда за рубль в студенческой столовой и прогулки по Александровскому саду. Вечер мы проводили дома у Инессы, где в 2-комнатной (переделанной ее родителями в 4-комнатную) уютной квартире кроме нее жили отец, мать, 15-летний брат и овчарка с отвратительной манерой класть мне лапы на грудь при встрече.

Хотя в своем городе в Брянской области я считался способным парнем, печатал революционные стихи в местной газете *Труд* и школу кончил с «золотым» аттестатом (медалей тогда не было), очень важные уроки жизни я получил именно в эти месяцы до войны. Убежденный комсомолец, я одобрял все, что делалось в стране, помню лишь, что в дневнике, который я вел, в разгар террора появилась фраза – «кому же теперь можно верить?». Это относилось, кажется, к осужден-

ным маршалам. Но поскольку всегда на месте оставался великий руководитель, который воплощал в себе все наше будущее, включая и близкую мировую революцию, я был спокоен. Инесса впервые открыла мне глаза на то, что происходило, по крайней мере – в столице. До 18 лет она жила в «Доме правительства», где случались странные и страшные события, где родители ее соучеников и просто соседи исчезали каждую ночь. Никто из них никогда не возвращался. Впечатлительная девочка, очень привязанная к отцу, не спала ночами, прислушиваясь, на каком этаже останавливается лифт с посланцами Лубянки. Некоторые квартиры меняли своих хозяев 2-3 раза. В эти же дни из других домов исчезали родные дяди Инессы (один из них, Владимир Розовский на известной фотографии 1919 г. идет рядом с Лениным на параде войск Всевобуча), самый близкий друг ее отца, автор истории партии Вилли Кнорин, родители друзей. Собственные родители (отец вступил в партию еще в марте 1917 г.) оправдывали всё. На вопросы девочки, мог ли дядя Вилли стать врагом народа, отец отвечал: «Неужели ты не понимаешь, что члена ЦК не арестуют просто так? Раз такого человека арестовали, значит, он виноват».

Из-за близких дружеских и родственных связей с «врагами» родители Инессы начали терять свои служебные позиции (мать, Полина Розовская, ректор финансового института Госплана, была исключена из партии и уволена с работы, отец перестал быть членом коллегии Министерства финансов). Теперь проживание в «Доме правительства» им было уже не по чину и их переселили в новый дом на ул. Горького (теперь – Тверская). Оказалось, что у них нет никакой собственности, в старом жилье все обставлялось за казенный счет, теперь в квартире постепенно появлялись стулья, кушетки и даже раскладушки.

Похоже, что я пришелся по сердцу отцу Инессы, до революции – полуграмотному столяру, а в 1917 г. – одному из организаторов советской власти в Минске (много лет спустя мы видели его портрет в музее белорусской столицы). Он был человеком прямым, доброжелательным и сразу понял, что наш роман с его дочерью – дело серьезное.

Помню, как вечером, в канун 1 мая 1941 г., когда мы с ним вышли в Елисейский магазин за продуктами, он вдруг сказал мне: «Зачем тебе каждый вечер ехать так далеко? Ночуй у нас». Не сразу, но постепенно я стал пользоваться этой привилегией и спал в «общей» комнате, где семья обычно питалась. Мы ни разу не говорили с Инессой о браке, но в подсознании уже складывалось желание никогда не расставаться.

Между тем, вокруг нас в мире многое происходило. В апреле немцы вторглись в Югославию, разбили югославскую армию, вошли в Грецию, спустились к югу и с воздуха захватили Крит. В первые дни мая И.В. Сталин выступил в Кремле перед выпускниками военных академий. В газетах, как всегда в то время, была помещена лишь небольшая формальная информация, но по столице ходили слухи, что речь была тревожной, и в ней что-то якобы говорилось о возможной близкой войне.

Однажды воскресным утром к нам на ул. Горького заехал мой земляк из г. Клинцы и сосед по комнате в общежитии Эммануил Гафт. Первое, что нас поразило – он был острижен наголо. «Поехали, ребята, в Парк культуры, возьмем лодку, покатаемся, я вам все расскажу». В то время на лодочной станции недалеко от Крымского моста можно было взять на пару часов лодку и кататься хоть по середине реки.

Когда мы отъехали подальше от берега, Эммануил сказал, что у него в Москве есть родственник, занимающий высокий пост в военной иерархии. Генерал по секрету сообщил ему, что после разгрома Югославии и Греции немцы перебрасывают войска к советской границе. А главное – генерал сам слушал Сталина 2 мая в Кремле. Офицерам было сказано, что у них нет времени на «раскачку» и освоение в своих частях, ибо не исключено, что война уже на носу.

Много лет спустя мне довелось беседовать с еще одним участником кремлевского собрания – генералом армии Николаем Григорьевичем Лященко, уже успевшим до большой войны повоевать в Испании и окончить военную академию. К слову сказать, Н.Г. Лященко был одним из немногих знакомых мне генералов, кто не простил Сталину ни истребления офицерского корпуса в 1937-1941 гг., ни просчетов в начале и в ходе войны. Рассказывая, что несколько тысяч выпускников больше часа ждали опаздывавшего вождя, он неожиданно заметил: «Наконец, в глубине сцены открылась какая-то дверь и появилась эта рябая сволочь».

Хотя первая часть речи Сталина была посвящена успехам перевооружения Красной Армии, появлению в частях новой техники, которую выпускники академий должны как можно скорее освоить, во второй ее части действительно сохранились не только привычные призывы к «бдительности», но говорилось и о дефиците времени.

А что же было дальше? Маршал Тимошенко, близко знавший генерала Лященко, рассказал ему, что Г.К. Жуков, сменивший на посту начальника Генштаба арестованного К.А. Мерецкова, был, похоже, тоже очень встревожен, ибо имел детальную информацию о положении на границах Прибалтики, Белоруссии и Украины. В середине мая 1941 г. он направил руководству страны докладную записку с предложением расстроить с помощью сильного превентивного удара Красной Армии уже явно спланированный удар по Советскому Союзу. Начальник Генштаба не мог не знать, что перевооружение Красной Армии находится в начальной стадии, что строятся, но еще не вступили в строй новые авиазаводы, что старая оборонительная линия – у Минска – разоружена, а новая – в районе Буга – еще не построена. Но, по-видимому, калькулируя «за» и «против» того или иного развития событий, Жуков считал, что риск немецкого наступления превосходит риск упреждающих сражений на территории Польши, которые он предлагал.

К своей докладной записке Жуков приложил подробные схемы действий Красной Армии. Ответа от руководства страны не было. Тогда, по словам Н.Г.

Лященко, Жуков стал настойчиво просить Тимошенко (как и другие выходцы из 1-й Конной Армии, нарком обороны пользовался определенным доверием у вождя еще с царицынских времен) договориться со Сталиным о подробном докладе по поводу ситуации на границе.

В первых числах июня Тимошенко и Жуков были приглашены на заседание политбюро ЦК ВКП(б). Они приехали немного раньше назначенного времени, укрепили на стене карты и схемы.

Наконец, за столом появились вожди – Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян и другие. Вошел Сталин, спросил, кто будет докладывать – Тимошенко назвал начальника Генштаба. Жуков с указкой в руках начал подробно объяснять критическое положение, сложившееся на западной границе, и заявил, что Красная Армия не должна пассивно ждать мощного удара трех группировок противника. Сталин во время доклада Жукова не садился, а ходил по комнате. Неожиданно он остановился перед Жуковым и буквально тыча трубкой ему в лицо, стал в большом раздражении говорить: «Вам что, мало чинов и орденов, которые мы вам дали? Захотелось поиграть в войну?», – и – повернувшись в сторону Тимошенко: «Посмотрите на этого человека. Какой большой человек и какая маленькая голова. Если бы я его не знал еще со времен Гражданской войны, я бы решил, что перед нами сидит провокатор. Я предупреждаю вас обоих – если вы будете провоцировать немцев, передвигать свои дивизии туда-сюда, головы ваши полетят». После этого Сталин покинул комнату. До начала войны оставалось около 20 дней.

Катаясь в середине мая на лодке по Москве-реке, мы с Инессой ничего этого знать не могли. Тревожно звучали слова моего друга. «Сегодня я постригся наголо. Если начнется война, я в ту же минуту побегу в военкомат. Я не буду прятаться и знаю, что с этой войны я не вернусь». Он не вернулся. Но через неделю после начала войны мы оба оказались под Рославлем, на р. Десна, где энергия многих тысяч студентов была использована для строительства глубокой «противотанковой» траншеи. Когда мы вернулись в середине августа в Москву, Гафт (как и другой мой друг – Лазарь Керженевич) ушел в армию.

В 1943 г. я зашел на исторический факультет (в здание на Моховой попала бомба и историки учились в бывшей школе на Большой Бронной). Я ожидал звонка на перерыв в пустом коридоре, по которому бодро вышагивал один человек – охранник Светланы Аллилуевой, слушавшей в это время лекцию в аудитории¹. Чтобы убить время, я подошел к стенной газете *Историк-марксист*. В правой полосе было напечатано письмо с фронта. Командир части, в которой воевал мой дорогой друг и земляк, сообщил руководству университета, что бывший студент-историк Эммануил Гафт храбро сражался, но во время последнего боя, ко-

¹ Светлана писала в своих воспоминаниях, что после поступления в Университет она отказалась от охранника. Но в 1943 г. – он ещё был, я его видел.

гда часть отражала атаку танков, он, связав несколько гранат, бросился под фашистский танк и погиб смертью героя.

Я сравнительно поздно попал на фронт из-за сильной близорукости. Один глаз требовал линзу с -5 диоптриями, другой – с -3,5. Похоже, что провинциальный мальчик, запоем читавший при керосиновой 8-линейной лампе, успел к 18 годам здорово испортить зрение. Да к тому же мои глаза каким-то образом, не будучи косыми, смотрели не под нужным углом, что называлось красивым, но непонятным словом «астигматизм». Первый раз я был забракован осенью 1941 г. в Москве, когда набирали отряды лыжников для защиты города.

Это было вскоре после нашего возвращения с р. Десна. Как уже было сказано, там, недалеко от Рославля, мы, студенты МГУ и других московских институтов, многие тысячи молодых людей, строили линию обороны – глубокий ров на несколько сот километров, 3 метра глубиной и 3,5 – шириной по верхнему обрезу. Из историков, помимо упомянутых в этой статье, помню А. Черняева, С. Шмидта, А. Каждана, В. Карасева, В. Александрова, Г. Раевского, Г. Цявловского, Б. Каневского, Р. Лаврова и других. Жесткие нормы, установленные прорабами – нужно было «выбросить» на бровку не меньше 6 кубометров земли в смену, нередко с большой глубины, приводили в отчаяние городских мальчиков, первый раз в жизни державших лопату в руках. Недалеко от историков трудились математики и среди них сын многолетнего наркома иностранных дел – Миша Литвинов. Между тем, по «трассе» прошел слух, что за невыполнение нормы будут наказывать «по законам военного времени». Это вызвало новый подъем трудового энтузиазма у будущих интеллигентов. 23 июля десятки тысяч студентов вообще трудились «со слезами на глазах» – по траншеям разнесся слух, что Москву накануне бомбили. Почти у всех кто-то оставался в столице – отец, мать, любимая девушка. Настроение было тяжелым. Слух оказался правдой. Помню, как перед нами, студентами младших курсов, выступил Михаил Гефтер, занимавший какой-то пост в штабе великой студенческой стройки. Именно он был одним из тех ораторов в Коммунистической аудитории Московского Университета на Моховой улице поздно вечером 22 июня 1941 г., кто говорил, что финская война не дала нам раскрыть свою силу, а вот начавшаяся сегодня война с немецкими фашистами позволит нашему народу развернуться во весь рост. Теперь, месяц спустя, он сохранял всю свою бодрость и силу убеждения очень способного, харизматического человека, и нам всем стало как-то легче после его речи. Бомбежки Москвы не были слухом, но слухов было полно. Уже в начале июля мы «узнали», что наш «первый красный офицер», один из двух уцелевших в 1938 г. маршалов – К.Е. Ворошилов выступил по радио из якобы занятого нашими войсками Хельсинки, что Красная армия успешно наступает.

Между тем дела на фронте шли все хуже. По ночам, лежа в шалаше, я и мои друзья-историки – Лазарь (Зоря) Керженевич и Анатолий Миркинд – прислушивались к гулу самолетов, летевших на Москву, и к бомбовым ударам по крупному аэродрому на Брянском направлении. Работать днем стало опасно, и нам прика-

зали днем спать, а ночью – от темноты до рассвета – копать свою линию Мажино. Тут надо сказать, что пища наша тоже не соответствовала тяжелому физическому труду. Меню состояло из одного блюда – тарелки пшенной каши, которую мы получали днем. О каких-либо витаминах и думать было нечего. Это сыграло тяжелую роль в судьбе Александра Каждана, будущего византиниста с мировой известностью. Он почти ослеп и не выходил из соседней избы.

Где-то недели через три село стала покидать советская власть – все работники сельсовета, руководители колхоза, их родственники. В телегу запрягались еще сохранившиеся лошади, а к перекладам привязывали коров, в саму телегу ставили какие-то железные ящики из сельсовета, а по бокам рассовывали детей. Вся деревня вышла на площадь провожать своих добрых и недобрых начальников. Слышали ли вы когда-нибудь, как плачет деревня? Это был тяжелый, надрывный стон, в который вплетались и мотивы страха перед близкой оккупацией, и «на кого вы нас покидаете?».

Как выяснилось, их покидали на меня. Село недолго оставалось без власти. Где-то за несколько километров от Снопоти, там, где помещался «штаб трассы», в тот же вечер решилась моя судьба. Я был назначен «комендантом села Снопоть» и должен был теперь сидеть у телефона в сельсовете, принимать распоряжения еще не отовсюду сбежавшей власти. В случае необходимости я должен был собрать по избам все вещи студентов и обеспечить быструю эвакуацию оставшихся при мне инвалидов – Сигурта Шмидта, Саши Каждана, Саши Ревзина, Виктора Хайцмана и других.

В память запали 2-3 эпизода этих мрачных июльских и августовских дней. В сельсовет зашел милиционер, отступавший самостоятельно, но не терявший выправки и достоинства. Он был увешан оружием. На плечах висели две винтовки, в двух кобурах – пистолеты. За пояс засунуты три или четыре танковые гранаты. Его широкая русская душа не могла терпеть, чтобы советская власть в Снопоти оставалась без защиты, и он торжественно подарил мне одну гранату с длинной деревянной ручкой. И чудо – я почувствовал себя как-то увереннее.

Странно вел себя телефон. К нему подключались какие-то русские голоса и сообщали, что с. Снопоть уже обойдено немцами, и что нам очень повезет, если мы успеем оттуда сбежать. Но уйти без приказа мы не могли – многолетнее воспитание не позволяло об этом и думать. Лично я всегда был убежденным патриотом, очень сочувственно и даже с жалостью относился ко всем, кто не живет в СССР, и плакал в дни поражения испанских республиканцев. В школе я был членом комитета комсомола и председателем совета старост – старостата. Еще совсем маленьким я был облечен особым доверием школьного руководства – мне поручили в каком-то революционном скетче под названием «Смерть вождя» сыграть роль великого Ленина – в очередную годовщину Октябрьской революции я лежал в гробу (предполагалось, что в Колонном зале), закрыв глаза и в лысом парике, а вокруг меня в слезах ходили потрясенные трудящиеся, в том числе обе мои младшие сестры. Хотя мои родители, находившиеся среди зрителей, счита-

ли, что я играл хорошо, это был единственный и последний успех, как говорили великие режиссеры, «на театре».

Одним из ярких впечатлений августовских дней 1941 г. был провод через село группы из 30-40 немецких пленных, сброшенных на парашютах и захваченных нашими солдатами. В касках, аккуратно одетые, загорелые и сытые, они спокойно шли под охраной 3 или 4 конных конвоиров. Ни мы, ни сельские жители не произносили ни одного слова, никак не реагировали на это событие. Война только начиналась и еще не произвела того ожесточения в душах, которое пришло позже. Мимо нас шли даже не враги, а противники, потерпевшие этой ночью неудачу. Интересно сравнить эти чувства с тем, что я испытывал 3 или 4 мая 1945 г. в Берлине, когда оставленный один ночевать в центре города в бывшей немецкой казарме (в зенитном бункере), я дрожал от ночного холода, но не мог заставить себя укрыться немецким солдатским одеялом, которые там лежали десятками. В это время «немецкое» означало – фашистское, грязное, оскверненное, вызывавшее брезгливость.

Но вернемся в Снопоть. Мои товарищи перестали приходить «с трассы» на ночевку в село, ибо, как уже сказано, ночью работали, а днем кое-как отдыхали на еловых ветках в лесу. Между тем, канонада все приближалась. Мы не знали, что противник уже так близко подошел к нашей гигантской «канаве», не знали, что бои уже идут в Смоленске. Позднее, как мне рассказали, наш «Западный вал» не задержал немецкое наступление на Москву. Мы еще тогда, в августе, удивлялись, что никто не появляется, чтобы построить укрепления вдоль рва – доты или другие сооружения (во всяком случае, до середины августа). Никаких инженерных частей мы не видели, и подозрение о бессмысленности нашей работы появилось в наших головах. Правда, большинство из нас жило с убеждением, что нацистские танковые авангарды не дотянутся до нас, что они будут где-то остановлены. Но канонада становилась все громче. Я начал всерьез опасаться, что меня с несколькими моими инвалидами просто забудут.

Но однажды вечером произошли неожиданные события. К сельсовету подкатила грузовая машина, и шофер сообщил, что я должен с помощью больных собрать по домам все студенческие вещи, погрузить в эту машину, и нам предписано всем вместе срочно покинуть Снопоть и выехать в восточном направлении. Едва только я успел направить свою инвалидную команду по хатам, как увидел на улице бегущую к сельсовету женщину. Задыхаясь от бега, она нервно, срываясь на крик и истерику, сообщила, что ее семью односельчане из соседней деревни не выпускают, удерживают силой, не позволяя эвакуироваться. «Немцы сейчас войдут в деревню, может быть, уже вошли, пока я бежала, а нас не пускают». Я подозвал своего однокурсника – Сашу Ревзина. «Саша, сходи с этой женщиной, всего два километра, помоги семье уехать, я задержу грузовик». Появился Сигурт Шмидт, увешанный ботинками и брюками наших товарищей, другие больные забросили все в машину и сели возле сельсовета, ждем Сашу. Шофер нервничает: «Попаду я с вами в беду. Темнеет уже. Говорят, много десантов

немцы бросают». Я что-то рассказываю, отвлекая ребят, себя самого и водителя от страха и, вместе с тем, тяну время. Нервничаю страшно. Как же уехать без Саши? Решаю, что если машина с ребятами уйдет, я должен остаться и ждать. Наконец, терпение шофера иссякло, он сел в кабину, мотор затарахтел. «Вы как хотите, я поехал!»

В этот критический момент в конце улицы появился клубок пыли, а через минуту нарисовался Саша. Мы вскарабкались в кузов и поехали. Саша рассказал, что сделать ничего не смог. Речь шла о семье, которая годами «стучала» на односельчан, не одна семья потеряла своего главу из-за «бдительности» активного соседа. А теперь крестьяне говорят: «Никуда мы этих гадов не пустим. Сдадим их немцам. Может, хоть они найдут управу на сволочей». Я был счастлив, что Саша вернулся, и нам не придется пешком пробираться вдвоем – куда, мы и сами не знали.

Через два дня во главе сорока человек меня отправили в Москву. В телеге ехали те, кто уже не мог идти. Наконец, вечером подошел короткий поезд, мы сели и утром на рассвете вышли на площадь Киевского вокзала. Было 12 августа 1941 г. Тарелки громкоговорителей передавали последние известия. Мы уловили фразу: наши войска оставили город Смоленск.

Коротко об авторах

Игорь Баринов, историк, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

Людмила Дымерская-Цигельман, историк и литературовед, Иерусалим

Илья Кремер, историк, профессор теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета

Леонид Люкс, историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва

Михаил Минаков, философ, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Оксана Назарова, философ, научный переводчик, доцент Института персонального тренинга и консультирования, Мюнхен

Шохей Сайто, историк, Японское общество поддержки науки, Токио-Москва

Андреас Умланд, политолог, Институт евро-атлантического сотрудничества, Киев

Семен Франк (1877-1950), философ, один из инициаторов русского религиозно-философского ренессанса начала XX века

Борис Хавкин, историк, Российский государственный гуманитарный университет, Москва